

Виктор Буйвидас

Наркотик Любовь

сборник юмористических произведений

Уфа 2013

УДК 82–93
ББК 84(2Рос=Рус) 6–44
Б90

Буйвидас В.
Наркотик Любовь: *сборник юмористических произведений*. – Уфа : Вагант, 2013. – 240 с.

Здесь нет ничего такого, что может заинтересовать компетентные органы. Все удивительные и смешные истории, собранные в этой книжке, очень разные. Некоторые абсолютно фантастичны. Другие, напротив, взяты из жизни. Однако и они достаточно за гранью рутинной действительности. Перед вами просто необыкновенные похождения эксцентричных дам и сумасбродных джентльменов.

Палец

Привезли меня в новогоднюю ночь с белой горячкой в травматологическое отделение больницы №40. Почему с «белкой» в «травму»? Смешной вопрос. Проволокой от шампанского я поцарапал указательный палец левой руки. Вскоре он скрючился, распух как дыня и стал выдавать зловонные выделения: не сок фрукта, а гной плоти.

Наша компания – научный потенциал нации, но сильно пьяный – вызвала «скорую». Для быстроты реакции эскулапов красotka Инга сказала по телефону, что у меня гангрена, наступающая по руке на плечо семи-милевыми шагами. Что не могло не вызвать ответа моей шальной «белки».

– Марина, – сказал я, – вы такая чудесная и умная!

– Да, все так. Но я Инга, а не Марина.

Я мгновенно дал ей здоровым кулаком в глаз и объяснил:

– Только что наступил Год Собаки, значит все не Марины получают в глаз. Почему? Смешной вопрос! Потому что в деревне Репки у моей тетки Зои есть сучка Машка, следовательно все не Марины – не собачки, в этом году им по гороскопу ничего не светит, значит можно вполне обойтись и одним глазком!

Славные труженики «скорой помощи» вытащили меня из праздничной квартиры как раз вовремя. Я стоял в прихожей, прикрываясь дверкой холодильника, как щитом, а на меня надвигалась вся интеллигентная рать, вооруженная бутылочными «бомбами» и изящными чугунами кочергами из каминного набора, а хозяин вертепа уже поднял спортивный лук: Инга по невероятной случайности оказалась его женой, несмотря на космическую разницу в возрасте.

В больнице нас встретила традиционная елочка с лампочками. На этом сказка закончилась, и начался сумасшедший экшн.

По коридору лихо неслась девица а ля Дженнифер Лопес на ходулях с колесиками: дизайн и конструкция Франка Ферре. Мои санитары низко поклонились и объяснили, что Лопес вытягивает здесь свои нижние конечности на 10 сантиметров. Правая уже прошла все прелести дробления кости и сращивания в специальном аппарате «испанский сапог». Сейчас в этом хромированном обувном изделии находилась левая ножка Дженнифер. По бокам прелестницы колбасили бегом два качка, явные телохранители с «пушками» в наплечных кобурах.

Процедура удлинения каждой ножечки занимала ровно шесть месяцев. Какая же дама пойдет на такую годовую жертву, пусть даже для

улучшения собственного экстерьера? Смешной вопрос! Вы только представьте: у нее все на своих местах, формы оптимальные, и тут – бац! – плюс еще 10 сантиметров стриптизных ног! Такую Дженнифер никто не выпустит из «Мерса» и на минуту во избежание попытки похищения диковинного создания с применением мордобоя, резни и стрельбы по-македонски.

Затем мимо нас проскрипел в кресле-коляске симпатичный юноша. Его переехала машина, и теперь божья роса выводилась из него через катетер в пластиковую бутылочку. Перееханный благоухал не розами, но уверенно свернул за целой ватагой пациентов в палату №225.

Перед нами в то же загадочное помещение гордо вошел человек с бинтовой гирей в конце руки типа боксерской перчатки, из которой далеко торчали спицы, как иглы из дикобраза. Тыкая в спины своими пиками, он высокомерно прошествовал к эпицентру событий. А возжеленным эпицентром была РУЛЕТКА.

Здесь кто-то наивно спросит: зачем нужно в «травме» подпольное казино? Смешной вопрос. Гораздо лучше любого промедола отвлекает от боли азарт игры на деньги, разработка своей выигрышной системы и лихорадочное ожидание очередного дня рискованных ставок.

Игровое поле было аккуратно нарисовано мелом на полу. Одна половина – бежевый линолиум, вторая – коричневый. Цифры в клетках – от «0» до «10». Роковое число определял не шарик, а детская юла «Волчок» со стрелкой. Вместо фишек были разноцветные флаконы. Крупье – усатый лысоватый мужик на костыле – очень ловко орудовал шваброй, расшвыривая выигрышную тару игрокам и сгребая свою прибыль в коробку без одной картонки. На других ее боках красовалось слово «Банк».

Я тоже решил сыграть. На последние 500 рублей я купил три склянки – желтую и две синие – и поставил их на цвет «беж».

Крупье важно объявил: – Игра сделана!

Затем он запустил юлу. Я вспомнил некогда популярную песню: «Крутится волчок-чок-чок-чок-чок!»

Окружающие травмированные приняли низкий старт и жадно следили за вращением детской игрушки. Стрелка уткнулась в светлый сектор. Моечное средство подвинуло ко мне уже шесть флаконов. Санитары-эскулапы оживились и стали наперебой советовать куда ставить теперь.

Результаты других искателей фортуны были скромней. Перееханный проиграл ставку на семерке. Дженнифер потеряла все на «коричневом». Дикообраз остался при своих – он ставил комбинацию по фишке в клетку.

После некоторой паузы крупье расцвел фальшивой улыбкой – микстур ему досталось совсем мало – и с пафосом возвестил:

– Начинаем третий тур. Прошу делать ставки!

Я бросил все на «зеро». Эскулапы хотели меня придушить. Остальные благоразумно сыграли по-маленькой. Они не знали, что я случайно

обнаружил систему управления юлой, а то бы все кинули свои ресурсы на «ноль».

А может ли песня, причем не в голос, руководить рулеткой? Смешной вопрос. Конечно, может! В «травме» рулеткой, то бишь «волчком», управлял усатый жулик-крупье. Это он знал, сколько раз надо надавить на стержень, чтобы выпало нужное число, поэтому снять банк казино до сих пор никому не удавалось. Но усатый прохиндей в этот раз сбился, почему-то сделал не то количество нажимов – и здесь несомненно повлияла моя магическая песенка «Крутится волчок». А верней, песня могла быть любой. Главное – смотреть на объект немигающим неотрывным взглядом Кашпировского. Тогда между двумя людьми устанавливается гипнотическая связь на уровне подсознания, то есть спинного мозга, управляющего действиями человеческих органов без всякого участия его головного серого вещества. Крупье думает: «Я нажму пять раз, и выпадет «шестерка». Но глаза усача видели, что я поставил на «ноль», поэтому рука непроизвольно сделала семь нажимов вместо пяти...

Вся публика, затаив дыхание, пялилась на юлу. Все знали, что если стрелка покажет на «ноль», я получу десятерной выигрыш. Когда же это произошло, началось всеобщее ликование! Дженнифер перескочила на своих ходулях через игровое поле и самозабвенно впиалась жаркими устами в мои губы. Только качки, защелкавшие предохранителями на «стволах», заставили ее метнуться назад.

Перееханный громко аплодировал, а по прозрачной трубочке весело журчала желтая водичка, что было показателем высшего кайфа или полного удовлетворения.

Самую экстравагантную эскападу отколол Дикобраз. Он насадил на свои спицы с десятков баночек для анализов и звучно кокнул их об потолок.

– Атас! – синхронно крикнули эскулапы, и я, кое-как рассовав по карманам наличность, выскочил из больничного казино, все еще гремевшего, словно римский коллизеум.

Чему же так радовались обитатели «травмы»? Смешной вопрос. Уж не моему выигрышу. Они хохотали до икоты от сознания того, что наконец-то кому-то все-таки удалось обьегорить хитроумного усача! Крупье обанкротился в Новогоднюю ночь! Ну что же еще может быть на свете приятней? Да ничего!

После более-менее цивилизованного казино комнатуха с табличкой «Перевязочная» напомнила мне гестаповский застенок из нового кошмарного триллера «Иди, но не смотри». Я было дернулся назад, но дюжие эскулапы ловко бубухнули меня на круглый стул.

Здесь шла не безобидная игра вокруг презренного металла, а зловещая трагедия «Сносная жизнь или затяжная смерть». Сегодняшним спектаклем руководила миловидная и уж больно бодрая хирургиня, словно она наркоманка на уровне зовущих в небесный полет таблеточек экстази.

– Тэкс! – застучала она в исступлении всякими железными ножницами, зажимами и пинцетами по гранитной столешнице. – Череп, ухо, шея, рука, грудь, пенис, бедро, ступня? – перечислила она части тела, в которых, видимо, любила ковыряться больше всего.

– Палец!!! – хором рявкнули мои сопровождающие и предъявили непрезентабельный гнойно-толстый крючок.

В этот момент я окончательно протрезвел – бедный палец являл собой микрогору Фудзияму с зеленой вершиной вместо привычной белой.

– Перекись! Фурацилин! Левомеколь! – прозвенели военные команды, и промытый крючок был быстро забинтован, от чего еще больше потолстел.

– А ты молодец – не писка под страшной пыткой! – фривольно ущипнула меня за щеку врачевательница и небрежно бросила эскулапам: – Порядок, и свободны.

– А я? – спросил я. Смешной вопрос! У меня было предчувствие, что судьба уже в чем-то важном все определила, устаканила, но уловить, что именно обрушилось на меня, я не успел.

– А ты побудешь у нас, – села писать историю болезни хирургиня. – Капельницы тебе надо поделать – вон физия какая анемичная. Нельзя столько пить, Шуварин!

– Как всегда, – кисло буркнул я и задал вопрос века: – А палец так и останется у меня кривым?

– Почему же? – встрепенулась медицинская дама. – Послезавтра выйдет наш гипсолог Валечка... Хотя у меня будет выходной... Так, пятого мы опять вместе не попадаем...

– А шестого и седьмого – Рождество! – злорадно выкрикнул я, но врачевательница легко поймала мой здоровый кулак и завела его за спину. Подоспевшие эскулапы связали мои длани в локтях халатом.

– Э-э, мальчики, погуляйте часок, – спровадила лишних свидетелей хирургиня, сняла докторский колпак, тряхнула пышными волнистыми волосами и стала копией Дженнифер Лопес, только лучше.

– Так зачем тебе прямой палец, Шуварин? – тихо спросила она. – Ты музыкант или проктолог?

– Честно? – решил я.

– Это обязательное условие.

– Я – бабник, понимаете? – начал я исповедоваться. – А в этом деле красивые руки очень важны. Ими нужно гладить, обнимать, раздевать... Короче, я сейчас в вашу рулетку выиграл 10 тысяч – возьмите, только сделайте мне прямой палец!

– А позвольте спросить, – замялась хирургиня. – Вы – мальчик по вызову, профессионал? Или просто часто влюбляетесь?

«Смешной вопрос, – подумал я. – Если я готов наброситься на каждую симпатную даму, то кто я? Часто влюбленный или профи?»

Но так как докторша уже стала объектом моей охоты, я скорчил оскорбленное лицо: – Вы знаете, вы меня сильно задели первым пунктом. Ну, разве я похож на Альфонса? У меня есть небольшая фирма, и я вполне могу себе позволить потратиться на необходимую прелюдию.

– Интересно-интересно! – Она воткнула локти в стол, водрузила подбородок на ладони. – Что есть вы хотите сказать под последний красивый словцо?

«Опять смешной вопрос! – пронеслось у меня в левой извилине. – Никак нельзя ляпнуть лишнего – забыли ресторанный гульбу, сауна на двоих-троих-четверых, номера на ночь в гостинице...»

– Ну, надо же посетить оперу или философскую пьесу, чтобы показать даме, что и высокое искусство мне не чуждо, – сказал я вслух.

Дженнифер-2 легко соскочила со стула.

– Зато мне это чуждо. Предпочитаю «видики».

– Я тоже очень предпочитаю! У меня есть большая видеотека!

Хирургиня вдруг раздумянулась и начала меня развязывать.

– Но я же тебе нравлюсь?

– Очень нравишься! По-моему, это что-то надмирное и аномальное! – выдавил я из себя последние интеллектуальные слова, записавшиеся случайно в мозгу во время секса с девушкой-астрологом.

Тут докторша, потеряв терпение, резко ухватила за лацканы моего модного блейзера и въехала, что называется, не в бровь, а в глаз: – Ты, Шуварин, не крути! Говори прямо: будешь платить за палец натурой?

– Еще как! Конечно! Я сам собирался сказать, – лепетал я, целуя ложбинку между увесистых грудей.

Врачевательница щелкнула замком, вырубил свет. Луна и так палила прожектором сквозь занавеску.

– Раздевайся! Что стоишь столбом?! – грянула соблазнительница. – В любой момент могут еще какой-нибудь полутруп привезти.

– Но где же? Где же? Уж не на этом же! – Я недоуменно пощупал жесткий высокий узкий стол, накрытый оранжевой клеенкой.

– На этом, милый, на этом. Другого, как видишь, нету! – Она уже голая раздевала меня. – Для первого раза будешь снизу, новички сверху иногда падают, а пол кафельный – можно руку сломать.

– Ага! Значит, я не первый, кто...

– Не волнуйся, по сравнению с тобой, я – пионерка.

– А кто же, по-твоему, я?

– Смешной вопрос! – прыснула она, укладываясь сверху. – Ты типичный путан, врун и болтун.

– А что же ты бросилась на такого говнюка?

– Понимаешь, Шуварин, – целовала она мои глаза, лоб, нос, губы, – не могу трахаться без любви.

– Аналогично! – протрубил я, и мы перешли на вздохи, охи, сопение и укусы зубами...

После, укрывшись моим пиджаком и куря ее «Бонд», мы сидели на операционном столе, ставшем нам родным.

– А как тебя зовут? – Я вдруг вспомнил, что мы толком не знакомы.

– Марина, – ответила она.

– Да ты что! – несказанно обрадовался я и рассказал ей свою теорию, связанную с Годом Собаки Машки. – Это твой год, понимаешь! – восторженно бубнил я. – Ты должна его использовать на все сто!

– Судя по первому дню, план я пока выполняю, – резонно заявила она.

За окном уже голубело рассветное небо, а меня совсем понесло, как Остапа Бендера: – А хочешь, я на тебе женюсь?! Из нас получится шикарная пара! Представляешь, ты вся в белом!! Перед золотым алтарем!!!

– В халате, что ли? Нет, не хочу! – Она как пулей оборвала ленту моих радужных кинофантазий.

– Ну почему? – Я даже обиделся от того, что мой благороднейший порыв не принят.

– Смешной вопрос! – раздался коварный сатанинский хохот. – Ты, милый, отличный бабник. Вот и будь бабником. Только баба у тебя будет одна – я. Я!!! Понял?

А палец мне Мариночка сделала идеально прямой. Только кому теперь это нужно? Смешной вопрос!

Сумасшедший день

По радио началась передача по заявкам слушателей.

– Господин Буймухайметшин из Ашгабада поздравляет с третьей годовщиной своего ризеншнауцера Бэтти. Для именинницы прозвучит песня Валерии «Не обижай меня», – объявила дикторша, и пошел саундтрек.

– Черти-что, – возмутился Орлов, выходя из квартиры.

С железным кряхтением перед ним открылись двери лифта. Внутри стоял сосед с мальчиком лет десяти.

– Пап, а правда, есть такие страны, в которых мужчины женятся на совершенно незнакомых женщинах? – спросил любознательный пацан.

– Это во всех странах, сынок, – тяжело вздохнул горемычный мужик.

– Черти-что! – недоуменно хмыкнул Орлов во дворе. – Ну, в Индии еще какой-нибудь, я, пожалуй, соглашусь...

Здесь он с ужасом отшатнулся от лежавшего на асфальте мужского трупа. На белой рубашке мертвеца темнел отчетливый след автомобильного протектора.

– Помогите! – Орлов крикнул фальцетом. – Человека задавили!

– Чо орешь, гадюка? – «Труп» приподнял голову и сфокусировал косые глазки на Орлове. – А-а, свой. А мне покЭзалось, баба. – Пьяный свернулся калачиком и захрапел.

– Черти-что! – Ошарашенный Орлов побыстрее выбежал на улицу...

Однако вместо улицы он оказался в какой-то чужой спальне. Салатные обои, широкая металлическая кровать у стены...

– Вы в шляпе будете? – деловито спросил юнец с бычком во рту. – Тогда я софит низом пушу.

– Йес, Пьетя, снимать будем из-под постель, – Толстый американец пыхнул сигарой и протянул руку. – Руперт Мердок, Си-Эн-Эн, Ю-Эс-Эй.

Орлов слегка пожал жирную конечность.

– Миша, Раша... Но какого хрена?..

– Вы же давно хотели дать нам интервью, – разъяснил толстяк. – Про духовное обнищание на фоне насилия и разврата. Присаживайся, мистер, на кресло. Скоро фойяр.

– Орлов! – Тут же подлетела к дружку пухлая полуголая Халилова. – На, тяпни для смелости. Какой же ты везун! 17 тонн баков огребешь, понял?

Миша опрокинул бортовой, захрустел огурчиком...

– Скоко-скоко? – не поверил акула пера.

– 17 тыщ! – растопырив пальцы, повторила Халилова. – Я контракт видала. Короче, на всю оставшуюся за час налопочешь!

– А чо базарить-то, Наташня?

– Да мочи про общую энтропию. Они все равно полные лохи! – Бойкая жрица любви прилепила к пятерне Орлова второй стакан. – За встречу в Колумбии!

– А я чё в Америку улетаю? – Русский писатель заглотнул емкость.

– Коэшна! – Наташня размазала сиреневую помаду по щеке счастливица: – Мировое турне. Лекции «Русский андеграунд в эпоху Путина».

– Да какой я «граунд»? – засомневался Миша. – Меня вон в «Космо» пропечатали. А роман воще обещали...

– На, дуй! Два не бывает. – Аппетитная Наташня сунула третий фужер в зубы Орлову.

Тот, давась, выпил...

– Поехали!!! – раздался громогласный режиссерский рык.

Орлов с интересом распахнул пошире глаза – он хотел запомнить миг своего триумфа на долгом пути длиною в трудную жизнь...

В сумрачном вонючем кузове худое тело больно затрясло на ухабах. С удивлением Орлов определил, что окно забрано решеткой.

Напротив в «воронке» сидел нахохленный мужик. Явно знакомый. Со следом протектора на белой рубашке.

– А куда мы едем, ты не знаешь? – с надеждой спросил Орлов.

– В аэропорт! – компетентно заявил спутник. – Рейс по ребрам резиновым бананом.

– Черти-что! – Орлов вывел привычное резюме.

Пари

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. А через какой орган проходит дорога к сердцу женщины? Правильно – через ухо, а точнее, через два уха, что увеличивает шансы на победу.

Симпатяга Казик и неказистый Марат поспорили от нечего делать на сто рублей. Первый утверждал, что познакомится за час с тремя девушками, которых выберет ему второй. Последний допустил, что с одной или двумя, может, что и выйдет, но с тремя – никогда!

Ровно в два часа пополудни время пошло. Первой кандидатурой в подружки Казик Марат коварно наметил хмурую продавщицу в кафе на базаре.

– Чем порадуешь, невеста?! – весело воскликнул Казик, подойдя к прилавку.

– Ничем. Я тебе не клоун, – холодно сказала работница сервиса.

– Мяска давай, раз такая серьезная, – он старался заразить ее своим хорошим настроением.

– Какой кусок? – индифферентно спросила она.

– От себя отрежь! – рассмеялся он.

– Отрезать не могу – целиком бери, – усмехнулась она и смягчилась.

– О! С улыбкой ты просто красавица! Давай вот этот.

– И что еще?

– Еще говорим, как зовут. Не то закажу 20 стаканов лимонада, и ты замучаешься наливать! – в шутку пригрозил он.

– Фатима, – сказала оттаявшая продавщица и добавила: – С тебя 50 рэ.

– Лишь бы не 10 лет! – довольно брякнул Казик и тихо спросил: – Ты во сколько заканчиваешь?

– В шесть, а что? – кокетливо глянула Фатима.

– Зайду за тобой, что ж еще?! – Казик ей подмигнул, донес печенку до стола, за которым сидел Марат, и подмигнул уже ему: – Один – ноль!

– Да, легкая цель попалась, – согласился Марат. – Ничего, вторую потруднее подберу.

Вторая девушка была, видимо, студенткой. Она неспешно шла по солнечной улице с сумкой через плечо. Одета она была очень элегантно, и Марат подумал, что такая интеллигентная фифа ни за что не опустится до уличного знакомства.

– Извините, вы случайно не подскажите, – пристроился сбоку Казик. – Мы тут с другом поспорили, кто из писателей сказал одну фразу – Достоевский или Чехов?

– Какую? – доброжелательно осведомилась студентка.

– Все в жизни просто: потолок белый, сапоги черные, а сахар сладкий.

– Это, наверное, Чехов. Достоевский сказал: «Красота спасет мир».

– Точно! – Казик знал, что при знакомстве главное – не останавливаться, и зачастил, как пулемет: – А вы видели последний фильм Стенли Кубрика «Широко закрытые глаза»?

– Да. Классная картина.

– Мне тоже понравилась. А вам никто не говорил, что вы похожи на Настасью Кински?

– Мне говорили, на Сандру Булок.

– Значит, зовут вас Оля. Угадал?

– Почему Оля?

– Между «эн» и «эс».

– Нет, меня зовут Марина.

– А меня Казик. Кстати, вы Мариночка, не слышали анекдот про пингвина?

– Нет.

– Идет по проспекту пьяный, а за ним пингвинчик...

Тут Марат решил напомнить увлекшемуся товарищу о своем существовании и дернул за рукав его куртки.

– Не пора ли нам заняться объектом номер три?

– Мариночка, извините, я сейчас вас догоню, – вежливо сказал девушке Казик, остановился и повернулся к приятелю:

– На тебе сотню, пойдешь пива попей.

– Не понял, – набычился Марат. – А как же третья? Еще полчаса осталось.

– Ну, проиграл!!! – возбужденно объяснил Казик и резво побежал за прехорошенькой Мариной.

Пьяным везет три раза

Чапа проснулся в жутком страхе. В кошмарном забытии его убили раз десять самыми изуверскими способами: от постепенного откусывания плоти свирепым зубастым чудовищем до перемалывания тщедушного костлявого тела в гигантской мясорубке.

Выпивоха-профессионал с помощью двух пальцев разодрал слипшиеся веки, увидел беленый потолок в витиеватых трещинах и паутине и с досадой констатировал, что натурально болен: какая-то вредная мозговая извилина упорно долбила лобную кость над левым глазом да еще вульгарно подташнивало.

Сильно дрожащими руками он поднес ко рту бутылку с водой, жадно побулькал и вспомнил, что перспектив на оздоровление нет никаких: вчера все выпито до капли, денег в карманах – ноль, все книги давно проданы, а мебель на базар не понесешь – тяжелая.

В пудовой голове возникла неотвратимая, как взрыв бомбы с зажженным фитилем, мысль: единственный выход – халява.

Одеваться не надо. Вечером Чапа сообразил, что утром, когда он скорей всего будет в дистрофичном состоянии, эта процедура растянется на добрые четверть часа, что смерти подобно, и лег одетым – еще сработало неслабо проспиртованное серое вещество!

Итак, бывший мастер спорта Чаплинский, а теперь просто Чапа прокрутил в контуженном мозгу диспозицию.

«Кабак расположен посередине квартала. Значит, недотепа-барменша (а это, я видел, баба, ибо к мужику соваться опасно – может догнать и не забояться), значит, недотепа-барменша успеет только провизжать мне в спину: «Молодой человек!» А я уже свернул за угол и прибавил. Надо только сначала проверить – нет ли поблизости ментов, хотя у них по утрам разводы и политзанятия, на работу они выплескиваются ближе к вечеру».

Чапа приковылял к заведению, огляделся по сторонам – ни души. Лишь примерно в ста метрах девочка прогуливала декоративного пуделя.

«Этот не цапнет. Так, называется «Уют». Да, давненько, наверное, та мадама не чувствовала себя так неудобно, как ей скоро придется».

Чапа вошел. В небольшом помещении с розовыми стенами негромко пульсировала ритмичная песня Ванессы Паради. Здесь тоже было малолюдно. Уборщица с варикозными ногами подметала пол. Конечно, она была не соперницей на спринтерской дистанции до спасительного угла. И еще румяная толстушка за стойкой тыкала пухлым пальчиком в кнопки калькулятора – подсчитывала вчерашнюю выручку.

«О! Ковалевская, понимаешь!»

– Доброе утро! А как у нас с водочкой? – Чапа ослепительно улыбнулся, даже переусердствовал: резкое растяжение лицевых мышц больно отдалось в области темени.

– Сколько вам? – Толстушка подняла глаза на посетителя. Отметила: алкаш с бодуна.

– Двести для начала. И что-нибудь запить.

Хозяйка заведения достала начатую бутылку самопальной водки, которая вчера была оплачена, но не выпита, налила полный стакан и присоединила к нему емкость с бордовым разведенным «Инвайтом».

– Гран-мерси!

– С вас двадцать рублей.

– Хорошо-хорошо. Я потом еще возьму и сразу за все рассчитаюсь.

– Ну-ну.

Обе руки предательски дрожали – Чапа еле донес стакан до рта. Выхлебав прохладную горькую, он скорчил на лице гримасу больного энурезом в момент «недобежал». Водка пошла косо, и чтобы она не вылетела назад, Чапа придавил ее «Инвайтом».

– Ну, все. Будем жить...

Чапа расслабился на стуле и с удовлетворением ощутил: голову сначала сжало в висках, затем отпустило, нудная ломота в теле стала проходить.

Толстушка отлучилась по какому-то делу в кухонные недра.

«Так, рванули!»

Чапа стремительно прошагал по залу и понесся чуть не бегом по улице.

– Молодой человек!! Молодой человек!! Да чтоб ты сдох, зараза! – выскочив за ним из кафе, истошно проорала барменша, но преследовать халявщика не стала: выпил-то он водку уже оплаченную.

Убедившись, что погоня отсутствует, Чапа перешел на прогулочный шаг.

«Нехилое начало для денька», – улыбнулся он от легкой эйфории, приятно согревшей усталую за ночь триллеров душу.

«Теперь неплохо бы добавить и, пожалуй, что-нибудь съесть».

Но сначала проворный пропойца зашел на почту и написал заявление на имя начальника УВД: «Сегодня я нашел в сквере оперного театра пистолет. Сдаю оружие в милицию, так как сделать это – мой гражданский долг. 25 августа. Чаплинский».

Данное микропроизведение Чапа сотворял утром каждого дня. Таким образом он страховался на случай задержания блюстителями порядка. Возьмут его, допустим, под белые ручки, а он и открутится: мол, вот заявление, как раз шел «пушку» сдавать.

На парковой аллее уже валялись первые опавшие листья. Они хрустели под древними Чапиными туфлями, как жаренный картофель на зубах. Определенно хотелось есть.

«О! Святой апостол, понимаешь! »

На своей любимой скамейке дремал Серый, полубомж с всего двухдневной щетиной.

– Ку-ку! Вас обокрали! – зычно прогорланил Чапа прямо в раструб уха лежащему приятелю.

– А, привет. – Серый опустил нижние конечности в кедах на асфальт и осторожно распрямил худое туловище в вертикальной плоскости.

Чапа сел рядом.

– Что? Опять пахан из дома выгнал?

– Ага.

– Неуживчивый ты человек, ей Богу!

– Ага. Ужить меня пока еще никому не удалось.

– Ладно, ближе к водке. Ты на нуле?

– На ем.

– Тогда смикить, кому бы спихнуть?

Чапа вынул из внутреннего кармана потертого пиджака и бросил на колени Серому увесистый револьвер. Тот повертел наган в руках, пощелкал курком.

– Откуда дровишко?

– Один знакомец строгаёт. Вот попросил наладить сбыт.

– А из него еще никого не дырявили?

– Какой там! Новье.

– Тоды пойдём.

– Стой! Менты.

Чапа незаметно сунул пистолет в карман мятых штанов и вытянул ноги, как бы заслуженно отдыхая после пешей кругосветки.

– Может, лучше выбросить?

– Заметят. Да и чистить потом замучаешься.

Вышедшая на аллею пара дюжих милиционеров в упор разглядывала небритые личности, безмятежно наслаждающиеся красивым видом окружающей тополиной природы.

– Наш контингент. Заберем? – сказал молодой рядовой усатому сержанту.

Опытный товарищ почесал щеку и вяло возразил:

– Не, этих я знаю. Беспонтовые. Надо понаваристей поискать.

Меркантильный наряд продефилировал дальше в глубь парка, а целеустремленные от алкогольной жажды и волчьего аппетита торговцы смертью спешно двинулись в противоположную сторону.

Через двадцать минут друзья-продавцы сидели на топчане в коммерческом ларьке. Хозяин торговой точки армянин Лева, порядком обросший

кучерявыми волосами и блестящий золотыми зубами, вставил в отверстие барабана патрон и деланно удивился:

– Смотри ты, подходит!

– Тоды наливай!

– Тоды подожди! Его в деле проверить надо. Вдруг он не в ту степь пуляет?

– Проверяй!

– Но с тебя сотня за прокат.

– Две! – подсуетился Серый.

– Какой базар! – Лева выудил из целлофанового пакета с кучей дензнаков две сторублевки. – Если все будет тип-топ, возьму еще пару штук.

– Очень хорошо! Давай по бортовому и разбежались.

Опрокинув по стакану разбавленного спирта, довольные и веселые сбытчики «стволов» проскочили через базар на квартиру к Чапе, где пир пошел уж совсем горой.

– А что это за баба была? – вспомнил между краткими тостами Серый красивую женщину, встретившуюся им на пути.

– Какая? – Чапа сразу не понял, о ком речь.

– Ну, ты с ней: «Здрассте, Марина». На Пугачиху похожа.

– А... Подруга бывшая. У меня с ней был постельный рекорд – три года.

– А чо ж не женился?

– Да она мне глупой казалась...

– Так это же самое то!! Глупая любит сердцем, а умная – как бухгалтер на счетах: хата есть – плюс, курит, пьет – минус. Итого – ну его!

– Да, Серый, с Маринкой было очень даже клево...

– Так взял бы да подъехал! Она ж на тебя чуть не упала.

– Да теперь куда? У нее семья, дети. Все путем...

– Ну и зря, а то б вспрыснули...

– Наполняй. Эх, вздрогнем за прошедшую жизнь!..

– Да брось, Чапа, хандровать. Мужик ты еще ого-го!! Все еще впереди!

– Н-да, так-то вроде впереди, а согнешься – сзади...

Спровадив захмелевшего психолога, Чапа отправился за советом к другу детства Кольке. По дороге вполне трезво размышлял: «А что? Светка у Маринки от меня. Тут она своего Мишку обдурила и правильно сделала. Зачем человеку каждый день неприятное напоминание? А так тот олух думает, что дочка от него – в семье полный ажур. Но с другой стороны, Милка у Маринки от Мишки, и если я с ней схожусь, то зачем мне чужое наследство? Нет, девочка она симпатичная, не уродка какая-нибудь противная... Но все равно не моя – и уже я буду каждый день психовать. Мишка-то не знает – ему хорошо, а я в курсах, понимаешь!..»

Решить заковыристую дилемму Чапе так и не удалось. Неожиданно из-за угла прямо на него вышел милицейский наряд. Стражи порядка, только что подвергшиеся громоздкому инструктажу разгневанного от слабых показателей начальства, были полны служебного рвения и накинулись на мирного мечтателя с запахом, как овчарки на волка.

При обыске среди мелких купюр обнаружилось роковое заявление о находке пистолета. Испытанный борец за свою свободу, Чапа не растерялся и стал очень достоверно утверждать, что заснул по пьяни, а проснулся – нагана нет! Следовательно, конечно, не поверил. А тут утренний простофиля-рядовой и вещает на все управление: мол, видел задержанного с неким завсегдаем парковой зоны...

«Павлик, блин, Морозов, понимаешь! А ведь могли договориться для общего блага... Ну, квартиру на край бы продал: Маринка и без квадратных метров взяла бы...»

Но до Маринки дело не дошло. Серого легко нашли на той самой скамейке. Нехотя освободившись от ласковых объятий Морфея, он благо-разумно «раскололся», и получил Чапа вместо теплого семейного очага пять лет хоть и общего режима, но в сильно прохладной тайге.

Галка с кнопочным ножом

Миниатюрная фигуристая Галка встретилась с крупной невзрачной Танькой у входа в метро. Они расцеловались в щеки и поскакали в темпе мимо контролерши, показав ей красные удостоверения с золотыми буквами «МВД». На эскалаторе стали утрясать свои девичьи дела.

Галка была гораздо красивей и сексапильней, поэтому Танька смотрела ей в рот, как кролик в глаза удаву, и пыталась во всем ей подражать, чтобы быть такой же разухабистой, стремительно летящей над всякими досадными жизненными распроблемами.

– Таньк, вот тебе краски, тени и духи, – тараторила Галка, перегружая коробки из своей «Симоны» в сумку подруги. – Продашь через Машку – бабки пополам. А вечером, если хочешь, идем в гости к каким-нибудь кадрам. Кадриться будешь?

– А чо есть в наличии? Если какой ширпотреб, то я – пас.

– Ой, что я слышу! Ты поднялась в самооценке!

– Не, но ты обрисуй ассортимент.

Они пробежали по платформе и вскочили в поезд. Двери как раз сомкнулись за их спинами.

– Ну, выбор пребольшой. Есть рекламное агентство «Бегемот». Пряма вчера склеила коммерческого зубра. Сговорились на «Пекин». Притащит для тебя клёвого дружбана. Зуб на операцию отдаю!

– Ага! Мне опять фуфло какое обломится.

– Ресторан большой – выберешь кадра, какого захочешь. Потом сегодня, кажется, вечеринка у этого художника Бурца. Там богема сгребётся. Светский типа салон!

– Хочу! – Танька вдруг аж подпрыгнула, сжала кулачки от счастья.

– Ноу проблем, май дарлинг. – Галка заговорщически подмигнула. – Выше хвост, Танюха!

Уже на поверхности девчонки пролетали мимо кафе «Восточная сказка».

– Ой! – Галка вдруг резко остановилась и схватилась за сердце. – Ты ничо не чувствуешь? – спросила, плутовато стреляя по сторонам взглядами.

– Немного жарковато, – попыталась угадать эскорт-подруга.

– Танька! Ты что, совсем все сенсоры потеряла? – Галка вlepила в девушку свои безжалостно-жгучие прожекторы. – Жрать же хочется!!! Неужели непонятно? Да ты нюхни, чего они там мерзавки наготовили! Пельмешки-хинкальки, долму-пахлаву, уху из осетринки, чохахбили и сациви, салатик оливье и грибной жульенчик! Ой! Я не могу...

– Но у меня почти нет денег. Что же делать? – спросила Танька, гиперинтенсивно заперезживавшая за здоровье гурманши: очень запросто теряет сознание от сочных запахов и всё!

– О! Универмагчик! – Галка потащила обескураженную подружку в торговый длинный корпус с вывеской на всю огромную стену «Tom Fatt». – Давай твой пиджак загоним, – безапелляционно заявила она.

– А почему не твой? – У Таньки случился редкий проблеск мозговой деятельности.

– Ну! Мой мне нужен будет вечером. Ты что, калошка, забыла? Мы ж идем охмурять этого художника Бурца и мэна для тебя. Ну ты, ей Богу! Я у тебя прям как диск в компьютере! – обрушила Галка на Таньку целый шквал бетонных аргументов.

– Ладно, но твой сдадим в другой раз, – поставила условие та.

– Конечно! Мой – в другой, во второй и в третий! – легко согласилась Галка, уже шныряя глазами по залу с редкими покупателями и продавцами.

– О, это пока мы кого сговорим, сто лет пройдет, – угрюмо проныла Танька.

– Не каркай, воронка! – осадила ее Галка.

Девчонки поставили сумки в ячейки на входе и прошли в просторный торговый ангар. В отделе верхней женской одежды присматривался к

ряду разноцветных костюмов одинокий сорокалетний мужчина. В карточной иерархии такой соответствовал бы Валету, никак не выше.

– Господин, вам случайно не блейзер нужен? – улыбаясь во все тридцать два, подъехала Галка.

– Да я пока не решил, – проямлил Валет с пролысинами. И вдруг, приосанившись перед разбитной девчонкой, он заинтересованно спросил: – А вы тут работаете?

– Да нет. Мы тут отдыхаем! – моментально вступила в разговор Галка. – А вы тут по какой надобности?

– Мне надо что-то выбрать в подарок племяннице. Она как раз, как вы. Какой у вас размер?

– Ой, послушайте, дорогой! – Лицо Галки вспыхнуло, словно лампочка. – Какое совпадение! Нам деньги нужны позарез. Давайте, возьмите у нас этот прекрасный клубный блейзер от Гальяно. – Она указала пальцем на Таньку. – Здесь всё по 3200, не меньше, а я уступлю за полторы. За полцены отличная вещь!

– Ну, я не знаю... – Валет пригладил несуществующие волосы. – Она же его носила...

– Нет-нет! Ни чуточки! – Галка бросилась развивать успешный натиск. – Второй раз одела. Повернись, Танюнь! Вот видите – новейшее изделие. Причем это Гальяно! Мировая фирма! А Tom Fagg – это так себе, ширпотреб. А это – от кутюр! Берите – не прогадаете! И племянница ваша будет в совершенном отпаде!

– Но... На нем бирки нет... – Ещё пытался сопротивляться бэушный мужчина.

– Бирка щас будет! – заверила Галка. – Идите на выход, подождите на улице айн секунд!

– Хорошо, я согласен. – Валет неожиданно покраснел. – А телефончик вы мне оставите? Вдруг мне ещё что-нибудь понадобится...

– Конечно-конечно! – громко воскликнула Галка. – Вот прямо не отходя от кассы. – Она достала маленькую записнуху, почеркала ручкой, вырвала листок. – Вот, пожалста! Меня зовут Катя.

– А меня Илья, – обрадовано сообщил он.

– Илья, подождите на уличке. Спаситель вы наш! – Галка уже просто вытолкала его в спину из отдела. – Таньк, прикрой!

Подруга привычно встала с тыла, закрыв линию обзора двум продавцам, уже давно пялившимся на слишком разговорчивых посетительниц. В руке Галки возник блестящий кнопочный нож. Вжик – выскочило лезвие. Девчонка срезала с вещи на вешалке яркий товарный лейбл, сунула его в карман куртки.

– Ноги! – скомандовала Галка.

Непринужденно болтая, пара похитительниц бирки двинулась к турникету с кассами.

– Девочки, мешок по чём? – спросила Галка у двух кассирш.

– Возьми так.

– Гран мерси!

Разбойницы похватили свои сумки из ячеек хранения ручной клади, вышли из супермаркета. Валет с мечтательным выражением лица послушно ждал прелестниц.

Уже ни от кого не прячась, Галка привязала бирку к блейзеру Таньки. Та покорно стянула розовый пиджак с плеч. Галка спешно сложила модное изделие, сунула его в шикарный красочный пакет.

– Вот всё в полном порядке! – Она протянула покупателю фирменную вещь. – Пусть носит племянница на здоровье. А вы позвоните завтра. Может, куда-нибудь закатимся посидеть!

– Это было бы чудесно! – Валет опять поводил пятерней по жидким волосам. – Я позвоню. В какое лучше время?

– Как вам удобно.

Галка быстро отобрала пачку дензнаков у загипнотизированного лысоватого и дежурно улыбнулась.

– До встречи! – Валет сел в синие «Жигули».

– Наконец-то... – Галка страдальчески закатила глаза и собиралась уже рвануть восвояси. Но дорогу ей заступил нахохленный представитель азиатского мира в темном костюме секьюрити.

– Здесь мы хозяин! – надменно объявил здоровущий киргиз или туркмен, пошире расставив кривые ноги. – Плати тысяча рэ за торговля на наша территория. – Азиат замер с растопыренными клешнями, вроде собираясь прыгнуть тигром на маленьких девочек.

– Конечно-конечно, – легко сымитировав испуг, проблеяла Галка.

Её рука мгновенно нырнула в сумку «Симону», назад длань выскочила уже с кожаным кошельком.

– Возьмите, пожалуйста. Мы больше не будем! – Галка протянула синий, сложенный вдвое дензнак.

Мускулистый борец мгновенно отправил тысячу в нагрудный карман.

– И чтоб я больше здесь тебе не видел! – Он назидательно пошевелил кривым пальцем.

– Конечно-конечно! – Галка резко дернула за локоть столбнячную Таньку. – Ноги! – набирая скорость, прошипела она в ухо подружки.

Вроде несостоявшиеся гангстерши спешно покидали поле боя.

– На кой ты бабки дала? Как-нибудь отбрехались бы, – с жаром попеняла Галке скандальная Танька.

– Дур-р-ра! Та купюра фальшивая – с цветного принтера! – огрызнулась летящая на всех парах авантюристка.

– О! Галь!! Я грубо извиняюсь! – К Таньке мигом вернулась безоглядная любовь к лидерше тандема.

– Ноги! – холодно и командно руководила полетом малого экипажа Галка. Пересчитывая наваренные банкноты, отмороженные рейнджеры в юбках целеустремленно рассекали толпу по направлению к кафе «Восточная сказка».

– А-а-а!! Обманула баба! – Нечеловеческий крик Азиата потряс окрестности, когда он поднес к узким глазкам липовую тысячу.

– А что тут за Палерма у нас такая? – прогремел рядом ментовской бас. Могучий блюстититель порядка наткнулся на обалдевшего от прозрения охранника возле входа в универмаг «Tom Fatt».

Пострадавший потерял дар речи. Он в гневном ступоре только сунул в нос краснолицому стражу синюю бумажку.

– Ты мне чо, взятку даешь!!! – заорал пуще прежнего строгий сержант...

Однако криминальные тонкости заплечного пространства девчонок больше не волновали – они величаво вступили в прохладный холл пахучего кафе.

В просторном зале кафе Галка и Танька болтали без умолку, насыщаясь вкусной и полезной пищей.

– Ой, с тобой всегда спектакль! Прямо в театр не ходи!

– Да, не разведёшь – не проживешь!

– Даже пиджак не жалко! Ей Богу!

– Так он же дешёвка – подделка китайская.

– Но он на мне прекрасно сидел... Ну, как ты его завела! Ой, я не могу!

– Учись, пока я жива!

– А этот Кинг-Конг: «Здесь мы хозяин!»

– Те смешно, а я чуть не описалась от страха.

– Не заливай!

– Вот те крест! – Галка перекрестилась вилок.

– Ну, ты артистка! В театральное тебе надо поступить. На геройский факультет! Героинь-нас изображать!

– Ой, Танька! Я ж звякнуть давно уже должна! Генрику своему... – Она выудила из сумки красный сотовый. – Ты посиди – я щас.

Галка выскочила из кафе на солнечную улицу, приложила к уху трубку.

– Генрик, привет! – громко крикнула. – Ты уже глазки раскрыл, за-соня? Время – обед!

– Я давно на ногах, Гала, – ответил звонкий тенор из невидимого эфира. – И вообще, мы же договорились, ты можешь мне звонить в любое время.

– О'кей. Срочно надо перетереть по одной теме.

– Нет проблем. Я в Сочи. Прилетаю.

– Где? – Галка клюнула носом вниз от неожиданности. – Где, повтори. Или я гоняю?

– В Сочи. На море, – расхохотался собеседник. – Давай приезжай. Расходы я возьму.

– Ну, я не знаю... Всё так сразу... Потом сейчас ещё только май...

– Здесь уже август, – опять рассмеялся далекий друг.

– А когда ты будешь?

– У меня тут гастроль короткая. Через два дня.

– Я звякну!

– Тогда банзай!

– И тебе тем же концом!

Галка решительно сложила сотовый. Воздела вверх кулачок на уровне плеча.

– Полный джаз, но ждать ещё целых два дня, – шепотом сокрушенно проговорила она себе под нос.

Тут мобильник заиграл центральную мелодию из «Призрака оперы» Эндрю Ллойда Уэббера. Галка снова поднесла телефон к уху.

– Дэ-э, пиццерия на проводе.

– Привет, Галь! – в трубке зазвучал бархатный баритон актера Гены из студии Дома культуры «Алые паруса». – У нас сегодня прогон комедии. Придешь? Ну, оч-ч-чень смешная!

– А что, это идея, Брэд! – неожиданно благосклонно отнеслась к предложению Галка. – Ночь у нас с подружкой расписана по минутам, а как раз вечер девать некуда.

– Очень ждем-с!

– Хоккеюшки, дорогой!

Неожиданно музыканту модной рок-группы нашлась вполне равнозначная замена в виде начинающего артиста Гены с погонялом Брэд. И опять искристому празднику нон-стоп не было видно конца. В спину милашки Галки напористо дул ветер приключений и напрочь сносил крышу!

Мужчина за котлеты

Американцы очень раскованный и даже развинченный народ. Когда янки приспичит, он останавливает трамвай, как такси, рьяно голосуя рукой перед носом водителя. Какой-нибудь солидный чиновник, увидев через машинный поток знакомого на другой стороне улицы, может перекричать любую какофонию клаксонов: «Эй, Джон! Это я, Хэмфри! Перебегай ко мне! Выпьем по бурбону».

Полицейский после работы идет гулять на Бродвей в майке с надписью: «Обеспечь свою безопасность – спи с копом». Всегда найдется хоть одна особа, которая с любопытством спросит: «Ты действительно фараон?» Потом идет обмен приколами, и все – ночью в постели им кажется, что они знакомы сто лет.

Российские граждане, как известно от Бисмарка, медленно запрягают, а до «езды», то есть до главного дела иногда так и не доходит.

Вот одной чуть за тридцать Наде, выгнавшей с год назад мужа-пьяницу, страстно захотелось ЭТОГО. Ну и пошла она вечером с подружкой Валею в ресторан, чтобы закадрить там мужика.

Вскоре Надю пригласил на медленный танец лысоватый, но крепкий и веселый Федя. Подвыпивший до американской раскованности, через три минуты он уже сидел за столом с девушками, травил анекдоты, пил стаканами и закусывал на халяву.

После обильного угощения в кабаке Федя великодушно позволил Наде привести себя к ней домой. Однако в эту ночь желание сочной дамы не было удовлетворено – Федя сразу резко заснул и никак не реагировал на грубые толчки и выкручивания пальцев. Утром же, ровно в восемь, он стремительно вскочил с кровати и убежал в пивнушку, бросив разочарованной женщине дежурную фразу: «Извини, на работу опаздываю!»

Надя, не привыкшая отступать, решила любой ценой добиться своего – ЭТОГО. Федя приходил к ней по вечерам. Она ставила на стол всякую вкуснятину, а сама надевала самый короткий халат и принимала очень сексуальные позы: нагибалась так, чтобы он видел ее тучные прелести в прозрачных трусиках, а также забывала застегнуть верхнюю пуговку, и пышные груди вываливались по очереди наружу из низкого декольте.

Но все впустую – Федя, поблагодарив за проглоченные яства, благодарно икал, порывкивал отрыжкой и исчезал до следующего вечера.

Обескураженная неадекватным поведением своего избранника, Надя пришла посоветоваться к Вале.

– Что делать? – страдальчески выкрикнула она. – Не пристаёт ко мне этот Федя! Хоть тресни!

– А ты бутылку ему поставь, – выдала универсальный рецепт подруга.

– А вдруг он запьет, как мой бывший?

– Выгонишь. Так и так толку никакого.

Солгав, что у нее сегодня День рожденья, Надя усадила вечером Федю за стол с полным боекомплектom: водкой, шампанским и нарезанной тонко колбасой. Балагур Федя неожиданно посмурнел и стал целеустремленно накачиваться алкоголем. Причем стопку до конца он не выпивал, а смачивал периодически пальцы остатками священного напитка и водил ими по блестящей пролысине.

Непонятное поведение мужчины вывело Надю из себя.

– Да что ты башку водярой полируешь – переводишь ценный продукт!

И Федя, опять дошедший до американской развинченности, откровенно признался:

– Да я как подумаю, что после придется с тобой спать, так у меня со страху даже выпавшие патлы дыбом встают!

– А чего ж ты тогда целый месяц ко мне шлындал?! – резонно возопила Надя.

– Так это... поужинать.

– Вот и отработывай теперь мои харчи! – Кумачово покрасневшая в праведном гневе Надя недвусмысленно указала дланью на пуховую постель и потушила свет.

Монолог самоубийцы

Вот стоит кому-нибудь покончить с собой, как сразу начинаются пересуды: этот газом от неудачной карьеры, тот таблетками, чтобы жена не пилила, а один ваще пошел в Африку проверить теорию Дарвина, но гориллы его не поняли и прервали эксперимент зубами.

Я записываюсь на диктофон, чтобы исключить спекулятивные домыслы. Итак, запил я от экстерьерных чар Марины. Эта натуральная Кейт Уинслет флюиды на меня испускала, но к телу не допускала... Во, даже стихи пошли с глюками... В голове горлопанша-дикторша вдруг объявила об открытии радиостанции «Европа Флюс», и загремел тошнотворный ремикс: «Ты на стрелку к ней не ходи, у нее лед холодный в груди!» А из холодильника почему-то стали выскакивать мордастые представители колумбийской мафии. Они прятались друг от дружки за мебелью и весело перестреливались.

«Белка», понял я, и чтоб прекратить весь этот балаган, решил: ПОРА. Лезвие на трюмо – не знаю, смог бы так Гудини – я дотянулся и браво рассек бритвой левую клешню.

– Жил-лет, жил-лет – лучше для убийства нет! – грянули хором тиффози-южноамериканцы, как на каких-нибудь «Мараканах».

Но увы и ах! Дальше произошла заминка. Дело в том, что я правша и резать левой не умею. Это Сенеку кромсали в ванне слуги-профессионалы, а один даже посыпал его при этом розовыми лепестками. Да, умели умирать патриции! А мы все больше впопыхах, на ходу, на лету. Как в популярном черном ужастике: «Роскошь Аль-Файед любил и Диану по уши, лимузин в бетон всадил вдруг шофер на скорости».

Однако пока я дискутировал вот так сам с собой, случилось чудо: в мозг закололи миллионы иголок, абстиненция перестала ломать ноги судоргами, и стало мне очень хорошо и легко, а главное – заткнулась «Европа Флюс» и кудесники мяча попрыгали задним финтом в морозилку.

– Во, муха, только все наладилось, а жизнь безвозвратно уходит! – даже всплакнул я, безнадежно уставясь в снежно-белый потолок... Но проведя праворучное исследование, радостно убедился – левая длань совершенно сухая...

... Утром в травмпункте, сверля меня лукавыми глазками, монстр-врачуган пробрюзжал:

– Чтоб выпустить из человека всю кровь, лезвие не подходит. Тут нужна мотопила или на худой конец тесак для разделки медведя.

– Да это я сдуру, от спешки в любви, – нес я совершенную околесицу, довольный тем, что все страхи позади.

Очаровашка-медсестра, нежно сшивая кожу на моей руке, патетически заявила:

– А раньше все лечили кровопусканием, что вы геройски и совершили!

Страшила-врачуган только небрежно махнул лапой на наивную девушку:

– Вы лучше на всякий случай прикупите пиявок. Вдруг опять поспешно влюбитесь, а они вместо бритвы все прекрасно устроят.

– Да зачем мне теперь... Я терь стрелянный – не пропаду, – не очень уверенно проблеял я ему, а выйдя из больницы, спросил тоном следователя у первого встречного: – Вы где зоомагазин тут поблизости, знаете?

А он тоже спросил: – А зачем вам?

На что я воздел вверх указательный палец, как Цицерон в Сенате, и победно провозгласил: – От любой мерзавки клейте к жопе пьавки!

Между двух мачо

Влюбилась я поздно. В двадцать пять лет. «Гормоны бесятся, а Германа все нет!» – посмеивалась я сама над собой, пока Светка не познакомила меня с Генри. Он был лидером рок-группы «Рожи». Несерьезная аббревиатура в расшифрованном виде звучала вполне прилично: «Рок-н-ролл жив!»

Лицом, гривой и размерами Генри напоминал Элвиса Пресли, ходил чуть в раскорячку – «моряк в развалочку сошел на берег» – заразительно смеялся и плевал на все, что имело хоть отдаленное отношение к препятст-

вию или проблеме. Рубаха-парень уже тридцать лет жил бессмысленно и празднично, как елка, увешанная вместо игрушек юными красотками.

Матримониальных шансов у меня не было никаких, но тянуло к нему магнитно. И в конце концов я рискнула попробовать прием «Кошмарная наколка». Я неожиданно приклеилась к бас-гитаре Роману (20 лет). Тот запал на меня после первого поощрительного взгляда. В подвальной студии очарованный мальчик посвятил мне хит Робби Уильямса «У моей девочки есть маленькая штучка!»

Мой мачо на секунду отвлекся от поглощения пустой воркотни баскетболистки Милы и посмотрел вопросительно: дескать, что же ты делаешь? Отбиваешь парня у собственной наперсницы Светки, а еще педагог!

Я скорчила глупую физиономию: ничего не знаю – курица хромая. И захохотала громче усилителя. Так у нас и пошло: я не обращала на Генри никакого внимания, а он все чаще хмурил высокий лоб: «Странная баба эта Галя – набросилась на ребенка, как Бобик на ливер, когда рядом испускает флюиды мужик потоварней, то есть я!» Бедная Мила уже была вынуждена запускать коготки в его челюсть и поворачивать мордашку-избушку к себе передом, а к моей спине затылком.

До первого дня пикапной атаки я резвилась в бомжевом прикиде: водолазка, джинсы и кроссовки. Голова обросшая, как у хиппи, лицо пресноватое, косметики – по мазочку на глазик. Неухоженная и нехоленая училка.

Волшебно перевоплотившись, я сидела на скамье бульвара. Солнце, запахи цветов сквозь выхлопные газы. На мне модная короткая стрижка «Новая волна», цвет волос – огненный и рыжий в полоску. Помада и лак на ногтях с бриллиантовым блеском, тушь на ресницах, конечно, Maxfactor. Топ из хлопка с откровенным V-образным вырезом, микроюбочка, босоножки на десятисантиметровых каблучках со шнуровкой. Кругом на мне набивной пестрый рисунок, имитирующий неравномерную покраску материала вручную. Меня можно одновременно рассматривать и как произведение талантливого художника, и как сексапильную женщину, решившуюся гульнуть вместо скучной работенки.

Пройти по аллее и не заметить меня невозможно. Картины с аукциона Кристи'с у нас еще на скамейках не валяются.

Генри всегда топает на репетицию в Хохловский переулок по бульвару, и всегда опаздывает на десять минут, словно оперная примадонна.

– Галя!!! Я тебя еле узнал!

Генри остановился перед авангардистским произведением искусства в моем исполнении. Он удивленно вытаращил карие шарики глаз. Как они только не посыпались на дорожку!

– Привет, – лениво произнесла я, слегка пошевелила пальчиками в колечках с нефритом, александритом и изумрудиком. – Сдвинься, ты мне солнце заслонил.

Впервые он назвал меня по имени. Причем сказал «Гала». Так Сальвадор Дали обращался к своей русской музе. Кстати, внешне она мне сильно проигрывает.

– Спрессуйтесь-ка, пацаны. – Генри шугнул двух школьников с мороженым, царственно развалился рядом со мной, положил длань на спинку скамейки и частично на мое правое плечо.

От его легчайшего прикосновения меня бросило в жар и захотелось прижаться к нему всем телом, чтобы он тоже загорелся, скомкал меня в объятиях и прошептал откровенное признание: «Малышка ты моя, как я люблю тебя!»

– Ты сегодня такая... другая, – заморожено пропел лидер группы «Рожи». – Это у вас в роду все такие стройные?

– Нет. Это... у меня глисты, – брякнула я невпопад.

– И с юмором порядок, – не смутился Генри. – Ты вечером свободна?

– Он перешел на деловой тон: – Может, ухнем в бар креативщиков?

– С Милой, что ли? – невольно вырвался из меня «чуть охрипший гудок парохода».

И это была ошибка... В любви и на войне нельзя расслабляться, а надо просчитывать реакцию объекта под прицелом на каждое слово, которое не воробей.

Генри самодовольно ухмыльнулся: ревнует, значит, втюрилась. Он мысленно наклеил на меня ярлычок с номером «69», вставил в раму и повесил на гвоздь в воображаемой картинной галерее «Мои любовные трофеи».

– Ладно, Милку я отошью, – проявил великодушие самец-охотник и победно сжал в своей пятерне мою тонкую ладошку: – Пошли, а то народ ждет.

Я, утопая в вулканической лаве желаний не расставаться с ним никогда, взяла себя в ежовые рукавицы.

– Нет! – твердо включила я задний ход и мягко выудила горячую кисть из его экскаваторной горсти. – Погода хорошая, я еще позагораю.

– Ну, подходи, – индифферентно буркнул он и энергично пошагал навстречу жесткому хард-року с нотками этнического обаяния.

Генри небрежно перелистнул Книгу жизни с заголовком «Гала». «Я вернусь к ней потом и заполню по своему усмотрению», – сказала мне скалообразная глыба уходящего любимого человека. Людской поток разбивался об его силуэт, как вода о риф.

«Нет, дорогой! – упрямо не согласилась я. – Роль второй скрипки не по мне. Рано ты присел мне на плечи и ноги свесил!»

Человек – это то, что он может. Девочки говорят, профи-ловелас может сыграть браваурный гимн своему тщеславию на наших трепетных эrogenных зонах, словно на клавишах.

Генри умелым не был, несмотря на богатый опыт сексобщения. Одно дело, когда под тебя стелятся, и совсем другое – когда дикую лошадку надо объездить.

Последнюю информацию я заполучила от болтушки Милы, которую легко стреножила и затащила в кофейню. Длинная, как веревка, но с зазывным пухлым ртом модели Кристи Тэрлингтон, Мила верещала со скоростью шоумена Саши Цекало:

– Прикинь, Галь, я хожу перед ним натурально голая, он – ноль эмоций или прогундосит: «Не мелькай – телек мешаешь смотреть!». Объелся бабами, да! Как мой кот минтаем!

– А газеты он читает? – спросила я нарочно безразлично, уставившись в окно, за которым сновали немоторизованные люди, и почти толкались дутыми боками стада иномарок.

– Какие газеты?! – ошалело вскрикнула наивная Мила. – В жизни не видела, чтобы он взял в руки что-то, кроме ДУ и гитары, да! Зырит один телек с вечера до утра. Нет, читать и любить ему совершенно некогда. Это точно, да!

«Придется мне ему помочь со временем», – мстительно процедила я про себя, настроиваясь на мрак жестокого сраженья, и стряхнула столбик пепла с сигареты в чашку с эбеновым напитком.

Беспрестанное даканье жирафини Милы я уже не могла слышать. «Наверное, она еще чавкает, кладет ноги на стол, жует жвачку и храпит во сне», – подумала я, воткнув в уши бусины плейера, из которого в меня полилось неземное пение Андрео Боччелли и Сары Брайтман. Композиция называлась «Пора говорить «до свиданья».

– Адье, мне пора. – Я быстро выскочила на улицу к явному неудовольствию только разогнавшейся потрепанной девицы. Видно, Мила приняла меня за благодарное гипсовое ухо, а теперь оказалась рыбой на льду – застыла за оконным стеклом с напрасно открытым ртом и трескотливой руладой, застрявшей в идеально ровных зубах...

Трезвый мужик еще подумает, а выпивший клюет, как миленький, на порнографическую позу «точка опоры выше репы». Делается все просто. Сначала наша веселая компания отправилась в ночной клуб «Мираж», где Генри разогрелся стаканом «Кровавой Мэри» и созерцанием сочной стриптизерши, выделявавшей раскованные па в обнимку с металлическим шестом. Затем я встала с низкого кресла и попросила закурить у своего верного сигаретносца Романа. Он чиркнул зажигалкой, я наклонилась к огоньку с таким расчетом, чтобы мой нежный округлый задик, чуть прикрытый мини-юбочкой, возник в сиреновом луче прожектора строго напротив окосевших глаз любимого.

Все, занавес. После демонстрации ударной части тела я поплелась в сполохах цветного света и облаках искусственного тумана якобы в туалет.

– Надо присмотреть за деткой, – резво рванул за мной Генри, как Шумахер с полпозишен, и мы столкнулись в синих кафельных катакомбах, словно два спелеолога в тесной трещине под землей, – бежать некуда, да и нет сил на ватных ногах.

Послав подальше гордость и светские приличия, я повисла на нем и обвилась лианой. Он впился в меня жадными губами, припечатал к себе ручищами, и я стала терять остатки здравого смысла, растворяясь в сладострастной неге...

Из «Миража» мы сбежали по-английски. Новый Арбат сверкал неоновыми огнями в крошечной темноте, будто драгоценное ожерелье. Останавливая такси, Генри спросил:

– Гала, куда тебя отвезти?

– В поселочек Жуковку! – тонко пискнула я в ответ и развязно расхохоталась. Это сдерживаемые в течение месяца чувства прорвались наружу – хотелось петь, вытворять шалости и смеяться без всякого повода!

– Ты чего? Сбрендила? – Генри обхватил меня за талию, чтобы я не пролетела мимо распаханного входа в салон светлой «Волги».

– Да я представила фэйс Ленина, узревшего ту «деревню»! – еще разок прыснула я и успокоилась под холодным взглядом, посланным угрюмым шофером через зеркало заднего вида.

– На Рублево-Успенское, – хлопнул дверцей Генри. Он опять прижал к себе сгусток моих обнаженных нервов, и призрачные дома в веселенькую клетку горящих окон закружились вокруг нас в танце под разухабистый сингл американской группы «Manhattan Transfer»...

Накануне я все продумала до мелочей. Это недалеким плейбоям кажется, что они выбирают себе спутниц жизни и благородно женятся на них, когда те уже на шестом месяце. На самом деле сплошь и рядом истории любви строятся умненькими дамами, интуитивно чувствующими, что избранник должен купаться в своем приятном заблуждении как можно дольше. Не зря ведь провозгласил поэт: «Я сам обманываться рад!»

Возможность сильно обмануться я предоставила Генри в колоссальных масштабах. Во-первых, двухэтажный оранжевый коттедж со всеми шикарными потрохами я выпросила на пару дней у подруги Жанки, женившейся на себе бельгийца Альбера. Во-вторых, для пущей пыли в глаза друг Витек, работавший полиграфистом, соорудил мне самый настоящий лист газеты с придуманною мною статьей о посещении графиней Шеиной Лувра в составе делегации русского дворянства. Публикацию сопровождал липовый снимок: я – на фоне дворца в стиле барокко.

«Играть – так по-крупному! – решила я, готовя этот блокбастерный спектакль. – Если первая стрела Амура поразила меня в 25, то до второго «ранения» я могу и не дожить. Значит, альтернативы Генри не существует. Следовательно, его надо заполучить во что бы то ни стало. Кровь из глаз! Но предложить руку и сердце он должен без принуждения. А сделать та-

кой роковой шаг завзятый бабник может только в одном случае – в момент взрывного прозрения: лучше неё мне не найти!»

Увидев особняк-небоскреб, красиво подсвеченный галогенными лампами, с широким балконом, увитым плющом, и со спутниковой антенной на черепичной крыше, Генри ошарашено спросил:

– Сие бунгало всё твоё?

– Нет, не всё, – кокетливо ответила я, отпирая входную дверку. – Внизу живет собачка Грэг.

Огромный бурый дог встретил нас в холле и, уставившись на незнакомца красными глазами, утробно зарычал.

– Фу! Иди, погуляй! – по-хозяйски крикнула я, взялась за ошейник и вытащила тяжеленную псину за порог.

Подобное великолепие Генри видел только в кино про наркобаронов. Зал представлял собой как бы неф католического собора: два стрельчатых витражных окна доходили до самой крыши, между ними ослепительно сверкал мрамором камин с чугунной витой решеткой, сверху многоступенчатым сталактитом свисала хрустальная люстра. Еще на коврах с точными орнаментами громоздился немецкий гостиный гарнитур, у камина лежала шкура северного медведя, и две белоснежные лестницы уходили на второй этаж к уютным спальням.

Чтобы окончательно добить столбнячного дикаря, я нажала кнопку на пульте, и неизвестно откуда на нас хлынули щемящие звуки ритм-энд-блюза «Дорога в ад» и бархатного баритона Криса Ри.

– А здесь ничего, можно жить, – наконец изрек Генри и очертил невидимый круг указательным пальцем.

– Чтобы жить, надо есть, – сказала я из кухни, открывая холодильник. – Что ты будешь? Омлет, оливки, салями, икру...

– Всё равно, – рассеянно ответил он, обнаружив на темно-коричневой столешнице «Независимую газету» с моей лжепарижской фотографией. – А это что такое у нас? – ошеломленно произнес Генри и повернулся ко мне с округленными глазами, лезущими из орбит от удивления. – Так ты еще и графиня?! – взвыл мой мачо, как карета скорой помощи.

– А что тут такого? Предков не выбирают, – без малейшей показухи сказала я, заливая кетамин в белый вермут. Грэг иногда выл по ночам и его усыпляли этим собачьим снотворным. – На, попей для аппетита коктейльчик. – Я подсунула под нос Генри стакан с убойной жидкостью.

Сама принялась раскладывать на столе серебряные приборы и бордовые салфетки с вышивкой. После нескольких глотков с рок-музыкантом произошла кардинальная метаморфоза – искристая бабочка свернулась личинкой на шкуре белого медведя.

– Я немного сосну... Перепил, наверное, – пробормотал Генри и ровно задышал в крепком сне.

Теперь с ним можно было делать всё что угодно часа два. Проснуться после дозы кетамина раньше не смог бы даже слон.

Я хотела спокойно разглядеть в подробностях, какой же там плотью мне придется обладать, возможно, долгие годы. Все женщины на земле – прожженные гедонистки. Правда, завернуты мы в очаровательно-цветистые фантики романтики.

«Нет, я о себе была лучшего мнения», – скорбно вздохнула я и осторожно перевернула спящее тело на спину. К моему удивлению бойфренд оказался совсем не тяжелым.

– Ну, с чего начнем? – сказала я, не зная какую часть одежды снять в первую очередь.

– Начнем с осмотра великолепного, атлетичного верхнего этажа!

Я расстегнула все пуговицы на джинсовой рубашке с длинными рукавами, распахнула её на груди и обомлела... Литые мускулы под индиговой тканью имели явно бутафорское происхождение. Пористая резина телесного цвета. Тонкие молнии обнаружились по бокам накладной конструкции. Надел её, застегнулся и все! Из концлагерного хлюпика ты превратился в зубодробильного Сильвестра Сталлоне!

Дрожащими пальцами я потянула за бегунки и сняла с Генри нагрудный синтетический панцырь с буграми фальшивой мясистой и бицепсов-трицепсов. От бывшего культуриста ничего не осталось. Верней, остался тонкий змеиный скелет. Ухарь рок-певец не тянул теперь даже на прозрачную тень отца Гамлета...

Я повалилась без сил на мягкий венский стул и глупо разревелась от горечи разочарования. Столько трудов я затратила на возвращение своего долгожданного принца! Столько притворялась, кривлялась, отбила Ромку у Светки! Ползала на коленях перед Жанкой, выпрашивая на два дня этот роскошный дворец! И все ради чего?.. Ради лицезрения мрачного ужастика «Человек-шнурок»...

Целый час я стенала монашеским шепотом: «Как я могла влюбиться в это убожество? Да в блокадном Ленинграде я бы не нашла такого рахита! Какой позор! Какой стыд!»

Даже Грэг проникся моим горем. Он подошел, лизнул мне ладонь, тяжело вздохнул и повалил на мои колени свою настоящую булыжную голову.

Так мы и сидели над спящим живым привидением еще с минут десять. Я и собака. Наконец, ресницы рок-певца задрожали, он открыл небесные очи, улыбнулся мне и насупился, обнаружив тот факт, что верхняя половина его щедедушного тела оказалась голой.

– Ты извини, я хотела просто расстегнуть рубашку, чтобы тебе было посвободней, – оперативно повинилась я. Генри, смущенный и недовольный, сел, по-турецки скрестив ноги.

– Ну, как ты теперь знаешь, я не тот, с кем можно пойти на пляж в Анталии, – сказал он с едкой ухмылкой и прикрылся джинсовкой.

– Генри, ты кто? Йог? – с надрывом спросила я, так как другого объяснения его болезненной худобе не нашла.

– Нет, я всегда был таким. С детства. Короче, я абсолютно здоров, даже обмен веществ правильный, – уныло сообщил музыкант. Он достал из кармана джинсов сигареты и закурил. Я подала ему пепельницу, тоже задымила и опустилась рядом. Болючая жалость захлестнула всё мое доброе существо.

– Ну и хорошо, ну и слава Богу! – стала я его утешать, поглаживая тонкую руку. – А то я тут думала, пока ты спал, разные глупости. Типа – еще откинешься в Жанкином теремке. Я ж наркотика в вермут плюхнула. Хотела рассмотреть тебя получше.

– Так это не твой особняк? – Генри удивленно задрал брови.

– Конечно, не мой. Подругин.

– Ну, впрочем, это все туфта. – Генри поник вихрами. – Главное, жених из меня не вышел...

«Да, ты погорел на самой финишной прямой», – холодная мысль шевельнулась в мозгу, а вслух я энергично запротестовала:

– Да что ты, Генри, все нормально! Если ты доволокешь меня до спальни – шоу продолжается! Не зря же я выпросила у Жанки эту халупу на целых два дня! – Мне вдруг действительно стало интересно позаниматься сексом с этим необыкновенным парнем – таких оригинальных партнеров у меня никогда не было.

– До спальни? – Генри смерил взглядом расстояние. – Хоть сто порций! – Он сразу воспрял духом, резко подхватил меня на руки и побежал вверх по ступенькам – откуда сила взялась у ходячего скелета?..

В постели Генри оказался не таким уж неумехой – в общем, утром я была довольна, как мартовская кошка. Между пламенными экстазами Генри поведал мне историю своего рыцарского происхождения. Когда он решил создать группу «Рожи», давний друг Эрик критически оглядел его хилую фигуру и высказал трезвое мнение:

– Лидером рок-банды должен быть отморозок, громила, уркаган, иначе эти распутные наркоманы не будут тебя слушаться, и ничего из твоей затеи не выйдет.

– Что же делать?

– У нас на «Мосфильме» недавно снимали ролик про гладиаторов. Я достану тебе торс с такими буграми – Шварцнеггер отдыхает! Бицепсы – шары, грудь – таран, плечи – шкафы!

И достал Эрик эти замечательные чудо-доспехи. Так Генри превратился из худого, тихого интеллектуала в лихого атлетичного хулигана от рок-н-рола.

– Только ты об этом никому, ладно? – просительно пролепетал Гале развенчанный музыкальный король.

– Я-то нет, могила, а вот Милка твоя болтлива, хуже швейной машинки. – Опять прорвалась из меня ревность – все-таки даже в космической худобе Генри меня волновал, или я уже перестала обращать внимание на его ребристый имидж. Даже подумалось, кости есть – откормлю.

– Милка будет молчать. Быть кадрой уроды скабречно. Ей выгодно, чтобы никто не знал о моем вампирском виде.

– Да, она сама – нитка!

– Фанатка. Для неё главное – тусоваться в богеме.

Так, в ночных разговорах, я вдруг заметила, что все больше снова проникаюсь нежностью к очень неординарному, умному, ласковому парню, сумевшему так круто повернуть свою жизнь, добиться лидерства при нулевых возможностях.

– Никакой ты не вампир, – горячо прошептала я и обняла его покрепче. – Я тебя как следует буду кормить, сходим к хорошему врачу, скоро от твоей худючести не останется и следа, и гладиаторская бутафория больше не понадобится.

– Мерси, сеньора, – грустно ответил Генри. – Только жалости мне не надо.

– Это не жалость, дурачок. – Я в обвальном порыве страсти стала с трепетом обцеловывать его красивое лицо, попала губами в ухо, и он навалился на меня узкой грудью, и я, улетающая в блаженство, успела подумать: «Как же мне с ним хорошо!»

На обнаженное пропорциональное женское тело мужчина может смотреть часами, словно на гибкую пляску пламени костра. Я проснулась первой в полдень и тихо ждала пробуждения Генри, чтобы устроить ему якобы нечаянный стрип-показ. Я окончатительно простила ему эскападу с фальшивым торсом и утвердилась в желании сделать из блеклой ящерицы золотистого льва.

Вот с этого момента «все смешалось в доме Облонских». В холле залился трелью звонок домофона. Я накинула на себя Жанкин махровый халат и сбежала вниз.

– Да, – сказала я в микрофон переговорного устройства, теряясь в догадках: кто бы это мог быть?

– Это есть Альфред – брат Альбер, – сказал динамик вкрадчивым шпионским голосом. – Меня послать Жанна для помогать охмурять ваш любовник. Для он я есть твой кузен Альфред Летинье. Уандестенд?

– Я-я! Натюрлих! Заезжай.

Я открыла автоматический замок ворот и вышла в осенний холодок, кутаясь в длинную ворсистую хламиду. Слюнявый Грэг сиганул на газон и поднял лапу возле куста жимолости.

Во дворик медленно вкатилась умопомрачительная машина цвета «металлик»: концепт-кар «Альфа Ромео», мировая премьера нынешнего года, спортивная модель – 226 «лошадей» под капотом. Водитель был под стать авто: высокий, интеллигентный, лет тридцати, с аккуратной челкой над правым глазом, в клубном блейзере, в велюровых брюках, с шелковым шейным платком. Ну, просто гремучая смесь из киногероев: Джорджа Клуни и Киану Ривза.

Я, проклиная про себя дурацкую Жанкину инициативу, осеклась на полмысли и подумала более спокойно: «А кузен на уровне – Генри приревнует, но надо ли теперь это мне?»

Альфред вручил мне охапку французских клематисов и голландских лилий, поцеловал по-братски в щеку и продолжил агентурный инструктаж:

– Скажи свой Генри, мы ехать на обед к моя сестра Жанна. Если он соглашайся, значит, намерения иметь серьезный. Уандестенд?

– Офкорс, – резко кивнула я и понеслась наверх, подбирая нужные слова для объяснения изменившейся ситуации.

В спальне сизый табачный дым клубился над оголенным по пояс скелетом Генри и скомканным атласным покрывалом. Взъерошенный композитор с чинариком в зубах рисовал огрызком карандаша нотные значки на сигаретной обертке. Я плюхнулась дельфином на постель и прижалась холодной щекой к теплой грудке.

– Проснулся, козявка, – заговорила я тоном капризной девочки. – А к нам приехал мой кузенчик из Брюсселя на чудесной машинке, и мы приглашены на обед к его сестре.

– Это радует, – отстраненно буркнул Генри, высвободился из моих объятий, дежурно чмокнул меня в нос и стал стремительно облачаться в бутафорские телеса. – Прости, Гал, но с обедом ничего не получится. У меня песня пошла – надо срочно мчаться в студию и записать мелодию, а то забудется, и все накроется мокрым полотном. А ты подъезжай вечером, я тебе её исполню. Кстати, я посвящаю её тебе!

Внизу он поздоровался с обескураженным Альфредом и пробежал по дорожке до калитки, что-то напевая и взмахивая в такт рукой.

К Жанке мы с Альфредом приехали вдвоем. Моя бывшая стройная одноклассница теперь была дородной матроной, но необузданные страсти по-прежнему выплескивались из неё через край, как протуберанцы с солнца, и в глазах плясали все те же плутоватые бесенята.

– А где твой Карузо? – задала она вопрос ребром, распахнув дверь.

– Он занят. У него песня пошла, – виновато проямлила я, зная, что сейчас начнется извержение Везувия в словесном варианте.

– А я предвидела! Стойте, я вас окурю. – Жанка в шелковом кимоно и с дымящейся сандаловой палочкой в двух пальчиках поскакала вокруг гостей, снимая уличную порчу. – Ну, пошел бы у него факс или камни из почек, я бы еще поняла. А то – песня! Хох!! – язвительно усмехнулась она

и затолкнула меня на кухню. – Альф, подожди, у нас бабский тет-а-тет! – хлопнула она дверью перед носом деверя и опять набросилась на меня, как волк на зайца в «Ну, погоди». – Слушай сюда! Второй раз тебе в жизни так не повезет. Альф развелся со своей Изабелкой, ты ему нравишься – хватай свой шанс! Будем там вдвоем по магазинам рулить. А кто такой твой Генри, если честно? Заурядный брынчала, андеграунд, да еще, пардон, УО! – Она приставила палец к виску. – Ладно там, «Руки вверх», «Ноги врозь», а то – «Рожи»! Это же... Хох!.. Ну, нет слов!!!

– Но, Жанн, я ж его вроде люблю! – крутя браслет на запястье, отчаянно возразила я.

– А что останется от твоей любви, когда вы будете петь на одну твою смешную зарплату?! – Подруга беззаботной юности выкатила на меня зловещие колдовские глазища. – А, не дай Бог, двойню штампанете?! Это ж туши лампу!.. Соглашайся, дурында! Я все устрою. Альф просто душка – в Брюсселике нарасхват!

– Да, я заметила – галантен, как король, но пресноват, что тыква. – Я паровозно вздохнула и обхватила руками свою бедную голову – впервые в жизни на мои хрупкие плечи обрушилась такая тяжкая гиря-проблема: то горизонт был чист и светел, то на нём вдруг сразу возникли два очень разных пути. Первый – загадочный, тернистый, опасный, но страшно волнующий. Второй – спокойный, комфортный, ясный, будто расписание: через девять месяцев – ребенок, через семь лет я иду с ним в школу, еще через десять – в колледж...

– Хорошо, я подумаю! – резанула я в упор Жанке и рванулась на выход, боясь остаться и дать себя уговорить.

– Думай пулей, не то будешь с дулей! – грохнула мне в спину товарка-рационалка, а телячьи глаза Альфреда опять недоуменно захлопали ресницами – он второй раз за час не мог врубиться, что за яростные виртуальные ветры гоняют перед ним туда-сюда этих странных красивых людей?..

До самого вечера я слонялась по улицам и присела отдохнуть от пешей кругосветки в беседке парка «Эрмитаж». Сумерки сгущались. Воздух над землей темнел, как кипятки в стакане над чайной заваркой. Вот и зажглись желтые огни фонарей.

Я сидела и все перебирала в голове плюсы и минусы двух моделей будущего. Выходило: остаться с Генри – неразумно, но благородно; уехать с Альфредом – компромиссно, зато практично. Обе позиции как-то не грели, словно осеннее светило.

«Да что я мучаюсь?! – разозлилась я на свою буридановую ослистость. – Ни того, ни другого я толком не знаю. Надо просто к ним присмотреться, и правильное решение образуется само собой!»

Картина, которую я застала в подвальной студии своего мачо, называлась «Я бомба и лечу на вас!» В просторном помещении без окна остро

пахло марихуаной. По потолку шла рыбацкая сеть с черным плюшевым пауком посередине. В углу стоял скелет, выкрашенный розовой флюоресцентной краской. Стены были плотно залеплены глянцевыми плакатами с рок-звездами первой величины и заставлены эстрадной аппаратурой. На полу валялись листы, испещренные кривыми каракулями, будто каббалистическими знаками. Сам Генри в гладиаторском торсе под рубашкой и с повязанным на лбу пестрым платком лихорадочно бил по струнам электрогитары «Фэндер», дымил уродливой самокруткой и невнятно рокотал в микрофон.

Я дернула его за рукав джинсовки. Он стрельнул в меня мутными очами, выплюнул окурочек в банку из-под киноплёнки и возбужденно воскликнул:

– Галка, я в честь тебя переименовал группу! «Галлы»! Классно, да? «Мало того, что накурился, он еще заразился даканьем от Милки», – раздраженно подумала я, а вслух спросила:

– А где остальные?

– На сегодня я всех разогнал! – Генри по-императорски выпятил грудь и поставил ногу в кроссовке на обшарпанный стул. – Я пишу только в одиночестве, а то пялятся всякие в рот!

– Тогда мне тоже уйти? – Я отступила на шаг. Разочарований на сегодня мне было уже достаточно.

– Не говори ерунды и слушай – я тебе её сейчас спою! – Безапелляционно объявил он и взял в пальцы медиатор.

– Подожди. Я должна тебе кое-что сказать, – спешно затараторила я. – Понимаешь, я на самом деле никакая не графиня...

– Чепуха! – Генри властно оборвал мои излияния. Он, как Калигула, никого не хотел слышать, кроме себя. Он был на пике торжества своего эго, расцвеченного до пышного фейерверка наркотическими парами. Он казался себе великим мессией – открывателем жизненной сути для остального человечества. – Титулы, слава, деньги – все это конечно и несущественно. Мы продолжаемся только в своих детях и песнях! – театрально-выразительно произнес он и добавил без форсажа: – Так что сиди и слушай. Ты всегда будешь первой критикессой моих вещей. Ты ж училка – тебе и карты в руки.

Генри обаятельно улыбнулся и стал прежним – родным и нежным существом. Я застыла в рвущей меня на части сердечной сумятице: я хотела бежать от сумасшедшего, надутого от самолюбования нарцисса, и одновременно я страстно желала его объятий и ласки горячих губ...

Приключения будоражат кровь и взрывают монотонные будни сногшибательными впечатлениями. Однако слишком затянувшийся любовный роман, постепенно теряет элемент новизны, и пьется уже не как молодое вино, а будто кислый уксус.

И древний мудрец Заратустра сказал: «Надо уходить, когда ты кажешься особенно вкусным». То есть ждать, когда твой идол начнет вытирать о тебя ноги, вовсе не стоит.

Через месяц я ехала с Альфредом из Москвы в Бельгию. В своем животе я увозила контрабандой крохотное продолжение Генри. «Пусть папа витает в эмпиреях, сочиняет и дальше трогательные песни, не думая ни о чем другом, не играя дурную музыку в кабаках для денег, – грустно размышляла я, провожая взглядом уносящиеся назад современные города и деревни. – Ребенок же должен расти в райском саду, а не в тесной панельной коробке. Он должен расцветать, как цветок, под солнцем любящих взоров, а не сходить с ума от скандальных разборок родителей. Альф же всегда очень деликатен, предупредителен, чуток, носится со мной, как с бесценной археологической находкой из тонкого стекла. А о том, что он воспитывает чужого сына или дочь, ему знать совсем необязательно. Пусть это будет только моей личной тайной. Женщина без тайны никому не интересна».

Однако чем дальше мы пересекали Германию, тем больше менялся мой интер-жених, причем в самую противную сторону – он становился нудным долдоном. В мотеле, где мы ночевали, он целый вечер монотонно преподавал правила поведения в светском бельгийском обществе. К своему полному, глубоко спрятанному в душе ужасу, я поняла, что еду не к светлой развеселой жизни, а добровольно заталкиваю себя в комфортабельную тюрьму, в некий вариант гламурного «Синг-Синга»: за мной везде будет трюхать амбал-охранник, пригласить кого-то в дом без согласия мужа-хозяина нельзя, на приемах надо непременно улыбаться во все зубы. Потом я обязана всячески ублажать его фирменное начальство, то есть, по-нашему, быть бесплатной эскорт-девицей. Альф беспечно решил, что бежать мне уже некуда, можно начать закручивать гайки.

Так я внезапно прозрела. Но мы уже ехали дальше. Назад уносились дома какого-то немецкого города. Впечатление было такое, как будто ты едешь по огромному магазину часов без стрелок. Аккуратные однотипные коттеджи с двускатными красными крышами напоминали наши ходики. Казалось, вот сейчас выскочит из окна мансарды мудрая кукушка и кукукнет: «Время не купишь – подумай еще раз, на что ты собираешься его потратить?!»

И я задумалась снова. Несмотря на удобу, на привычку курнуть травку, на неограниченно завышенное самомнение, Генри я любила без всякой задней мысли. Меня к нему что-то притягивало, меня всё время разрывала на части всепоглощающая животная страсть. С ним хотелось завалиться поспать куда угодно и в любое время суток. И он откликался на мои ласки как звереныш: мы бесились, бросались подушками, носились друг за дружкой по комнате и визжали от счастья, переполнявшего нас!

Альф же всё больше становился стандартным дорогостоящим чиновником, законченным роботом, готовящимся заранее к исполнению каждодневных скучных ай-ти-технологичных обязанностей. Это уже был механизм, существующий строго по расписанию. Вот опять! Ну, разве это человеческая улыбка? Это упражнение для лицевых мышц. Смысл её примерно такой: «Я оказал тебе знак внимания – ты должна быть довольна. Наше кредо системных клерков гласит: лучше быть спокойным, чем счастливым. Вступай в наш распланированный до последней точки мир, и ты навсегда будешь окружена богатыми декорациями и супердостоинными людьми!»

Все, что говорил Альф, все, что он делал с отлаженной четкостью, все это отдавало консервированием. Да, Генри и Альфред были полнейшими антиподами, один – сумасшедший гений, второй – железобетонная посредственность.

Кое-как я уговорила Альфа прокатиться через Альпы. Это был большой крюк, но добрый тюремщик решил удовлетворить просьбу будущей своей заключенной, то есть красивой, покладистой супруги, добытой по дешевке в отсталой России.

Когда мы проезжали через Гармиш-Парген-Кирхен, я тяжело вздохнула и дернула без пяти минут супруга за рукав:

– Ой, останови, я в туалет хочу.

– Мне с тобой надо? – деловито спросил жених, паркуясь возле кафе «Снежная Королева».

– Зачем? Уж я там как-нибудь сама.

– Гут, хорошо, – не понял юмора Альф, опять деревянно улыбнулся и, развернув газету, уткнулся в колонку новостей из мира финансов: котировки акций, фьючерсы, девелоперы и прогнозы рынка форекс.

Я взяла с заднего сиденья свою сумку, с трудом выкарабкалась из низкого седана. Обслуживать жену непрактично – это она-домработница должна ублажать добытчика-хозяина.

По тротуару плотными рядами слонялись клетчатые туристы. Они бесцеремонно размахивали руками, обращая внимание друг друга на всякие достопримечательности: на зеленые и снежные горы, на манекенных героев сказок Ганса Христиана Андерсена в витринах, на толстых сизых голубей под ногами.

Вместо того, чтобы зайти в кафе, я благополучно растворилась среди форестьеров, завернула за угол и взяла такси.

– Bitte, auf Singerstrasse (Пожалуйста, на улицу Зингера), – спокойно сказала я, усаживаясь на заднее сидение.

Водитель кивнул, включил счетчик и поставил башмак на акселератор. Его канареечный «Фольксваген» стремглав довез меня до нужного места.

Я вышла из машины и немного постояла, разглядывая знакомый дом. Нет, за пять лет ничего не изменилось. Те же коричневые шторы за окнами, полуувядшие «Золотые шары» в палисадничке, лексановый навес над входной дверью...

Я нажала на кнопку домофона, прикрученного к стойке возле калитки из рабицы – металлической сетки.

– Wer ist da? (Кто там?) – спросил динамик приятным сопрано.

– Ма, это я! – крикнула я в ответ.

Пятнадцать лет тому назад моя мать титанически трудилась в качестве гида в «Третьяковке». Там к ней проникся чувством любитель русской живописи из немецких Альп. Гюнтер ей тоже понравился, и они уехали сюда, в Гармиш. Я осталась в Москве с отцом. Я была бойцом за справедливость: если мама будет жить с Гюнтером, то я с папой – так никто не окажется в печальном одиночестве.

На крыльцо вышла стройная женщина: короткая стрижка с тщательно покрашенной сединой, лицо – копия моего, только в паутинках морщин под глазами, на плечах узорчатая шаль пастельных тонов – ничего яркого, все в ней дышит скромностью и умом.

– Галинка! – Моя маман всплеснула руками. – Как же ты выросла!

Мы обнялись, расцеловались, пустили по горячей слезе.

– Ну, пошли в дом, – потянула меня матушка за собой. – Твоя комната ждет тебя уже второй день. Белье я постелила всё свеженькое еще вчера.

– Да черт с ним, с бельем! Рассказывай, как вы тут? – звонко брякнула я, шалея от налетевшей нежности к беглой родительнице.

Держась за руки, мы уселись на мягком диване в гостиной. Обстановка здесь была на уровне – цвета мебели, панелей, паласа, подобраны с немецкой строгостью – под мореный дуб.

– У нас все по-старому, – отмахнулась мать. – Лучше скажи, как ты доехала совершенно без денег?

– Я же тебе звонила – жених подвез, – напомнила я.

– Ах, да, склероз, но где же он?

– Я от него сбежала! – задорно воскликнула я.

– Но зачем? – Маман откинулась на спинку дивана и включила глазной рентген.

– Понимаешь, я беременна, но не от него, а от одного музыканта. От Генри. Я тебе про него говорила по телефону. – Я объясняла подробно и ровно, как больной менингитом.

– Ребенок – это хорошо. У нас с Гюнтером так ничего и не вышло. – На секунду мать пригорюнилась и продолжила допрос: – Но зачем же было ехать с этим бельгийцем к нему в Брюссель?

– Нам было по пути.

– И ты с самого начала знала, что ты его бросишь?

– Нет. Сначала я хотела его обмануть – женить на себе и сказать, что ребенок от него.

– Ну, это уже ни в какие ворота! – Мать от переживаний закурила. Я тоже. – Как бы ты смотрела ему в глаза?!

– Легко!

– Тогда в чем проблема? Не понимаю! – Маман сделала круглые глазщи.

Её совиный взгляд меня достал. Я заорала диким голосом:

– Он меня не любит! Я ему нужна, чтобы показывать гостям, как редкое животное! Остальное время я бы сидела под замком!..

– Так ты оно и есть! – Мать стала загибать пальцы. – Ребенок от бомжа-наркомана, бросила жениха-миллионера – все симптомы бестолочи налицо!

– Ну, ма, мне с ним смертельно скучно! – Я издала последний жалобный вой раненного морала и зарыдала у неё на плече.

– Тогда другое дело. – Маман внезапно кардинально поменяла мнение. Она стала упорно и как-то бурно гладить мою новомодную прическу, будто стараясь повыдирать замученные перекрасками волосики. Наконец она выдала убийственное резюме: – Скучный мужик – это всё равно, что каждый вечер одно и то же кино по телевизору.

Леди с кирпичом

киносценарий

*Если мышь смеется над котом,
Значит дело пахнет кирпичом.*

1.

Громадины небоскребов отражались в зеркальных боках еще больших громадин. По стритам и авеню разъезжали блестящие иномарки. Один лимузин замер у стеклянного входа в величественное здание, облицованное розовым мрамором. Ливрейный швейцар предупредительно распахнул дверцу. Из машины вышли ОН и ОНА. ОН – высокий красавец во всем белом: смокинг, брюки, туфли. ОНА – очаровательная милашка в черном вечернем платье с открытой спиной, в мерцающих бриллиантах ожерелье, серьгах, браслетах.

Обнявшись, нежно улыбаясь друг другу, ОНИ прошли через голубой холл в безлюдный ресторанный зал.

– Прошу сюда. – Седой метрдотель в строгом фраке проводил их к столику под огромной хрустальной люстрой.

Когда они садились, безмолвные официанты пододвинули сзади стулья. Метр протянул даме меню.

– Принесите, пожалуйста, все, что есть, – распорядился ОН. – Мы у вас впервые и хотели бы все попробовать.

– Прекрасная мысль, дорогой, – лукаво улыбнулась ОНА, – но ты будешь пробовать первым.

Тут же их столик окружили с десятков лотков на колесиках. Они были тесно заставлены аппетитнейшими кушаньями: рыба, птица, салаты, котлетки, бульоны, устрицы, ассорти, грибы, крабы, торты, пирожные...

– Выбирай, любимая, я готов! – сказал ОН, бравируя и вооружившись столовыми приборами.

– А вон там у вас что? – ОНА нацелила оттопыренный мизинец в перевернутое вверх дном серебряное корытце.

– Это наше фирменное блюдо! – объявил с пафосом метр и поднял драгоценную крышку. Под ней на большой фарфоровой посудине лежал обыкновенный красный кирпич.

– Кирпич? – изумленно пробормотали ОН и ОНА.

Официанты покромсали «кирпич» шпателями, положили по ломтю в тарелки гурманов.

– Ну, приступай. – ОНА уставилась на визави, как на фокусника, собравшегося проглотить шпагу.

ОН храбро метнул в рот осколок диковинной пищи. Пожевал.

– У-у! Фантастика! – бурно восхитился и поддел вилкой кусок побольше.

ОНА тоже слизнула с прибора красную крошку и кисло скривилась.

– Что? Не вкусно? – сильно удивился ОН.

– Да нет! Комар! – в панике воскликнула ОНА.

– Чертова дыра! – ругнулась в сердцах ОНА из сна и упала на подушку. – Такой сон!.. И не дал досмотреть, зараза! – досадливо выдохнула девчонка и, протянув руку, взяла со стола книжку с названием «Сонник».

– Кирпич – успех, удача, – прочитала, найдя нужную строчку. – Годится! – удовлетворенно воскликнула Наташка и сладко потянулась.

Ей было 19 с половиной годков. С одной стороны она считала, что вся жизнь впереди, а с другой, что жить на свете надо спешить, или что-то интересненькое да пропустишь. Свое бытие она воспринимала не иначе, как стремительное, наполненное захватывающими событиями действие, в каком нет места скуке и хандре.

«Ну, очнулась, так вперед ногой!» – мысленно подогнала она себя и пошла – как была в трусах и в майке – на кухню. Там поставила чайник на плиту, кинула взгляд через окно на солнечную улицу и постучала ложкой

по трубе. Сигнал оповещал Веру, засевающую в ванной комнате, что ей пора на выход.

Здесь со стенки над холодильником затрещал телефон. Наташка вырвала из гнезда трубку и томно произнесла: – Приемная министра слушает.

– Ой! Извините, я кажется ошиблась номером! – переполошилась подруга Катя на другом конце провода. Она не выговаривала букву «р», хотя училась в МГУ.

– Да, не ошиблась, не пугай! – звонко рассмеялась Наташка.

– Тебе смешно, а я заболела. Температула – 38. Так что на выставку с тобой я не смогу... – Безутешная Катя громко вздохнула.

– Ой, ты знаешь, и я тоже расклеилась. – Наташка тут же поменяла тон с озорного на трагический. – Но у меня показатель еще хуже – 39! Верка уже «скорую» вызвала!

– Ой, значит, тебе еще плохее! Ой, Натуль, ну я сейчас собью «Упсой» температулу и привезу тебе малины.

– Во-во, привези, надо попотеть. Ой, Кать, я отрубаяюсь – врачи пришли.

– Ну, лечись! Я сколо!

Наташка вернула трубку на базу и опять рассмеялась: – Вот дуреха, прям трамвай без рельсов!

– Ну, что ты девке мозги пудришь! – возмутилась тридцатилетняя астеническая Вера с мокрым гаврошем на голове. Она уже давно вошла в кухню и слышала весь притворный Наташкин треп. – А ну, звони Катьке и скажи, что пошутила. Еще не хватало, чтобы она, больная, ехала в такую даль!

– Верк! Ну ты ж минус ноль в психотерапии! – прытко отбила нападение лгунишка. – Для любого больного лучшее лекарство – это узнать, что кому-то другому еще хуже. Я уже прямо чувствую, как она воспряла духом и летит мухой!

– Думаешь? – с сомнением спросила Вера.

– А что тут думать? Вот если бы твоя сменщица Танька вдруг бросила своего Кольку, тебе бы сразу стало душевно легче. Ты бы законно прокумекала: «Во! Не одна я такая «рыжая», что пока спать не с кем!»

– Достань масло, кумекала! – усмехнулась Вера. С нее мигом слетела минутная хмурость, и она стала сыпать в чашки растворимый кофе.

Смысл намека был в том, что Вера недавно развелась с мужем, ударившимся в пьянство, и сейчас она наслаждалась отдыхом от его буйных выходок, когда он будучи под шафе, то выкидывался из окна, то ставил гнусно-синие бланши на ее лебедино-белой коже.

Разбитная и веселая Наташка пришла очень кстати – она заполнила вдруг образовавшийся вакуум: одиночество не сахар. А познакомились товарки в библиотеке. Вера в ней трудилась на мягком стуле, а Наташка случайно зашла убить немного времени.

Вскоре Наташка, уже одетая в униформу для «охоты», вертелась перед зеркалом.

– Ну, я побежала! – крикнула она из прихожей.

– А как же Катька? – задыхнулась от негодования Вера.

– Ну, Верк! На кой мне на ноге большая гиря? – резонно ответила Наташка на ходу. – Попьете чай с малиной, в кинчик сходите, бабки в соннике! – Последние звуки донеслись до Веры из лестничного колодца.

2.

Итак, Вера жила в Мытищах, Наташка – то у Веры, то у друга Олега в общежитии на улице Галушкина. Вообще-то он был Наташкиным бойфрендом, ее Клайдом. Это он приснился ей в роскошном сне про границу. Это с ним она приехала в Москву год назад из провинции, чтобы сделать какую-нибудь потрясающую карьеру в мегаполисе. До сих пор определенной цели у нее не было, но хотелось чего-то заоблачного и необыкновенного. По крайней мере, когда она смотрела на себя в зеркало, то справедливо отмечала: – И ничем я не хуже всех этих «Шиферов» и «Летиций»! И устроюсь соответственно выпавшему билету!

Да, броский экстерьер позволял рассчитывать на многое. Вот стояла она на мосту станции «Мытищи», и все проходившие мимо мужчины косили на нее глазами, а то и шеи выворачивали почти до вывиха. А все потому, что Наташка быстро нашла свой имидж-вамп. Прическа – искусно растрепанное каре, майка-размахайка, брючки-облипалки, куртка – кожа с вышивкой, туфли-полуказачки, через плечо ремешок стильной сумки с надписью их хрома «Симона». Плюс красивое лицо, темные очки в тонкой оправе и стойка «Кошка греется на солнце»: спинка на перилах, локти на них же, ноги в позиции №3.

Все это тщательно продуманная и выполненная уловка. И, конечно, в раскинутую сеть попался жучок-дурачок: рядом остановился парень лет под тридцать с открытой бутылкой пива в руке – пальцы музыкально-длинные, с аккуратно подстриженными ногтями.

Наташка легко определяла тип мужчины-трофея по ногтям и обуви. Ногти в порядке – интеллигент, туфли из замши – бабник. Это был как раз такой.

– Пиво будешь? Я еще не пил, – предложил парень спокойно, не тусуясь, как давно знакомой девушке.

Наташка соизволила окинуть оценивающим взглядом объект, вторгшийся в ее воздушное пространство. На Клайда он не тянул, был несколько хлипковат, но лицо приятное, не жлоб, за попутчика сойдет.

– Не, я горькое не люблю, – ответила она в нейтральной интонации: мол, поболтать с тобой я не против.

– А я глотну, вчера малек перебрал. – Парень осушил сразу полбутылки и опять спросил: – А тебя как звать-то?

– Катя. Учусь в МГУ. Возраст – 20 лет, – отчеканила Наташка.

Парню ее контактность понравилась. Он широко улыбнулся и тоже представился: – А я Валерий. Работаю в рекламном агентстве. Но мне уже 28.

– Попрыгали, Валерий, наша показалась. – Наташка оттолкнулась от перил и бодро, но грациозно посеменила по ступенькам к платформе.

Валерий припустил следом, оставив недопитую бутылку на мосту.

Ее оперативно схватила небритая личность в замызганном пальто.

После 10 часов в электричках уже не так многолюдно. Молодая, едва знакомая пара удобно разместилась на скамье у окна. За стеклом замелькали пригороды. Валерий продолжил немудреный опрос:

– Ты сейчас куда?

– На занятия.

– Вечером свободна?

– Пока не знаю.

– Может, позвонишь мне в офис, когда узнаешь?

– Какой номер?

– Возьми визитку. – Валерий достал из внутреннего кармана куртки и протянул Наташке глянцевый квадратик плотной бумаги.

– А куда пойдешь?

– Куда захочешь.

– А если я захочу в «Пекин»?

– Значит, в «Пекин». Ты, Катя, мне подходишь, так что можешь заказывать «музыку».

Валерий исполнил чистосердечное признание с неподдельной искренностью. Наташка сдвинула очки на кончик носа и вновь посмотрела на него изучающим взглядом. Да, возможно он не лгал: чуть смущенная улыбка, добрые глаза...

– Значит, договорились! – Наташка тоже одарила его дежурной сладкой улыбкой и засунула визитку в кармашек сумочки.

– Ох, вспомнил! – Валерий вдруг озабоченно припечатал свой лоб ладонью. – Мне надо было вчера придумать вариант ролика...

– Про что?

– Про минеральную воду.

– Записывай.

– Я запомню.

– Ну, например: жара, дорога, едет «Камаз», шофер уже разделся до трусов...

– Лучше – до штанов.

– Ну, да. Пьет он из бутылки эту воду и плескает еще себе в рожу!

– В мужественное лицо а ля Джордж Клуни.

– Ну, пусть. Одна капля вылетает в окно и попадает на какое-нибудь дохлое растение.

– Точно! На придорожный запыленный и поникший цветок. Но тут он сразу оживает, выпрямляется и расцветает! Слоган: «Эврика» – живая вода!»

– Элементарно, Ватсон! – не удержалась Наташка от проявления высокомерия и дальше совсем выпала из роли «Перспективная невеста». – С вас гринны за труды!

Олимпийца-Валерия базарный выпад не смутил – он достал из кармана джинсов портмоне.

– Да, Валера! Это же шутка! – Наташка поспешила замазать оплошность, но парень ловко вбросил зеленоватую купюру в ее открытую сумку.

– Пока «десятка», остальная зарплата вечером!

– Валера, щас же возьми назад! – Наташка напустила на себя строгости и вынула сложенный вдвое дензнак.

– Кать, ей Богу я прилично зарабатываю – это для меня не деньги. – Валера даже задрал руки вверх, чтобы настырная девчонка до них не дотянулась.

Но Наташка тянуться и не собиралась. Игра в достоинство не должна быть длинной: вдруг клиент «включит заднюю» – такое тоже бывало.

– Ладно, беру в долг, – как бы смилостивилась Наташка. – С бабками сегодня маленький напряг...

– Вот и умница! – Валера нежно погладил ее куртку в районе плеча.

3.

После высадки на Ярославском вокзале Наташка остановилась перед афишной тумбой. На красочном плакате рыжая певица в красном воздела к небу руку с микрофоном. На заднем плане задыхались в дымовой завесе музыканты. Крупнобуквенная надпись гласила: «Таня Хмель и рок-группа «Эфедро»! Посетите ночной клуб «Р энд Н» (Рай и Ад)!»

Наташка завистливо вздохнула и медленно пошла по улице, что было для нее не свойственно, но толково размышлять на высокой скорости она не могла.

«Ну, полный джаз! Прямо сон в руку: ужинаю в китайском кабаке и ухожу «по-английски» – на кой мне хиллак из какого-то агентства?.. Был бы он сыном банкира, тогда другое дело. Но они же в электричках не ездят – во, какая хреновина!.. Хотя через него можно сняться в клипе – все меня увидят и обалдеют, и пригласят в «Ред Старс» или в кино. А что? Запросто... Ну, это ладно, а чо щас нарисуем?.. Так, сначала к Сане. Может, еще немного бабок раздобуду – надо что-то летнее купить помодней. О, таратайка стоит – значит, дома».

В захламленном дворике стоял белый, местами ржавый «жигуль» шестой модели. Наташка вошла в подъезд, быстро поднялась по лестнице с полустертыми ступенями на третий этаж, нажала на кнопку на звонка: два длинных, один короткий.

Тяжелую древнюю дверь коммуналки открыл белобрысый паренек концлагерной худобы, но весь в лейблах, брелках, серьгах.

– А, Натаха, заплывай, – в спешке бросил он и нырнул в первую комнату по коридору. Наташка захлопнула за собой входную дверь и последовала за ним.

В просторной комнате с кое-какой антикварной мебелью царил хаос, как при суматошных сборах перед переездом на новую квартиру. На полу валялись чемоданы, сумки и кипа старых газет. Саня решительно сминал желтоватую бумагу в комки и набивал ими потрепанные кожизделия.

– Ты опять по вокзалам? – деловито спросила Наташка.

– Нет, на танцы! – съязвил Саня и яростно добавил: – Что стоишь, как принцесса? Давай, помогай!

В четырехместной больничной палате недужных было двое. Небритый дядя лет пятидесяти читал книгу. Молодой розовощекий мужчина в тельняшке нежился под одеялом.

В белую дверь постучали, и в комнату вошла Наташка с букетиком сирени.

– Эдрасьте! Ой! А Миша Иванушкин разве не у вас?– Она округлила глазки.

– У нас!– с энтузиазмом отозвался моряк.– Он на процедуре. Я пока за него.

– Петя пошутил,– серьезно сказал читатель.– У нас Миши нет.

– Ой! А можно я позвоню, спрошу у мамы?– Наташка потянулась ручонкой к мобильному телефону на крышке тумбочки.

– Ну, позвоните,– разрешил небритый.

Наташка схватила мобильник, покликкала по кнопкам.

– А я знаю, где ваш Миша. Пойдемте, покажу!– Моряк с улыбкой до ушей стал натягивать штаны.

– Лежи, у тебя постельный режим,– строго рыкнул на него небритый.

– Так я о ем и забочусь!– подмигнул разбитной морячок.

– Ма, это я. А Миша в какой палате?.. Ага, поняла... Да, я еще что хотела те сказать... Ой, можно я пять секунд из коридора?– просительно обратилась Наташка к хозяину средства связи.

– Ну, недолго, – недовольно кивнул небритый.

– Конечно– конечно!– клятвенно пообещала девчонка и выскочила из палаты.

В коридоре стоял Саня, держа в руках разверстную сумку. Наташка кинула в нее мобильник и букет, достала оттуда ворох белой одежды и стремительно пошла прочь. На ходу она нахлобучила на голову докторский колпак, накинула на плечи халат. Все, узнать ее со спины стало невозможно.

Тут же дверь резко распахнулась. В коридор вылетел моряк в спортивном костюме. Он быстро огляделся и спросил у Сани:

– Друг, девчонка отсюда вышла, куда она делась?

– А, такая растрепанная? – Саня свободной дланью помотал в воздухе.

– Ага!

– Рванула во-он туда. – Саня показал пальцем направление, противоположное Наташкиному отходу. – Чуть с ног не сбила!

– Во стерва! – плюнул в сердцах моряк и побежал, хромя, по блестящему светлому линолеуму.

Через полчаса белый «жигуль» припарковался на стоянке у Казанского вокзала. На его заднем сидении теснились разномастные чемоданы и сумки. Впереди сидели Саня с Наташкой. Она выглядела чертовски соблазнительно: подмазала тушью ресницы, навела под глазами тени с блестками – чисто Клеопатра!

– Натаха, вон длинный, видишь? – Саня показал пальчиком направление. – С нашим сереньким – один в один.

– Угу, сфотографировала, – пробормотала Наташка, приклеившись взглядом к долговязому мужчине. – Пошла! – она ловко выскочила из машины, взяла с заднего сиденья большой серый чемодан. И устремилась к его близнецу.

Длинный как раз остановился, опустил чемодан на тротуар, вставил в рот сигарету, попросил у прохожего огонька. Наташка в этот момент заметила его чемодан своим, но теперь ее сильно перекосило: видно ноша оказалась неподъемной.

– Девушка, может, вам помочь? Давайте, тяжело ведь! – шагнул за ней обворованный длинный.

– Спасибо, не надо, – криво улыбнулась ему Наташка, – уже все-все, уже дотащила... – Она с большим трудом запихнула чемодан в багажник, еще раз признательно улыбнулась длинному... Когда машина поехала, он, напрочь очарованный, помахал рукой.

Потом «жигуль» прытко катил по проспекту в крайнем ряду урчащего авто-косяка.

– Так, Санек, с тебя за успешный труд на вредном производстве, – безапелляционно заявила Наташка.

– С нашим удовольствием. – Саня вынул из кармана пачку денег, отобрал сторублевую банкноту.

– Что?! – возмущенно взвилась она. – Объявляю забастовку!

– Да ты глянь, какая красивая бумажка! С видом на Большой театр – все гоп-стоп! – возразил он.

– Вот и смотри сам на свой театр! – Она неожиданно приложила ладонь с сотней к его серым глазкам.

– Натаха! Дура! Убери!! Я ничо не вижу!!! – запищал Саня, безуспешно пытаясь отбросить тонкой дланью ее руку.

Наконец Наташка убрала руку сама. Саня еле успел увернуться от встречного «джипа».

– Фуф, морг проехали – облегченно выдохнул он.

– Разглядел или еще показать? – не унималась Наташка.

– Ну на, на! Шибзданутая! – Он выдал еще пять долларов.

– О! Джаз-квас! – схватила она купюру.

Затем Саня свернул с шумного проспекта на пустынную улочку, чтобы отойти от пережитого стресса. Когда машина проехала метров сто, глаза у молодежи остекленели от страха. Посередине мостовой, как скала, возвышался громила в кожаной куртке с черным пистолетом в огромной ручище. Жестом он приказывал остановиться. За его спиной у бордюра стоял темно-зеленый «форд» с непроницаемыми для любопытных глаз дымчатыми стеклами.

– Ну и денек – второй шанс заглянуть в крематорий, – пролепетал Саня, резко тормознув.

– Выходи! – Атлет дернул в сторону дулом оружия.

Наташка с Саней открыли дверцы.

– Ты сиди, – велел бандит девушке, парню протянул канистру и резиновую кишку. – Бензин. Быстро!

– Счас-счас, как раз полный бак, – протараторил Саня, откручивая дрожащей рукой крышку.

Громила сунул «пушку» в кобуру, спрятанную под курткой.

– Живей! – встал рядом с суеющимся парнишкой.

– Момент, сей секунд... – Тот с таким усердием потянул в себя воздух из трубки, что в рот попал бензин. Саня, скривившись, расплевался, закашлялся.

– Ничего, не сдохнешь, – утешил атлет. – Только не кури, а то загорись, – хрипло хохотнул.

Однако бандит, увлекшись контролем за переливкой топлива, проморгал внезапный Наташкин маневр. Она зажала в зубах ремешок с надписью «Симона», тихонько выскользнула из машины и юркнула на четвереньках в темную подворотню. Во дворе один дом был нежилым: без стекол, без дверей. Наташка забежала в него и выпрыгнула из окна на тротуар другой улицы.

– Хватит. Залей в мою и свободен, – отдал последнее распоряжение громила.

– Ага, эт мы в миг. – Саня с канистрой бросился к «форду».

И тут бандит обнаружил пропажу. Он огляделся вокруг, подскочил к Сане.

– А где баба, мальй? – рявкнул громила.

– Кто баба? Какая? – затрясся тот, разливая бензин по чистому боку иномарки.

– Твоя.

– Натаха?.. Не знаю... Сидела же в машине...

Разъяренный атлет швырнул канистру в багажник, влез в сумрачный салон, и «форд» рванул вперед.

4.

Синей «Окой» управлял мужик с увядшей внешностью. Увидев на дороге голосующую Наташку, он остановил надсадно тарахтящий транспорт.

– Ой, ради Бога, простите-извините! – Открыв дверцу, Наташка обрушила на мужика поток умоляющих слов. – У меня большая просьба, только не откажите, пожалуйста! Надо проехать за одной машиной. За мужем, понимаете. Надо мне посмотреть, куда он поедет: на работу или к любовнице. Все здесь недалеко, а получите вот – баксами!

Водитель не ожидал такой мольбы от эффектной девушки и заикнулся: – Н-н-ну, с-са-садитесь.

– Большое спасибо! Просто огромное! Ну, камень с плеча! – Наташка распалась в благодарностях, занимая пассажирское место.

Как раз мимо прошелестел темно-зеленый «Форд-Скорпио».

– Давайте! За ним! – воскликнула Наташка.

– Уг-г-г-гонимся ли? – Заика вдавил педаль газа.

– Да тут не разго-гонишься, – заикнулась за компанию и Наташка.

Погоня длилась недолго. «Форд» плавно свернул с улицы в подобие двора, образованного между двумя параллельно стоящими многоэтажками.

– Все-все! Стойте! – скомандовала Наташка заике. – Подождите тут. Я только посмотрю, куда он пойдет.

Шофер остановил малолитражку.

– П-пожалуйста, т-только не-не-не...

– Конечно-конечно! Одна нога там, другая – сям! – горячо заверила его Наташка и забежала вслед за иномаркой во двор.

«Форд» уже стоял возле подъезда. Неся по дипломату в руке, громила и мелкий чернявый ферт вошли в него неспешной важной походкой. Наташка шмыгнула следом. В подъезде она замерла, внимательно слушая гул поднимающегося лифта.

– Раз, два, три, – мерно отсчитывала она.

После «восьми» гудение оборвалось, вжикнули створки.

– Восьмой – притворился колбасой, – довольно отметила Наташка и выскочила во двор.

На улицу она вышла позади автомобильчика «ока». Сморщенный от тоски заика нетерпеливо поглядывал на часы, хлопал ладонью по баранке.

– Совсем грудной! – умилилась Наташка и спряталась в телефонной будке. – Привет, Ларик! – возбужденно закричала она в трубку. – Ой, спасибо, что ты дома! У меня жизнь всямятку – срочно надо анкеток твоих... Да мой милочек тут повадился к одной. Хочу познакомиться. В лоб некрасиво, может, это он по делу какому? А так зайду, вроде как соцобследование провожу... Ну, да-да! Конечно, исследование. Не ошибусь – не пукай!

Через два часа Наташка вышла из лифта и осмотрелась. На лестничную площадку с блеклой цифрой «восемь» на стене выходили четыре двери. Три из них ничем особенным не отличались, а вот четвертая была как следует укреплена: бордовый кожзаменитель окантовывал дюралевый уголок, косяк тоже блестел металлом.

Наташка без сомнений шагнула к ней, немного постояла, выравнивая дыхание, выдвинула левую руку со стопкой анкет, пальцы правой скрестила на счастье и позвонила.

После внушительной паузы лязгнули три замочка, дверь открыл смазливый сорокалетний ферт, что катался с громилой в «форде»: малиной махровый халат, прямой римский нос, стильная прическа.

– Здравствуйте. Центр изучения общественного мнения ассоциации «Международная наука» проводит соц... обследование о роли средств массовой информации. Будьте добры, заполните анкетку. Она абсолютно анонимная, можно поставить любое имя, – выпалила Наташка заготовленную с Лариком речь.

– Гут, если анонимная, я согласен. – Ощупывая девчонку подвижными глазками, улыбнулся ферт. – Но имя будет настоящее – Жорж. Проходите, пожалуйста. А вас как зовут?

– Оксана.

– Милости прошу, Оксаночка, сюда. Я сейчас. Только выпровожу родственника – зашел раз в год денегат стрельнуть. – Жорж провел гостью в комнату, сам вышел.

Оставшись в одиночестве, Наташка покрутила головой. Ее окружали: добротная финская мебель, сочно-цветные фотообои, музейные хрусталь и фарфор за стеклом. В углу на целом штабеле никелированной аппаратуры покоилась главная достопримечательность – широкоэкранный японский телевизор с видиком.

«Обычно эти штуки сквозные», – подумала Наташка и, выдернув штекер из розетки, прижалась к ней ухом.

- Ну что, Эйнштейн, посчитал? – услышала она насмешливый голос Жоржа.

- Да, все верно – двенадцать миллионов триста тысяч, – ответил вкрадчивый баритон, и щелкнули замки кейса.

- Про тайник никто не знает?
- Никто. Мастера Арнольд привозил в чемодане.
- Тогда привет Аллочке, меня цыпуля ждет.
- Кстати, дочурка моя опять свихнулась – вообразила себя актрисой и таскается в какое-то Дэ-Ка строителей аж в Лианозово, представляешь?
- Ну и гут: радуйся, что не на панель.
- Да, я сегодня лечу в Сочи со своей.
- С Жанкой, что ли?
- С женой, кобелина!

Послышались шаги, скрипнула половица... Наташка быстро воткнула штекер назад в розетку, отошла от нее подальше и сосредоточенно уставилась на плакат с обнаженной гейшей.

- Вот и я. – С бутылкой и двумя фужерами вошел хозяин, включил тихую музыку. – Для начала выпьем на «ты». Не возражаете, Оксана? – Он разлил янтарное вино по бокалам.

- Вообще-то я не пью. – Наташка присела на край кресла, скромно потупила взор. – Разве что каплю за знакомство. – Она кивнула и выпила весь бокал.

- О! Споемся! – Он восхитился поступком, поспешил подлить.

- Обязательно. – Она одарила его сладчайшей улыбкой. – Ну а как же на счет анкеты?

- О! Ксаночка! Да что анкеты? извини за прямоту, но я не прочь на тебе жениться. Лямур с первого взгляда, вандестен? Так что вот – владей! – Он картинно отвел в сторону холеную руку, как патриций на Форуме. – Остальное тоже есть.

- Да? Ну, камень с плеча. Жениться начинать прямо щас? – Она бросила на благодетеля ироничный взгляд.

Жорж неожиданно схватился за живот, захрипел и рухнул на диван.

- Убила одним глазом, – сообщил он и расхохотался. – А жениться будем сейчас, – досмеиваясь, сел. – Фырштейн? Посуди сама, Ксан, ну не могу же я идти в ЗАГС с кошкой в мешке?

- Почему? – Наташка отошла от говоруна и незаметно похитила с полки ножницы. – Я в газете читала, один на козе женился. Правда, потом его посадили.

- Ой, Ксан, ну мы же друг другу симпатичны! Зачем тратить время на пустые песни?

- Да, Жора, хватит. – Она оборвала излишества. – Извини, но мне пора.

- Пожалуйста, – ухмыльнулся он. – Сразу после «клубнички», фырштейн?

- Лихо! – Она изумленно качнула головой.

- А чего теряться? Физически я сильнее, прыгать в окно – высоко-вато, кричать – пожалуйста. – Он на мгновение увеличил громкость магни-

тофона: шум был такой, как будто в комнате пролетел самолет. – К музыке мои соседи привыкли, ну, будь пайнкой, жютема... – Сверкнув обаятельной улыбкой, он стал медленно приближаться.

– Тормози, или я не отвечаю... – Она, коварно сощурившись, еще отступила от столика с выпивкой.

– Мы будем пара – люкс! – проворковал он в трансе, гипнотизируя взглядом жертву, хищно растопыривая пальцы...

– Хрюкс! – брякнула она с презрением и толкнула от стены секцию мебельной стенки. Полированная махина с книгами грохнулась на пол между собеседниками. От нее, как мячик, отскочила акустическая колонка, и стало тихо...

Жорж, злобно выпучив глаза, только клацал зубами.

– Авария на трассе, – сказала она издевательским тоном.

– Ах, ты... мошка! – Обретя дар речи, хозяин двинулся на гостью.

– Стоять, Жорик, стоять, – ласково пропела Наташка. Она заняла очень выгодную позицию в углу за «Панасоником». – А то тебе его и в Японии не починят, – сказала с иезуитским участием, положив ладони на бока телевизора.

Жорж так и замер с занесенной над порушенной мебелью ногой. – Ты что из дурдома сбежала?! – проголосил он, сжав кулаки. – Шуток не понимаешь?!

– Почему ж? Без шутки ни минутки! – ответила она и сбросила с подоконника горшок с замысловатой икебаной.

– Я к тебе хоть притронулся?! – взвизгнул он.

– Я пока тоже самое. – Она достала из сумки ножницы и красноречиво пощелкала ими у носа.

В прихожей настойчиво зазвенел звонок, слышались частые удары в дверь.

– Те стучат, – прокомментировала Наташка.

– Сумасшедшая! – В бессильной злобе заклеил ее Жорж и вышел в коридор. – Иду-иду. Кто там? – недовольно спросил.

– Открывай, а то помогу! – потребовал из-за двери голос недюжинной силы.

Жорж прорычал что-то нечленораздельное, открыл и увидел перед собой разъяренную женщину шифоньерной толщины: штапельное платье, казалось, лопнет при малейшем движении, а плечи и перманентные кудри были почему-то припорошены штукатуркой.

– Здравствуйте, Клавдия Семеновна. – Жорж вымучил на лице улыбку и так загородил телом проем, чтобы было не войти, не выйти и не заглянуть в квартиру.

– Что это такое? – Толстуха без церемоний сунула ему под нос ладонь, испачканную в известке.

– Вот это белое?

– Да! Вот это!!! – взорвалась Клавдия Семеновна, – Мало того, что я терплю твою ослиную музыку, так ты землетрясения мне стал устраивать! Совсем сел на шею и ноги свесил!!!

– Извините. Понимаете, двигал стенку, а она упала, – мямлил Жорж, деликатно снимал штукатурные хлопья с богатырских плеч... и вдруг прыгнул на толстуху, повис на выступе бюста, ухватившись руками за шею...

– А-а-а!!! – грянул нечеловеческий крик Клавдии Семеновны. Она с перепугу потеряла равновесие, и вся акробатическая пирамида приземлилась на ее роскошную филейную часть.

– Убью! Прикончу как собаку! – вскочил на ноги Жорж и рванулся за Наташкой, мелькнувшей в лестничном колодце.

– Убивают!!! – вцепившись в его запястье, орала Клавдия Семеновна. – Милиция! А-а-а!!!

– Да,пусти! Кому ты нужна, кадушка драная! – вырывался Жорж. – Толкнули меня, понятно?

Тут напротив борющихся соседей открылась дверь, на площадку вышла строгая старушка с молотком для отбивки мяса.

– Сейчас жепусти Клаву, подонок! – замахнулась она на Жоржа кулинарной принадлежностью.

– Да это же она меня держит! Не видите, что ли?! – завопил тот.

– Напал, напал на меня! Милицию! – хрипела Клавдия Семеновна. – Держи, Никитична, а то уйдет...

– Маньяк! – Никитична все же переложила молоток из правой руки в левую и залепила Жоржу хороший подзатыльник.

С несостоявшегося насильника от удара свалился парик, под ним скрывался голый череп с клочками жидких волос над ушами.

– А! Лысый! – хором поразились женщины.

Наташка тем временем пролетела последний лестничный марш и, чуть не сбив в дверях девочку с портфелем, выбежала во двор. Здесь, воровато озираясь, перешла на скорый шаг.

5.

Парковая скамейка стояла между двумя пышными кустами. Сиреневые грозди торчали из верхушек лиственных куп. Визу цветы давно пообрывали и раздарили дамам.

Взъерошенная после стремительного побега Наташка сидела на спинке скамейки, опустив ноги на заслуженное сидение. Она неумело курила и гневно ругалась про себя: «Хоть «шпалер» доставай, на фиг! Говнюк! Все настроение испортил... Прыщ болотный, а все туда же: «клубничку» ему подавай!.. Но все, все, хватит нервы дергать... Теперь зато я знаю про тайник и дочку Аллу. Предки уезжают, она остается одна... Джаз-квас! Тогда я к ней подъезжаю и нахожу те пиастры, а?.. Найду – не найду,

а попробовать стоит. Значит, дуй Наташка в Лианозово, ищи Дэ-Ка и вступай в кружок. Заодно проверю свои актерские способности. Хотя чо их проверять?..»

– Тьфу, гадость! – отшвырнула она окурок и, не мигая, уставилась на кирпич, одиноко лежавший в зеленой травке.

– Вот же что надо... Джаз в глаз! – Она спрыгнула со скамейки и бухнулась на колени перед красным брусом обожженной глины. – Три кило удачи – не меньше, – взвесила она кирпич на ладони и, обернув целлофановым пакетом, сунула его в сумку с надписью «Симона» на кожаном боку.

6.

На солнечном проспекте мира черная «волга» обгоняла грузовых тихоходов. Машину вел крепкий маслястый дядя. Наташка сидела рядом на переднем сиденье.

– Попутчика берем? – задал риторический вопрос шофер и подрулил к тротуару. Там возле коробочного бастиона тянул руку толстячок в сером костюме.

– На Рижский не подбросите? – спросил он.

– Подбрасывать не буду, а подвезти могу. Давай, мы сегодня добрые, – разрешил посадку шофер. Пока он выбирался из машины, бойкий толстячок пошвырял свои коробки на заднее сидение.

– Стоп! – скомандовал шофер. – Иди-ка сюда, – открыл багажник.

– Пожалуйста, побыстрей! Я на поезд опаздываю! – подскочил к нему коробочник.

– Так лезь побыстрей, и все дела! – Шофер грубо схватил его за шкирку и окунул в багажник.

– Что вы позволяете?! Пусти! Милиция!!! – брыкаясь, запищал толстячек.

– А, не нравится? А что ж ты мне грязи насовал, куда шеф чистым костюмом садится! – гаркнул шофер, вынимая его назад. – Багажник вот на что приделан?!

– Ух, дал бы, если б не опаздывал! – боевито дернулся толстяк.

– Давай, браток! С тебя пять баксов, – нагло заявил шофер.

– Хорошо-хорошо. Потом! – Коробочник забегал, перенося картонки в багажник.

Шофер от безделья заглянул в салон, затем в недоумении обшарил глазами улицу: Наташки нигде не было видно. Многочисленные народные массы, подуставшие после рабочего дня, плотно двигались к станции метро «Щербаковская». Затеряться среди них было дело трех секунд.

– Вот еще новости, – буркнул водитель, раздражаясь. – Слышь, ты девчонку не видал? – окликнул он пассажира.

– Девчонку? И, правда, нету, – покрутился толстячок.

– Неужели смылась пацанка? – потрясенно спросил шофер сам себя.
– На тридцать баксов покаталась! – нажал он на клаксон.

– Ага! Теперь все. Видно, девка с мотором! – Толстячок осклабился, радуясь, что досталось «на орехи» обидчику. – Раз, два, три, четыре, – стал он считать картонки и: – Ах! – схватился за голову. Коробка! – тонко вскрикнул. – Она коробку мою украла!.. И как на зло ни милиции! Ни черта! – заметался он в растерянности по тротуару.

– И тебя облапошила. Ну дала пацанка! – заржал шофер.

– Командир, может, поедем тут – поищем? – попросил толстячок.

– Где поедем? В метро? Ты что, тогось? – Водитель покрутил пальцем у виска.

– А! Черт с ней! – махнул толстячок ручкой, и оба пострадавших синхронно сели в машину.

–

Через сорок минут Наташка с коробкой под мышкой вошла в детскую библиотеку на улице Северной. За столом среди стеллажей с книгами она увидела обеих своих подруг: и худую Веру, и более рельефную Катю.

– Вау! Все пакемоны в сборе! – весело воскликнула Наташка и опустила картонку на столешницу, чуть не задев ею носы нахохленных товаров.

– Тише! Ты не на базаре! – шикнула на нее Вера.

– Наташа, как ты могла без меня уехать? – с обидой в голосе сказала Катя.

– Спокуха на барже! – Наташка вытянула вперед ладошку и задорно объявила: – Слабонервные, зажмуряйся! Начинаем фокус-покус! – Она раскрыла коробку, и потрясенные подруги издали бурные вздохи и междометия. Картонка до верху была заполнена черными косметическими наборами с золотыми словами «Кристиан Диор».

– Наташ, я не верю глазам! – Вера с большим пиететом взяла одну пластмассовую драгоценность и отщелкнула крышку с зеркалом. В наборе было много разноцветных теней, душистая колонковая кисточка и три карандаша: кармин, индиго и электрик.

– Натуль, где ты это отолвала? – Катя тоже осторожно раскрыла второй набор.

– Так, леди и миледи! – трезво обратилась Наташка к очарованным до опьянения девушкам. – Берите по одной штуке, себе беру две, остальное продадим. На этом убегаю – у меня еще одно дельце подгорает. – Она бросила в «Симону» двух «Диоров» и побежала к выходу.

– Наташ, ты во сколько будешь? – крикнула вслед Вера.

– Буду-буду! – откликнулась, не оборачиваясь, девчонка и выскочила на предвечернюю улицу.

7.

Кто в трико, кто в джинсах и майках, бежали по сцене парни и девчонки. Бежали по кругу, наступая друг другу на пятки.

– Раз, два, три, четыре. Шире круг! – Стоя в центре, руководил забегом сутулый бородач в клетчатой рубашке и обвислых штанах.

Наташка следовала за волоокой девицей в голубом «адидасовском» костюме. Тяжелые вьющиеся волосы, стянутые в хвост, развевались над ней, как огонь над факелом.

– Живей, Алла, живей! – крикнул ей бородач. – Движения в разные стороны. – Он зашлепал одной ладонью по голове, второй стал вращать на животе. – В другую сторону. Еще быстрее!

Ребята старались, но все равно сбивались, покатывались со смеху.

– В две шеренги! – разорвал бородач кольцо бегущих. – Вы – кошки, вы – собаки. Разговаривайте!

Лай, мяуканье, вой и хохот разнеслись по сцене и залу.

– Поп-гол! – захлопал в ладоши бородач. – Крис Ри, «Дорога в ад». Три, четыре!

Он стал дирижировать, а студийцы – изображать игру на музыкальных инструментах, имитировать голосами их партии.

– Стоп! Аплодисменты новенькой! – Бородач захлопал, его поддержали остальные. Наташка присела в книксене.

– Наташ, ем муху за один поцелуй! – неожиданно выкрикнул красивый мальчик, вскинув вверх кулак.

– Давай. Только ноги ей сначала помой, и пусть анализы сдаст, – мгновенно ответила Наташка.

– Ха-ха-ха! – грохнула вся студия. – Получил, Генчик!

– Перекур! – объявил бородач и подошел к Наташке. – Для первого раза просто гениально, – преподнес он конфету. – Так держать!

– Спасибо, – поблагодарила она.

–

В звездном небе горели неоновые слова: «Дворец культуры строителей». В темных окнах здания отражались огни фонарей.

Наташка и пышноволосая Алла шагали по бетонной дорожке к автобусной остановке. Алла шла с независимым видом, давая понять попутчице, что пора бы и расстаться.

– Ал, постой-ка. – Наташка протянула ей набор от Диора. – Дарю. Я сегодня купила для одной своей медхен, а она укатила в Бельгию.

Алла целую минуту разглядывала чудесное содержимое пластмассовой коробочки. Подарок был кстати – ее тени закончились накануне.

– Ой, Наташа, удобно ли? – наконец усомнилась она. – Он же стоит долларов 50, да?

– Бери-бери. Для меня это все так – пыль на ветру. Мои ж предки – дипломаты, в Англию смылись на драй лет.

– Да? – Алла посмотрела с заинтересованностью. – А мои на юг... смылись. Позагорать.

– Серьезно?! – обрадовалась Наташка. – Так слушай, Ал! – вперила она осененные глаза в телячьи очи коллеги по искусству. – Раз такое дело, давай жить вместе! Немного у меня, немного у тебя – все веселей будет! Квартира у меня четырехкомнатная – выберешь любую.

– Нет, Наташ, извини, но с этим ничего не получится. – Алла вздохнула, испытывая неловкость оттого, что вынуждена отказать. – Мои приводить в дом подруг не разрешают, и сама жить у тебя я не смогу – они звонят с утра до вечера.

– Да? Ну, раз так, что ж поделаешь. – Наташка, погрузнев, замолчала.

И тут из темноты им навстречу вышли двое рослых накаченных парней: один – длинноволосый, второй – с полным ртом оскаленных золотых зубов.

– Смотри, Мак, мартышки какие! Берем, да? – глумливо ощерясь, сказал дружку фиксатый.

– Ага. На проверку интеллекта, – тряхнул челкой волосатик.

– Мак – «за». Значит, людмилки, гуляем вон до той машинки. – Фиксатый показал пальцем на белый «мерседес», стоявший невдалеке на мостовой.

– Ой, чего они? – плаксиво промямлила Алла и с расширенными от страха глазами прижалась к Наташке.

– Эй, зубастый, а фиксы у тебя на каком цементе? Не тот, что зубы вылетают, а цемент стоит, а?! – выдала та задиристым говорком.

– Ха, Дуся, как она тебя! – хохотнул Мак.

– Ах, грубить! – Фиксатый, посмурнев, раздвинул по-борцовски ручищи... и: – У-у! – дико заревел и перегнулся пополам, получив «Симонной» чуть ниже живота.

Сразу за ним, мыча от боли, сложился волосатик – Наташка заехала сумкой с кирпичом и ему.

– Бежим! – потянула она за собой очумело-столбнячную Аллу. Они за пять секунд добежали до остановки и вскочили в отъезжавший «Икарус». В нем, часто дыша, повалились на сиденья.

– Ой, какой ужас! – Алла утомленно прикрыла глаза.

– Не говори, сплошной мрак! – охотно подхватила тему Наташка, – Одной низя на улицу выйти. Это я с тобой так взвинтилась, а была б одна... Страшно подумать!

– Ладно, Наташ, пишу. – Алла достала из своей сумочки записную книжку и записала адрес. – Я решила все-таки попробовать... ну, вместе...- Она дружелюбно улыбнулась и вырвала листок.

– Конечно, вдвоем гораздо лучше! – Наташка мигом спрятала листок в кармане куртки.

– Только поскорей приходи, ладно? – Алла доверчиво примостила голову на плече новой подружки.

– Так я завтра и нарисуюсь! – радостно воскликнула Наташка и погладила лежавшую на коленях «Симону».

8.

Окна обычной московской многоэтажки весело светились в вечерней темени. Комната за одним из них была довольно своеобразной. Обстановка: шкаф, диван, фортепьяно, стул. В углу стоял пластмассовый скелет в накинута на плечи драной кожанке. Стены были плотно облеплены журнальными иллюстрациями: голые девицы, репродукции с картин, кинозвезды, реклама машин, сигарет, алкоголя, курортов и еще Бог знает чего.

На крышке пианино стояли стакан и ополовиненная бутылка «РВ». Хозяин, небритый худой малый по кличке Смычок, вошел, неся в руках две тарелки: в одной – огурцы и капуста, в другой – дымящаяся жареная картошка.

– Заходите к нам на огонек, пела скрипка ласково и так нежно. Я от слез насквозь уже промок. Налей, сынок, а то хоть в морг! – прогорланил он с большим чувством, ставя тарелки рядом с бутылкой, садясь на стул и выливая всю водку в стакан.

– Ну! Японский тост: банзай! – Смычек выпил, хлюпнул носом, откусил от огурца. – Эх, люблю я праздник живота – поет в нем каждая кишка! – воодушевлено воскликнул он и с размаха вонзил ложку в картофельную горку.

В прихожей настойчиво залился звонок.

– Машка! Мать не видать! – Радостный Смычок бросился открывать. – Заходите к нам на огонек... – Он осекся, распахнув дверь.

На площадке была навалена высокая куча самых разных вещей, ей сопутствовали два Смычковских дружка – Фонарь и Лосось.

– Привет, писняр, – с издевкой в голосе поздоровался здоровяк Лосось.

– Смычок, сразу не мороси, ща все объясняю, – предупредил короткостриженный Фонарь и прошел в квартиру, держа под мышкой пианолу синтезатора. – Лосось, заноси! Припух там, что ль? – крикнул он напарнику.

– Шоль! Ты, Фонарь, в натуре, прям Геракла нашел. – Ворча, он понес в дом связки книг, полки, сумки, магнитофон, телевизор «Сони».

В комнате Фонарь сидел за фортепьяно, ел картошку и объяснял стоящему перед ним с огурцом Смычку: – Короче, ты у нас один подходящий: в музыкалке учился, лабаешь, как этот, тьфу, мусорский – вот и будешь композитором.

– Ты чо, Фонарь, мал-с ку-ку? – удивился Смычок.

– Ты мне не кукурукай! – Фонарь треснул ложкой по тарелке. – Повторяю, нужна наводка, ты смазливый, прикалываешь в кабаке телку, мол композитор, она клюет, колется про кучерявых корешей, мы чистим их хаты, пол?

– Пирдон почаще пой, шо культурный будто, – вставил Лосось,

– Да. И баб на стенке позаклей – вон плакаты с филармонии. И воще не пужайся – снимать контингент мы бум помогать, ну а в койке сам буш трудиться – чай не у станка.

– Не тухло ты устроился, Смычок. Я б поменялся даже с тобой, – опять встрял Лосось.

– А с контингентом поменяться не хочешь? – с графским достоинством спросил Смычок.

– Ну, пала, удавлю! – Сжав кулачищи, здоровяк пошел в наступление на обидчика.

– Ага, если в хирургию запчасти завезли, – спокойно сказал Смычок, взяв гантелю с подоконника.

– Все, Лосось, брэк. Миру – мир! – поднялся со стула Фонарь, чтобы предотвратить сражение.

Однако, проорав: «Атас!», Смычок все же бросил черный «снаряд». Гантеля угодила точно в лоб зажмурившемуся верзиле и отскочила в инстинктивно подставленные руки Фонаря.

– Ну во, мозги б были, сотрясение схлопотал бы, – засмеялся тот швырнул бутафорскую гантелю в Смычка. Он отбил ее, как мяч, головой.

– Пенопласт крашенный, пол? – Разъяснил Смычок суть явления застывшему в недоумении Лососю.

– Ха–га–га! – вдруг громоподобно заржал здоровяк, поднял муляж, постукал им себе по макушке. – Во мочалку свою пугану, – сказал, засовывая игрушку за пазуху.

– Да, держи. – Фонарь бросил еще Смычку ключи с брелком. – Буш на тачке моей трюхать для весу.

Смычок поймал подарок.

– А мани на бензин?

– Ща назад заберу.

– Тоды ой.

9.

Громадины небоскребов отражались в боках еще больших громадин. Наташка с Олегом ехали по авеню в суперроскошном серебристом «Кадиллаке – Эвок». Она – за рулем, он – рядом. Автомобильная армада становилась на светофоре. С Наташкиной стороны оказался монстр – внедорожник «Лэндровер». И вдруг она увидела, что у соседней машины опускаются стекла, а прямо в нее целятся из автоматов гнусные субъекты.

– Ложись! – крикнула она и для верности повалила Олега на пол салона, ухватив за бычью шею. В то же мгновение раздались трескучие очереди, и молодых людей щедро обсыпало стеклянной крошкой.

– Дай капсулу с шифром от сейфа! Я ее проглочу! – проорал в Наташкино ухо Олег.

– Ты проглотить, а потом мне отмывать твоё дерьмо, да? – возмутилась она. – Вываливай лучше из этого гроба!

Они выползли на карачках из «Кадиллака», он через секунду взорвался и окутался жарким пламенем.

Но леди и джентльмен уже забежали за угол высотного дома.

– Ну, глотай сама! – продолжил Олег начатую перепалку.

– Не, я не могу – у меня горло узкое, – опять не согласилась Наташка и забросила капсулу ему в рот. – Уж лучше ты. Ты жрешь, как слон. Небось, не подавишься.

Он сделал резкое глотательное движение и скомандовал:

– Давай наверх! Уйдем по крышам.

И они поскакали по зигзагообразной пожарной лестнице. Снизу снова грянула стрельба, но пули отскакивали от железных ступеней.

Порядком запыхавшись, усталые беглецы шагнули на плоскую крышу и остановились в глубоком разочаровании. Здесь их поджидали главные враги: мелкий ферт Жорж и громила Арнольд с огромным пулеметом в бугристых лапах.

– А вот и наши новые Бонни и Клайд! Хенде хох, дружищи! – мерзко хихикнул Жорж. – Двигаться больше не советую – от этой пушки в ваших молодых телах появятся большие дырки.

Затем в ручках щегольски одетого гангстера появилась удочка с металлическим приборчиком на леске вместо крючка.

– Дорогие коллеги по бизнесу, позвольте продемонстрировать новинку – это искатель интересных предметов, – продолжил Жорж издевательскую речь. – А снасть нужна для того, чтобы вы не смогли мной загордиться, как живым шитом. Мы тоже гранд профи! – Он поднес прибор к торсу Олега, раздался громкий зуммер. – Ясно – капсула с шифром от сейфа в животе, она-то мне и нужна. Думаю, прибор особенно высоко оценит леди. Как видите, обыск перестал быть грубым щупаньем, впрочем, вы так интересно устроены, что пощупать вас все-таки придется чуть попозже. Арнольд, ты же не откажешься? Хи-хи-хи!

– Спасибо за отсрочку, – с презрением сказала Наташка и неожиданно дернула на себя удило.

Жорж не успел сразу разжать кулачки, прыгнул вперед и вцепился в пулемет Арнольда, чтобы не сорваться с крыши.

– Бежим! – Наташка с Олегом помчались быстрее рекорсменов – спринтеров и полетели через пропасть на соседнюю крышу...

Наташка от страха крепко зажмурилась и открыла испуганные глаза. Рядом с ее раскладушкой стояла Вера, одетая уже по-походному, и, естественно, в красочном французском макияже.

– О, проснулась. Мне пора на работу, – зачастила подруга. – Пельмени еще теплые. Сто баксов в соннике – я вчера спихнула три набора.

– Верк, ты чудо! – Наташка обрадовалась, что жива, и, раскинув руки, вальяжно потянулась.

– Чудо – это ты, – не разделила ее веселья Вера, вставляя ноги в туфли – лодочки. – Учти, сядешь, я передачи носить не буду.

– Ой, вот только не надо меланхолизироваться! – Наташка резко встала и пошла в ванную. – Я тоже спешу, днем позвоню.

Возле двери Вера ее перехватила и обняла.

– Прости, но я переживаю...

– Верк, пока все джаз! – Наташка приподнялась на цыпочки и чмокнула подружку в щеку.

10.

Солнце уже стояло где-то ближе к середине небосклона, когда Наташка ехала в набитом пассажирами «Икарусе».

– Пробейте, пожалуйста... И вот еще, – передали ей талоны.

– Кому еще компостирнуть? – задорно спросила девчонка. – Давайте скорей, а то я щас выхожу! Кстати, вы выходите? – обратилась она к парню – очкарику, читавшему журнал.

– Схожу, – ответил тот.

– Сходят только с ума, а с транспорта вытряхаются! – ввернула ему Наташка и, ловко обойдя сбоку, выскочила перед читателем из автобуса.

–

Потом она шла по Большой Черкизовской и думала, то немного морща лоб, то слегка улыбаясь: «А Верка-то в общем права – надо бросать эти штучки-дрючки... И надо вернуться к Олежке. Ох, как я по нему соскучилась!.. Как ты там, моя радость? Все зубришь или другую завел?.. Мда, если выйдет фокус с этим тайником, сразу смоемся с ним в какие-нибудь Штаты... Или в Париж!»

Настроение у Наташки улучшилось и она стала еле слышно петь:

– На круиз мужик скопил:

мол, хорош на катере.

А корабль вдруг поплыл

вниз по курсу якоря.

Конкуренентов всех уел

гангстер Дон Витторио,

Но подумать лишь успел:

жарко в крематории.

Здесь Наташка остановилась возле добротной жилой башни, держа перед собой листок с адресом. Здание было окружено «Хондами», «Мерседесами», «БМВ», «Ауди»... Глянув на номер дома, она бросила листок в сумку, восторженно качнула головой: «О-хо-хо!» – и стремительно направилась к входу.

– Гудбай, Америка, тра-ля-ля... – Радостное пение оборвалось у черной железной двери. Наташка подергала за ручку запертую дверь, потыкала пальцем в кнопки на панельке.

– Ч-черт! – закусил она губу, соображая, что делать дальше.

– Угу. – Она ткнула ногтем в кнопки с двойкой и восьмеркой.

– Кто? – спросил домофон.

– Вам телеграмма.

– Проходите.

– Раздалось механическое жужжание, дверь в неприступную крепость легко открылась.

– Я – комета во вселенной! Я – принцесса автостопа! – Дергая плечами в такт песни, Наташка потанцевала вверх по ступенькам.

Указательный палец, скрещенный со средним, нажал на кнопку. В квартире №28 зачирикал электронный звонок. Дверь распахнулась. Перед Наташкой предстала долговязая дамочка с плоской грудью под шелковым халатом. Толстые стекла очков не дали выпрыгнуть глазам на лоб от подозрительности к визитерше.

Наташку поразил столбняк. Она стояла с открытым ртом и удивленно таранилась на далеко не ангельский лик плоской дамочки.

– Вам кого? – потеряв терпение, враждебно нахмурилась та.

Наташка мгновенно убрала взгляд.

– Это 28-я квартира? – полезла в сумку.

– Да.

– Вам телеграмма. Где же она?

– Кать, прими, пожалуйста, – донесся из недр квартиры слабый просящий голос Аллы.

– Дутки! – взвизгнула дамочка. – Принимай сама, заодно и встанешь. Да вы проходите, – любезно пригласила она Наташку в квартиру и вышла, хлопнув дверью.

Гостья остановилась посреди просторного коридора, извиваясь змеей, принялась разглядывать фрагменты комнат, видные через открытые двери: светлые панели, подвесные потолки, бра из бронзы, мебель, сделанную под старину, и кругом, где только можно, – фарфоровые и гипсовые фигурки собак...

– Извините, не могли бы вы пройти в спальню? Я немного больна, – снова раздался голос умирающей.

– Ну, если не заразно, – сказала Наташка, зажав нос пальцами, и пошла на звук.

– Абсолютно, – тихо сказала Алла.

В комнате с зашторенным окном горел свет. Больная лежала на белой итальянской кровати: пластмасса под резное дерево. Лежала лицом вниз, из-под пододеяльника высывались копна спутанных волос и обнаженная рука.

– Давайте распишусь, – соединились пальцы в щепоть.

– Расписка мне твоя до лампы. Я из бюро сожительства и буду тут с тобой жить, – мерзко прогундосила Наташка, увлеченно рассматривая армию флаконов на туалетном столике.

– Что?! – перекосилось вскинутое лицо больной.

– Двести! Принимай пополнение! – козырнула Наташка.

– О-о-ой, это ты... – Сонное чело опять воткнулось в подушку.

– Так точно!

– Сейчас встану. Ты пока осваивайся...

– Как скажешь, – с улыбкой до ушей проворковала Наташка, выключила свет и, сломя голову, помчалась в кухню. Там открыла холодильник, отправила в рот ложку черной икры, принялась изучать содержимое полок. – Вот это джаз!!! – Безмерно восторженное восклицание подвело итог ревизии. – А где же тут еще наш тайничок с миллионами? – Она осмотрелась, заглянула за картину – натюрморт. – А, успеется, – махнула рукой, снова набила рот икрой и запрыгала по кухне в диком танце.

–

В гостиной тоже чего только не было! Картины – копии шедевров великих живописцев, книги – золоченые раритеты, много хрусталя, стереосистема «Филипс», на экране телевизора последнего поколения шел бразильский сериал: Сан-Марино, Гонсала, Орнальдо и Тьяго чинно питались, восседая за длинным столом.

– Живут же в Бразилии! Но мы не хуже, – хохотнула Наташка и убавила звук. На ее запястье болталась гирлянда из браслетов, в прическе блестя пара антисолнечных очков. Взгляд был презрительным, вид – высокомерным.

Тут же, словно это происходит в Америке, появилась служанка в передничке – Алла прикатила столик с завтраком.

– Так, кофе, сок, икра, сыр... Думаю, хватит? – как бы извиняясь за скромность ассортимента, спросила хозяйка дома.

– Мерси, – небрежно кивнула Наташка.

Девчонки уселись в кресла. Наташка сразу перестала играть роль светской дамы, ударилась в еду, болтовню и пичканье визави бутербродами своего ловкого изготовления.

– Так, это тебе, это опять тебе... А эта, – она приставила к глазам стаканы, – что в перископы рентгента, она кто?

– Катя?

– Угу.

- Соседка. У нее телефон сломался, заходила позвонить. – Алла отвечала, растягивая слова, будто ворочать языком для нее нелегкий труд.
- А собаки – хобби?
- Да. Мои любят собак, но живые линяют и все такое...
- Понятно. Ой, слушай, прости идиотку! Я ж о главном пропустила. Болезнь-то у тебя какая? Может, за лекарствами сгонять?
- Какие лекарства?.. Я болею жизнью.
- Да ну?
- Да. Институт – тоска, студия – скука, любовь – секс и СПИД. Что ж здорового?
- Действительно... – Наташка призадумалась, закусил губу. – Так, Ал, все понятно. Случай тяжелый, но вместе справимся. Все! Приступаем к курсу! – выкрикнула она и, оскалив зубы, подхромала к больной этакой квазимодой.
- К какому курсу? – Алла даже сжалась от страха.
- К курсу лэчэния, – прошепелявила Ягой Наташка и запустила растопыренные пятерни в волосы полуобморочной подруги.

11.

По большому счету в мире существует два ярко выраженных женских шарма: французский и славянский. И здесь неважно, какая национальность у девушки, важно – какой из двух стилей жизни она проповедует, и какую в результате имеет фигуру, кожу, волосы, то есть что еще именно она сама привносит в облик, данный ей Богом.

Дамы, равняющиеся на француженок, изводят себя разными диетами, считают каждую проглоченную калорию и без конца мажутся тысячами кремов, чтобы добиться пергаментной прозрачности кожи. Они виляют узкими мальчишескими бедрами и прижимаются к своим мужчинам маленькими, но зато никогда не нуждающимися в силиконе грудками.

Из известных особ к ним можно отнести: Катрин Денев, Изабель Аджани, Джулию Робертс, Николь Кидман и всех подобных им.

А вот славянский тип – это как раз приближение к классической форме: 90-60-90. Это такое женское тело, какое возникает в природе естественным путем. Даме остается делать совсем немного, а верней, больше находиться в перманентном состоянии «дольче фарниенте», прекрасного ничего не делания. Так, славянская женщина не переедает, как индийская, не занимается спортом, как американка, и почти не пользуется косметикой. Она в меру курит, пьет и любит по-настоящему, а не занимается сексом для здоровья.

Славянский шарм, безусловно, был у Мишель Мерсье и Мерелин Монро. Сейчас им обладают Летиция Каста, Андриана Скленаарикова, Сандра Баллок, Деми Мур и другие.

Алла и Наташка были сложены как раз по-славянски. Ладные фигурки отличались только ростом – первая была на 5 см выше второй. Но, главное, они вполне могли заменить собой парочку девиц в группе «Блестящие» без малейшего ущерба для последней.

Обе в чалмах из махровых полотенец, они долго выбирали что одеть. Наташка уже была в короткой серой кожаной юбке. Алла, порывшись в шкафу-купе, бросила ей серебристую блузку на бретельках.

– Вот, примерь-ка. Она мне немного тесновата.

– Щас, момент! – Наташка мигом занырнула в топик. – Как по мне шито! – покрутилась перед двухметровым зеркалом.

– Ну и я одену что-нибудь в колер, – сказала Алла, и на пестрый ковер спланировали микро-юбка и прозрачный местами батник. – Теперь туфли. – Она выдвинула большой ящик на колесиках. В нем в четыре ряда стояла женская обувь. – Тебе нужны светлые.

– Главнее, чтобы с острой шпилькой, – внесла корректив Наташка.

– Почему?

– Э-э, в нашем деле что-нибудь острое никогда не помешает.

– Тогда вот эти. – Алла небрежно выкинула из ящика умопомрачительно сверкающие босоножки, словно снятые с Золушки.

– Джаз! – восхитилась Наташка, обулась и сразу «выросла» на 8 см.

– Себе я возьму с полукаблуком, чтобы мы были примерно одного роста.

На этом экипировка закончилась, и началась операция по внедрению в стан элиты «В звезды без терний».

Итак, после сини неба следовало мрачное пространство стен жилого массива. Других цветов в этом мире бетона и асфальта были только полоска газона, кроны деревьев и Наташка с Аллой.

Подружек теперь было не узнать. Бывшая брюнетка Наташка стала огненной шатенкой, волнистые волосы Аллы сильно поседели, но не полностью, а горизонтальными полосками. Да еще косметика, бусы, клипсы, браслеты, шпильки, колготки со змеистым узором... Словом, по улице, идущей под уклон, сбегали вниз два фейерверка

– По тибетской медицине человек должен делать только то, что ему хочется – тогда будешь здоровой, как бычиха! – убежденно тараторила Наташка. – Запихнули предки не в тот институт? Бросай и дуй куда нравится! У меня то ж такое было. В школе, сама знаешь, – кабачки-мальчики. Потом джаз-квас – свободна! Что делать? Обвал! Болезнь!.. Короче, пошла, как Горький, в народ. Покрутилась там-сям, ну и что по мне само прекрасно нашлось.

– И что это?

– Самое то! – Наташка шлепнула ладонью по «Симоне» и продолжила шпионским тоном: – Тебе, так и быть, дарю бесплатно. Короче, разуй мозги и скажи: что в жизни главней всего?

– Я думаю, много что...

– Чушь! В жизни главной всего интересно жить. А где интересней всего? В богеме! Значит, надо попасть. Но как? В общую дверь можно двести лет скребтись, а с черного хода – раз и там! Поняла?

– Не очень. По-твоему, я скребусь?

– Подожди устраивать парламент! Э, ты говорила, у этого, который театральным режиссер, сегодня банкет... Как его?

– У Новикова.

– Во! Мы тоже щас туда шасть, отловим этого Новикова, а потом слово за слово, и не заметишь, как мы будем в том театре без всяких студий, институтов и училищ! Или зря мы дети дипломатов? – Наташка подмигнула Алле. – И воще, я тя жить в два счета обучу. Специально ничего и делать не надо. Что-нибудь стоящее всегда само подвернется. Но тут уж не зевай! Бах! – возник Новиков – надо брать. – Она выбросила вперед руку перед «Ауди» цвета «металлик».

Машина остановилась. В ней магнитофон наяривал блатную песню, и улыбался в 32 зуба респектабельный верзила с тяжелой челюстью, бритым затылком и узким лбом.

– На Тверскую отвезете? – спросила Наташка у него.

– Вас хоть на Марс! – осклабился шофер, как шимпанзе, увидев банан.

– Спасибо. На Марс в другой раз, – кокетливо улыбнулась ему и Наташка. – Падай, – сказала она Алле, и девчонки устроились на заднем сидении.

За окном летели назад здания-монументы, панельные многоэтажки и площади с памятниками.

– Ну как, обдумала планчик? – шепнула Наташка Алле.

– Ой, не знаю. – Та зябко повела плечами, отвернулась к окну.

– Не знаешь? Ну и кисни в своем педе! – Наташка тоже отвернулась. Шофер бросил на них через зеркало похотливый взгляд.

– Что, принцессы, загрустили? – блеснул лошадиными зубами.

– Собаку у нас украли, – вздохнула Наташка. – Мы ее целый год искали-искали, сегодня нашли, а выкупить денег не хватает...

Алла зыркнула вопросительно на подругу, та сжала ей кисть.

– Так займите у меня! – обрадовался завязавшемуся разговору шофер.

– Нет, что вы! Нам много надо, – отказалась Наташка.

– Да сколько хотите! Между нами, если я зашуршу в кармане, то можно оглохнуть.

– Да мы умереть готовы, только бы достать эти тридцать тыщ! – Наташка горестно приложила ладонь к груди.

– Тридцать штук! – присвистнул шофер. – Что ж это за порода, такая дорогая?

– Да, понимаете, порода как раз обыкновенная. Просто она теперь дрессированная, на мотоцикле катается, ну и продается вместе с дрындулетом.

– Ах–ха–ха–ха! – рассмеялся с опозданием водитель. – Ну вы и Спинозы! Надо ж отчебучили – с дрындулетом! Раз вы такие веселые, приглашаю в ресторан! – Он сделал резкий грузинский жест правой рукой. – Обожаю веселых! И сам такой!

– А что, Оксан, может, сходим? – Наташка залихватски подмигнула Алле.

– Н-не знаю, – растерянно буркнула она.

– Соглашайтесь, Оксаночка, я и вам кавалера подберу, – пообещал шофер. – Какого бы вам хотелось, заказывайте!

– Ладно, вот вам телефон, спросите Жанну – это я. – Наташка почеркала в записной книжке, листок бросила на переднее сидение – И вон, к гастроному, пожалуйста.

– Это хоть куда! – Осчастливленный водитель остановил машину напротив входа в магазин. – Вы тоже имейте в виду – меня зовут Эрик.

– Вот возьмите. – Алла протянула ему через плечо сотню.

– Ну что вы. Оксана, я с друзей не беру, – обиделся шофер.

– Гудбайчик, Эрик! – Наташка выхватила купюру.

Подружки вышли из «Ауди», направились к гастроному.

– Завтра звякну! – крикнул вслед Эрик.

Наташка одарила его прощальной улыбкой и отсалютовала ручкой. В магазине обманщицы встали за витриной, подождали, пока уедет подальше новый «друг», и снова пошли по улице.

– Ну и зачем было врать атому Эрику? – хмурясь, сказала Алла.

– Чтобы не платить! – весело парировала наскок Наташка. – Это ж разминка, понятно? Перед Новиковым.

– Тебе разминка, а человек будет надеяться, звонить...

– Ты, Ал, прости, – усмехнулась Наташка, – но ты дремучая, как с пальмы слезла. Нашла, кого жалеть! Да этот Эрик – типичный кот и рукосуй. Ну что ему наши гроши? Ему нас живьем с шампанским подавай! Так что закрыли конференцию, пора на съезд театра и кино... Вот и строечка как раз на пути. – Она свернула за дощатый забор.

– А на стройку-то зачем? – Алла застыла на месте в полном недоумении.

– Да мне экстрасенс один прописал кирпич с собой таскать. – Наташка, обернув газеткой, положила стройматериал в сумку. – Он мне ауру

выпрямляет. Это, знаешь, кому что подходит: кому дерево, кому медь там, железо...

– Серьезно? – все не верила Алла.

– Клянусь чем хочешь! – стукнула в грудь Наташка. – Я сама сначала не верила, а попробовала, и точно – так с ним как-то спокойно... Особенно ближе к вечеру.

12.

В ресторане грохотало, как в бочке, катящейся под откос. Хмельные посетители отплясывали у эстрады с ансамблем. За столами оставались малочисленные гурманы и выпивохи. Наташка с Аллой относились к последним – глазели по сторонам, потягивая коктейль из соломинок.

Лабухи на сцене сменили пластинку. Группа затрынкала мелодичное вступление, рыжая солистка в огненно-красных топе и мини-юбке запела знойный хит «Ла риведери»:

– Все сидящие на месте
крестятся от рэпа грома.

Хорошо им в мягком кресле,
мне в болтаночке вагона.

В пьяной качке корабельной,
в мелкой тряске самолета.

Я – комета во вселенной!

Я – принцесса автостопа!

За столом две разряженные девицы держали военный совет.

– Значит, на дело ты не пойдешь? – спросила Наташка.

– Ты что?! Я в жизни ничего такого! – отшатнулась Алла.

– Поэтому и болеешь. Сейчас кто смел, тот и съел. Ну, да ладно, докладывай: какие есть агентурные сплетни?

– В каком смысле?

– В смысле: кто этот Новиков? Бабник или в карты играет?

– Он фольклор собирает.

– Прокोल! Мой предел – «В лесу родилась елочка.»

В приподнятом настроении из банкетного зала вышел статный мужчина: темно-синий костюм, белая рубашка с галстуком, волосы с серебристой проседью. Вышел и сразу сморщился – резанула по ушам поп-музыка.

– Внимание. Есть объект, – сказала Наташка углом рта. Алла индифферентно шурилась на танцующих.

– Как слышите? Прием! – Наташка толкнула ее локтем.

– А? – Алла вздрогнула. – Он!

Новиков не спеша, пересекал зал по красной ковровой дорожке.

– Ну, я пошла на абордаж, – встала Наташка.

– Буду держать за тебя кулак. – Алла посмотрела на подругу, как в последний раз.

– Два! – подмигнула Наташка и двинулась вслед за Новиковым.

–

– Матовые лампы обдавали холл синеватым загробным светом. Пара курильщиков в низких креслах казались дымящими восковыми фигурами.

Выйдя из туалета, Новиков подошел к зеркалу, тоже закурил, пригладил выбившийся из прически волосок.

– Здравствуйте, Павел Павлович! – отразилась рядом с ним Наташка.

– Добрый вечер, – повернулся он к ней, галантно убрав за спину руку с сигаретой.

– Извините, что я к вам так запросто подошла, – начала Наташка, волнуясь, покручивая браслет.

– Ничего, пожалуйста, я вас слушаю. – Он был очень великодушен.

– Но... я вижу, вы меня не узнаете. Нас знакомил Владимир Николаевич.

Новиков, выпуская дым через плечо, недоуменно свел брови.

– Что-то не припомню...

– Вы еще фольклором интересовались. Я же из деревни!

– Из деревни? Никогда бы не подумал. – Новиков от удивления поперхнулся дымом, закашлялся.

– Не верите? – Наташка глянула на него с вызовом я, что называется, отколола номер – озорно заголосила, резво пританцовывая:

– По реке плывет топор

В алюминиевых трусах.

А кому какое дело,

Может, он беременный!

– Верю, верю! – Бросив в урну окурок, Новиков поймал ее взмахивающие руки, притянул плясунью к себе. – Достаточно... А что-нибудь старинное вы знаете? – спросил, покосившись на курящих.

– А как же! – жарко дышала Наташка. – И плачи знаю, и обрядовые. Хотите послушать?

– Если не здесь, было бы интересно.

– Так вот, пожалуйста! – Обрадованная Наташка выхватила из-под ремешка часов заготовленную бумажку. – Давайте созвонимся!

Прежде чем взять листок Новиков осмотрелся – нет ли свидетелей? – и увидел немолодую брюнетку в белом трикотинном костюмчике. Она стояла поодаль, опираясь на спинку кресла, будто боялась упасть. Лицо выражало сложную гамму чувств: священный гнев, презрение к изменнику, жалость к себе: на кого потратила лучшие годы!

К Наташке Новиков больше не повернулся.

– Извините, но я ничем не могу... Желаю успеха,-пробубнил он, равняясь на свою возрастную брюнетку, и побежал за ней в зал, неприлично

но громко горланя: – Соня, стой!.. ну, что ты, ей Богу! Девочка по поводу фольклора...

– Вот черт! – брякнула в сердцах Наташка, разрывая листок с номером на мелкие кусочки. – Соня, а не проспала, – желчно пробормотала она и побрела за супругами – спешить теперь было некуда.

Однако, войдя в зал, ей пришлось поторопиться. За собственным столом рядом с Аллой она увидела рыжего бугая Лосося в расстегнутой до пупа рубашке. Развязно хохоча, он что-то вещал девушке. Та явно не знала куда деваться – в полном отчаянье пялилась на желтую штору, периодически отодвигаясь от собиравшегося ее облапить пьяного субъекта.

– Мужчина, освободите, пожалуйста, мое место. – Наташка тронула пальцем могучее плечо.

– О! Тоже подойдешь! – обернулся Лосось. – Давай дашь на дашь: я освобождаю – ты со мной вальсуешь. А, Марина? – протянул он к Наташке волосатые ручки.

– Убрал мясопродукты! – отмахнулась она.

– О-хо-хо! Экспонат для гербария! – поднялся здоровяк. – Ну, садко, садко. Садись. Я и стоя тебе обойму. – Он снова потянулся к Наташке.

И тут неожиданно подоспела помощь.

– Эй, чудик! – Встал возле соседнего столика узкогрудый, модно одетый малый, в котором с трудом можно было узнать Смычка. – Ты что, давно на свободе? – проявил он спокойнейшую любознательность, подходя к дебоширу.

– Шо?! А ну иди, шклявый! – грозно рявкнул Лосось, пригнув голову.

Смычка его стойка ничуть не смутила.

– Иду-иду, милый, – сказал он даже с улыбкой и резко клюнул лбом Лосося в нос. С того мигом слетел весь боевой задор.

– Шо ты? Шо ты? – попятился он, схватившись за нос, и опрокинул стул.

– Да ты сломался: из тебя провода торчат! – Смычок с силой дернул за кудри на жирной груди.

– Ладно, твои, так бы и сказал, – обиженно проблеял Лосось, улепетывая по ковровой дорожке.

– Ой, спасибо вам пребольшое, – поблагодарила Наташка спасителя.

– Не за что, – скромно ответил тот, поднимая стул.

– Наташа, пойдём! Я уже расплатилась. – Перепуганная на смерть Алла прижалась к подружке, нетерпеливо перебирая ногами.

– Может, вас подвезти? Я на машине, – предложил дальнейшие услуги благородный рыцарь. Был он вполне приятной наружности, в фирменной джинсовой паре, в экстравагантном пестром блузоне...

Правда, Наташка не успела его рассмотреть, потому что с ужасом заметила, как из глубины зала идут уже два мужика: первый – посрамлен-

ный приставала, второй – стриженный под уголовника, зловеще ухмыляющийся, с бутылкой в кармане. Конечно же, это был Фонарь.

– Хорошо. Только мы еще в туалет, – бросила она Смычку и: – Бежим! – прошипела Алле в ухо.

Смычок оглянулся и тоже увидел надвигающихся урок.

– Подождите на улице. Я быстро, – крикнул он девчонкам, рванувшим по дорожке с высокого старта. Сам смело повернулся лицом к психической атаке и подтянул рукава куртки, готовясь к бою...

Но когда хулиганы приблизились, он накинулся на них не с кулаками, а с пламенной отповедью: – Ну куда вас несет? Мослы безмозглые! Хотите все испортить?!

– Совсем обратно, – возразил Фонарь, увлекая его к выходу. – Ща выйдем, ты нам двоим еще «накидаешь» – поднаберешь побольше очков. Чую, с этих кралек может быть навар.

– Только смори, пала, не попади в натуре. Я тебе тогда раздавлю, супирмен! Ха-га-га! – пьяно заржал Лосось.

– Козел, зубы убери! – прикрикнул на него Смычок. – Они могут сеч через окно.

– Да, Лосось, сделай морду, – приказал Фонарь. – Мы ж убивать его идем, а не в ларек за пивом.

– Такую? – Лосось скорчил страшную рожу.

– Во. – Фонарь оценивающе глянул и недовольно скривился. – Можно даже пожиже развести.

Однако в фойе урок ждал двойной сюрприз. Вышагнув из зала в холл, бандюги взревели, как раненные медведи, и согнулись буквами «г». Это выскочившая из-за портьеры Наташка врезала Лососю в пах «Симонной» с кирпичом, а рыжая солистка с разворота саданула острым носом туфли в то же место Фонарю. Она уже отвела ребро ладони, чтобы приглубить по-каратистски и третьего, но Наташка вовремя перехватила карающую длань:

– Стоп! Этот наш!

– Мерси, подруга! – Девицы впечатали ладонь в ладонь в знак полной победы.

– Бежим! – Наташка дернула за руку оторопевшего Смычка.

– Стой, дурында! – Певица записала помадой на сумке «Симоне» номер телефона. – Звякнешь. Бушь у меня костюмершей.

– О'кей! А как ты звать?

– Танька Хмель.

– Ты – Хмель?! – Глаза Наташки чуть не лопнули от изумления.

– Газуй! Ща оклемаются, – подмигнула ей солистка и скрылась за дверью.

– Бежим! – Теперь ошарашенную Наташку дернул за руку Смычок. Они понеслись спринтерами из ресторана.

На стоянке у четверки машин их ждала Алла. Смычок подбежал к белому «опелю» старой модели, открыл дверцы.

– Быстрее! Ал, падай назад! – распорядилась Наташка, плюхаясь рядом с шофером. – Я буду показывать путь.

Смычок мгновенно завел «опель», вырулил на ночную улицу, переключил скорость. Наташка повернулась к нему с извинениями:

– Вы уж простите, что у вас из-за нас...

– Да пустяки! Что вы! – не дал договорить Смычок, – Я бы, конечно, и сам справился, но спасибо большое за помощь.

– Большое пожалуйста! – ослепила его улыбкой Наташка.

– Ой, как я только не умерла, – проныла сзади Алла.

– И правильно сделали, что не умерли, – сказал Смычок. – Жизнь прекрасна. Одна музыка чего стоит! Вот рекомендую – первая запись в Европе. – Он включил кассетник, в машине негромко зазвучал мелодичный драйв.

– А, так вы записываете музыку на кассеты? – спросила Наташка.

– Да записываю... только на бумагу.

– Так это... ваша музыка? – Наташка изумленно ткнула пальцем в магнитофон.

– Моя.

– А что, очень симпатичная мелодия! – К Наташке словно подключили электричество: лицо засветилось, глаза так запрыгали по водителю, как будто большего удовольствия, чем видеть этого человека, не существует. – Ой! А мы же еще не знакомы! Запоминайте, а то я знаю, творческий народ рассеянный. Меня зовут Наташа, ее – Алла. Ну а вас, наверно, Амадей? Или как?

– Совсем обратно. Э... в смысле, наоборот, – Смычок, заметив интерес, стал раскованней. – Зовите Иван, Ваня, как хотите. И, девчата, может, перейдем на «ты»? Я от долгой вежливости превращаюсь в китайца. Например, говорят мне: «Вы, дорогой, уважаемый». А мне хочется ответить; «Сань-хань-мяу-дрянь!»

– И у меня тоже самое! Просто фантастика!!!

– Значит, договорились?

– Значит!

–

Прощались Наташка со Смычком возле дома Аллы. Он сидел в машине, она стояла рядом на тротуаре.

– Так я жду звонка.

– Натали, с утра первым делом!

– Посмотрим.

– Ну, спокойной ночи.

– Тебе, Вань, еще спокойней!

– Привет Алле.

И Смычок пронесся со сноровкой раллиста по дорожке между домами. Наташка, подходя к подруге, притворно зевнула:

– Ой, как он мне надоел...

Смотревшая диким ревнивым взглядом Алла ждала у подъезда. В лифте начался допрос.

– Наташа, скажи честно, этот Ваня, он тебе понравился?

– С чего ты взяла?! – безмерно удивилась Наташка. – Я просто пота-рахтела для дела.

– Точно?

– Клянусь чем хочешь!

– А я подумала, что ты влюбилась и теперь меня бросишь. – Алла смахнула со щеки слезу.

– Я? Тебя? Ну ты даешь! – вскрикнула, как ужаленная, Наташка. Оскорбленная в лучших чувствах и жалеющая глупую товарку, она разразилась уймой криков души: – Антенна-то у тя совсем но работает! Через этого же композитора – верняк! – можно выехать куда хочешь! В любые актрисы и модели!.. А так, какие мужчинки? Чтобы я... тебя... ради микроба с дудкой?.. Да никогда Как ты могла воще такое...

В этом месте искрометная речь вынужденно оборвалась – за девчонками притворилась дверь квартиры, глухо щелкнули замки.

13.

Теперь Наташке снился Париж. Она ехала в лимузине вместе с чернокожей Наоми Кэмпбел. За окном промелькнула Эйфелева башня. «Бьюик» остановился возле слепяще-сияющего неоновыми огнями здания «Гранд Опера». Дверцу открыл шофер в ливрее – Олег.

Нарядные дамы вышли из машины. Толпы поклонников, еле сдерживаемые шеренгами полицейских, тянули к ним руки с открытками, прося автографов, и громко признавались в любви почему-то на чистом русском:

– Натали, ты самая красивая в мире!

– Натали, клянусь, ты божественна!

– Натали! Натали! Натали!..

Здесь их буйные, но приятные для слуха крики перекрыла настойчивая трель какого-то звонка. Наташка открыла глаза и недовольно огляделась. Алла спала рядом на огромном супружеском ложе, с тумбочки нудно тренькал телефонный аппарат.

– Ванька, я сплю, – буркнула Наташка в трубку.

– Алла, это я – папа! – донесся из наушника встревоженный голос. – Ты слышишь меня?

– Привет, папа, – поспешила приникнуть к трубке и Алла.

– Что это за Ванька? У тебя появился мужчина?

– Да нет. Успокойся! – Алла сделала панический жест: мол, что он говорит?

– Ваня – это девочка, болгарка, мы вместе поступаем, – ответила за нее Наташка.

– Куда поступаете?! – закричал обезумевший родитель. – Ты что, бросила институт? Отвечай!

– Да нет! Ничего я не бросила, – сказала Алла.

– А поступаю на курсы языка, – добавила Наташка.

– Что?! Опять за граница в голове! А о матери ты подумала?!

– Да нет, папа!

– Все!!! Молчи! Я немедленно вылетаю! – В трубке щелкнуло и пошли гудки.

– Вот и пожили мы вместе, – тяжело вздохнула Алла.

– Нда-а, целый один день. – Наташка вздохнула еще тяжелей.

14.

«Опель» мчался по многорядной трассе. За рулем – Смычок, Наташка в ярком летнем пиджаке, еще с ярлыком на нитке, сидела рядом.

– Значит, покупаем за пиджак? – спросила она игривым тоном.

– Не-ет, милая, пиджак это презент, – ответил он, звездно сияя, – А покупаем за всю наличность: за счет в банке, тачку, дачу, и Ваньку-Встаньку в придачу!

– Но ты же ничего обо мне не знаешь.

– Знаю: ты приезжая, поступаешь в театральное.

– Уже криво.

– Где?

– Во втором пункте. Я, знаешь, хотела бы в модельный бизнес, – сделала она чистосердечное признание и зачастила дальше, как пулемет: – Я, понимаешь, куда только не тыркалась, даже на курсы теледикторов. Но пока везде пролетала: то ударения неправильные, то роста не хватает. Хотя я на каблуках – за 180. Так они баскетболисток набирают! Короче, предкам я насвистела, что уже тружусь, поэтому устроиться надо – край!.. А связей нет, на взятку не хватает – кругом голый мрак! – Она скрестила указательный и средний пальцы, спрятав руку за ляжкой.

– Ну, это все нам по колено, Натон! – заявил он с прононсом. – Устроим тебя в агентство «Шоумоден», и банзай!

– А что, разве такое есть?

– Есть. Недавно открыли. Его директор тоже композитор – мой лучший кореш!

– И кем я буду? – Она все еще не верила своему счастью.

– Манекенщицей, фотомоделью – кем захочешь.

– Джааз! – Она положила голову ему на плечо и продолжила мечтательно-распевно: – Представляешь, я в Зайцевских шмоточках засекаю

по залу, все в трансе, слабонервные вымирают... Ой, тормози! – вскрикнула вдруг она и взяла с заднего сидения полиэтиленовый пакет и свою куртку. – Чуть не проехала, – сказала, открыв дверцу. – Значит, я быстро. Мешок подружке снесу и назад, – добавила она скороговоркой и поспешила к высотному зданию с табличкой «Общежитие».

–

В убого обставленной комнатухе, обложившись книгами, валялись на диванах два парня в джинсах. Один – плотно сбитый, с боксерским припухшим носом, другой – рослый симпатяга с растрепанной шевелюрой – вылитый Олег из Наташкиных снов.

– Наташка! – С радостным воплем бросился он к гостье, как только та вошла, отобрал у нее пакет и куртку, крепко обнял девчонку длинными руками. Она тоже обхватила его, как монтер столб. Они многократно расцеловались, тараторя, словно заведенные:

– Наташка, солнце мое!.. Живой, собачка!.. Явилась, кисуля!.. Приплюмкала... А я думал, все – мыши съели... Обдумался, Олежунчик мой ученый!..

– Ну, рассказывай суду, где носило? Олег усадил Наташку на диван, сел сам. Причем его широкие ладони не выпускали ее тонкой талии, будто она птичка и в любой момент может упорхнуть. – На Жэку не обращай, он на консультацию идет.

– Вау! Опаздываю! – стремительно засобирился боксер.

– Олежк, давай потом, а? – спросила Наташка. – Есть хочется – как из ружья!

– Морковкин, что у нас есть поесть? – обратился Олег к Жеке.

– У нас есть картошка, хлеб есть, – начал тот докладывать.

– Да обед у меня с собой – вот, – перебила его Наташка, раскрывая пакет, – Посылку из дома прислали.

– Ну-ка, посмотрим. – Олег заглянул в пакет, увидел колбасу, импортные баночки, шоколад. – Из какого дома? – спросил он, выудив из волшебной торбы бутылку с красивой этикеткой. – Что-то я не припомню, чтоб в нашем Долбино «Чинзано» продавали.

– Мда, точно, – подтвердил Жэка. – Песня еще была:

«Мы с друзьями в лесу пили тазом «хирсу».

Но лишь теперь понятно мне, что это было «каберне».

– Вы в этом инкубаторе отстали от жизни! – с обличительным пафосом заявила Наташка. – Теперь в нашем Долбино фирма итальянская есть – ну и открылся ихний гамазин.

– Так что ж они у нас делают? Итальянцы энти? – задал вопрос на засыпку Олег. – У нас же кроме картохи ничо не растет.

– Вот ее и скупают. Да вы что, совсем тут?! – победно взвинтилась Наташка, сообразив что ответить. – Итальянцы, они ж одну «Даниссиму»

трескают, а последний писк – «Даниссима» из картохи! Газет, что ли, не читаете? Так и называется: «Карниссимо»!

– Ладно, пока поверим. – Олег закрыл тему и неожиданно отпрянул от пакета, как бы ослепленный увиденным. – А! Держите меня! – успел крикнуть, падая в обморок. Жэка поймал тело у самого пола.

– Ставь чайник, – сказал живой труп, тут же вскочил, обнял Наташку, закружился с ней юлой. – Но за это ты все равно получишь на полную катушку! Притащить нам столько пищи – это ж без ножа резать!

– А без ножа не считается, – возразила она.

Олег остановился, но ее рук из своих не выпускал.

– Жэк, ты слышал, преступник сознался. Какую присудим кару?

Жэка, нарезаая колбасу и уже жуя, свирепо прорычал: – Мы посадим ее под замок и будем выпускать только вот за такими посылочками.

– Присяжные – «за»! – Олег поднял руку и указал ею на диван. – Прошу присесть на лет сорок шесть!

– Но руки помыть хоть можно? – Спросила Наташка, повертев в воздухе ладошками.

– Можно. – Олег распахнул дверь и проводил девчонку грозным предупреждением: – Можно, только осторожно: воду горячую отключили – смотри, не простудись.

– Ха! Испугал водой акулу! – огрызнулась Наташка. Пробежав по коридору, она припустила со всех ног вниз по лестнице.

От общежития до «опеля» Наташка промчалась, как ракета.

– Ваньк, жми! – бросила она Смычку, врезаясь в сидение.

– Что случилось? – спросил тот, трогая с места.

– Подружки гонятся – отбить тебя хотят, – отдуваясь, выпалила она.

– Ну, это они уже вроде поздновато, – резонно заметил он.

– Не скажи. Они у меня шустрые: и поздно так отобьют! – Она качала поднятым кулаком. – Что рано покажется.

– Тоды ой, – сказал Смычок и прибавил газу.

15.

Первое сомнение на счет Ваньки появилось у Наташки, когда они поднимались по лестнице жутко вонючего, обшарпанного и исписанного матерными словами подъезда. «Композиторы в таких помойках не живут», – подумала Наташка и уж совсем подозрительно посмотрела на дверь, обитую дешевым дермантином, со следами варварского обращения с замками: видно было, что их сначала вырывали с корнем, а потом латали дырки фанерками.

– Наталь, ты извини, что у меня сейчас не так клево. – Заметив спад в ее настроении, бросился в объяснения Смычок. – Но я недавно развелся с женой и нормальную квартиру оставил ей. А себе купил пока вот эту развалюху – что под руку попало...

Наташка сделала вид, что удовлетворена объяснением: – Да что ты, Ваньк! Все о-кей! Не место красит, а баксы в карманах! – Но про себя отметила: «И словечки у него все какие-то бластные».

– И почему же ты с ней развелся? – спросила она для поддержания беседы.

– Неудобно говорить, но наша композиторская тусовка накладывает на всех нас печать рока...

– Рока или порока?

– Рока порока: кто на стакан садится, кто – на иглу. – Смычок печально закивал головой, – Мужики еще кое-как держатся, а бабы выпадают в осадок.

– Понятно, – ободряюще улыбнулась Наташка. – Кто на дно, кто – в кино!

Высокий шкаф делил комнату как бы на две – на кабинет и спальню. Молодые сели пировать в кабинете уже при электрическом освещении. Здесь были стол, кресло, фортепьяно, синтезатор, полки с книгами, икона, барабан, гиря, магнитофон, телевизор, морские раковины, плакаты из филармонии, репродукции с картин, разные симпатичные безделушки... И сомнения Наташки подразвевались – уж очень ей хотелось попасть на подиум.

Она по-королевски восседала на мягком кресле, хмельной Смычок – напротив, на жестком стуле. Разделял чревоугодников стол, заставленный закуской, выпивкой, фруктами и была еще ваза с тремя гвоздиками.

– Эх, люблю повеселиться, особенно пожра... э-э... пожаренную рыбу. – Лже-Ванька чуть не оскандалился, все играя роль светского льва. – О, стоп! Сейчас очень торжественная часть! – Он зашел за шкаф, вернулся с подушкой в руках. За ней лежали два ключика с черным брелком-коробочкой. – Позволь преподнести в знак большого чувства!

– Джаз! Ключи от квартирки! – Она потерла ладошками и жадно схватила подарок. – Больше не увидишь.

– Посмотрим, – загадочно протянул он и резко взмахнул вывернутыми кистями рук. – Следующий номер – сеанс телепатии! – объявила покачиваясь.

– Мама, я боюсь! – Она сжалась в комок, вроде бы от испуга.

– За успех. – Он плеснул в бокалы шампанского. Она пригубила. Он выпил. – Значит, так. Я выхожу, ты прячешь ключи, я нахожу. Ясно?

– Ясно – ты подсмотришь.

– Можешь закрыть меня в туалете.

– Давай.

Смычок вышел. Наташка побежала за ним, закрыла дверь на щеколду, вернулась в комнату.

– Куда-куда-куда? – немного постояла, вскочила на диван, на стол, положила ключи в стеклянную чашу люстры, спустилась на пол. – Пора-

пора-пора! – Наташка вынула из «Симоны» две ампулы фенобарбитала, отломала стеклянные конусики, вылила снотворное в бокал нового друга и сбегала выпустила Смычка. – Готово!

– Прекрасно, – вошел факир в комнату. На голове у него был тюрбан из туалетной бумаги. – Аллергией на гипноз не страдаешь? – спросил он и громко икнул.

– Не заговаривай зубы. – Наташка погрозила пальцем.

– Садко! – показал он на стул.

– Что? – не поняла она.

– Садко – значит, садись. Это по-нашему, по-музыкантскому, ну опера такая есть. И все, тихо! – Он стал делать пассы руками.

Наташка села и вспомнила ресторан, рыжего приставалу, мерзко гнусавившего: «Ну, садко, садко. Садись. Я и стоя тебе обойму.»

– Шахер-махер-фиу-фить! – свистнул Смычок.

Под потолком раздалось пикание, похожее на морзянку.

– А-а, он плакает, – разочарованно сказала она. – Знаю: мэйд ин Гонконг.

– Кому мэйд, а кому так – сорт «СВ». – Он наполнил бокалы.

– Что за «СВ»?

– Свеже-ворованный. Пра-ашу!

– Я все – выше крыши, – отказалась она.

– Ну, еще мал-с.

– Не-а.

– А я выпью. Эх, банзай! – Он опрокинул оба бокала, обнял Наташку и полез целоваться: – Конфеточка ты моя!

Наташка отвернула лицо от приблизившихся мокрых губ.

– Ой, Ваньк, а давай погадаем на стихах! – воскликнула она, кинувшись к книжным полкам. – Скажи, какая страница и строчка. – Она вцепилась в корешок толстого тома. Книга не поддавалась. Тогда девчонка дернула со всех сил и еле успела отскочить – три полки рухнули на пол, объемистые фолианты рассыпались по линолеуму.

– Ну, Фонарь! Ну, гад! Клянусь, где пройдет – трава не вырастет! – разразился Смычок длинной ругательной тирадой, спешно закрывая филармоническим плакатом весьма неприличные картинки, которые прятались за полками. – Грил же, не суй столько. Нет, грил, чем больше, тем лучше. Козел!.. Ты, пардон, Наталь, за грубости, но зла не хватает, аж японский бох!

– А что это за говорящий фонарь? Кличка такая, да? – спросила Наташка безразличным тоном.

– Фонарь? – Лже-Ванька на мгновение замер. – Э-э... А, Фонарь! – облегченно воскликнул, выйдя из замешательства. – Это мужик из нашего оркестра. Он на фано лобает, на фортепьяно, вот и прозвали его – Фонарь. Ну, это все равно, что есть, например, стопка, а по-простому – стопарь. –

Говоря, Смычок побросал книги в кучу. – Ох, аж потемки в глазах, – устало сказал он по завершению трудов и изрядно отпил из бутылки.

Наташка, призадумавшись, закусил губу, потом скрестила пальцы и уставилась на репродукцию с полотна Ван-Гога.

– Ой, Ваньк, смотри! – вдруг крикнула дурным голосом. – Точь такая картинка висит у Алки над теликом. Только настоящая!

Смычок, пошатываясь, подошел, ухмыльнулся: – Да? Не смейся. Эта картинка стоит немного больше, чем весь наш микро – ро-район.

– Ну и что? – Она выпучила глаза. – У нее папан работает огромной шишкой! Там, знаешь, чего только нет! Кругом хрусталь, собаки фарфоровые, ковры, компьютер, видик... Система – класс! «Филипп» называется.

– Филипс-с-с? – переспросил он.

– Точно –пс-с! – Она утвердительно тряхнула стрижкой. – Ну и все конечно, на трех замочках, сигнализации пока нет, но Алка сказала, скоро телекамеры поставят.

Смычок постоял перед репродукцией, поскреб шею.

– Ще же такой пап не мошт устройсь дощ в тетральное? – спросил он заплетающимся языком.

– А он против.

– Какой тварь! – сокрушенно вздохнул он и свистнул. Брелок пропикал. – Вас пол. Иду на пос-садку. – Глаза Смычка окончательно слиплись. Он упал на диван. – Ты извини, я сосну час-со, – буркнул и захрапел.

– Неслабо, – протянула Наташка. – Он еще и алкаш... А это что у нас? – Она осторожно вытащила из нагрудного кармана Смычковой рубашки паспорт, из него выпал сложенный вчетверо лист бумаги. Наташка развернула его и прочла: – Доверенность на машину. Я, Фонарев Дмитрий... Так, понятно, кто Фонарь.

Затем она полистала помятый документ и даже присела, чтобы мозгу было легче размышлять: «Так, в этой дыре он прописан 13 лет назад... Значит, все точно, он такой же композитор, как я космонавт... Что будем делать? Смоемся?... Подожди... Да это же одна шайка – вся эта троица! Ванька прикидывается музыкантом и узнает о богатой хате. Для чего? Мать, не будь дурой! Чтобы эту хату обчистить! А что мне от этого?... Во, джаз-квас! Они вламываются в квартиру и видят сигнализацию. Конечно, они сразу смываются, а Алкин папашка сразу бросается проверять – не сперли ли миллионы... Все! Я узнаю, где тайник, и наши в дамках!»

Наташка перекрестилась и засунула документы снова в карман храпящего Смычка. «А что? Может, Бог и есть? Или звезда какая мне помогает, – подумала она, направляясь в ванную. – Сначала кирпич пригодился, теперь, может, выгорит с этими тремя воругами... Как специально, кто-то сверху все подстраивает... А с другой стороны они после облома должны бы меня грохнуть. – Она пустила воду, намылила лицо, стала смывать кос-

метику. – Ну, там что-нибудь придумаю. Москва большая – сразу шиш найдешь, да и дернем мы потом с Олежкой быстро».

16.

По случаю отличной погоды заседание проходило на зеленой лужайке возле бревенчатого дачного домика. Наташка – от груди до щиколоток – была прикручена веревкой к стулу с высокой спинкой. Ее рот был заклеен широким куском лейкопластыря.

Перед пленницей стоял стол с водкой, стаканами и солеными огурцами в миске. За столом сидела вся уголовная тройка: Фонарь, Лосось и Смычок. Урки выпили, с хрустом закусили, и Фонарь решительно заявил:

– Ее надо порешить. Кто хочет?

– Это невозможно. – Смычок в знак несогласия покачал головой и разбил рукояткой пистолета грецкий орех.

– Что?! – рассвирепел лидер банды. – Почему еще невозможно?

– Рука не подымается, – объяснил Смычок. – А то, что подымается, не умеет стрелять.

– Пральна! – поддакнул Лосось. – Хороший матирял – зачем портить?

– А затем! – гаркнул Фонарь. – Она, если сбежит, всех нас заложит!

– А как она сбежит из подземного подвала? – спокойно возразил Смычок.

– В натуре! Надо деточкой как следует попользоваться, а потом можно и тогось, пол? – Лосось заржал и подмигнул связанной.

Наташка только переводила расширенные от ужаса глаза с одного будущего насильника на другого.

– Короче, я сам ее грохну! – Фонарь схватил пистолет, лежавший на столе.

– А ну, положь! – поднялся, угрожая страшным видом. Лосось. – Щас дам по тыкве – ласты склеишь!

– Да ты на кого пасту давишь, придурок! – замахнулся на него оружием Фонарь.

– Мужики, патроны я вынул, убийство все равно пока не получится, – сказал Смычок, разливая водку по стаканам. – И воще куда спешить? Давайте лучше вмажем и еще разок все обмозгуем.

– Пральна! – сел умиротворенный Лосось.

– Черт с вами! – Фонарь тоже плюхнулся на свой табурет и отшвырнул от себя пустой «ПМ».

Тут вдруг сверху раздалось громкое тарахтенье, и над двориком завис вертолет «Черная акула».

– Всем лечь на землю! – прогремел усиленный мегафоном Олежкин голос.

Перепуганные бандиты послушно повалились в траву. А с «борта» опустился стальной трос. Крюк скользнул по спинке Наташкиного стула, зацепился за верхнюю перекладину, и девчонка полетела вместе с предметом мебели над дачным поселком, над какой-то широкой рекой с дымящим трубой двухпалубным пароходом...

Наташка крепко зажмурилась от страха и открыла глаза. Она удивленно осмотрела Смычковскую квартиру и поняла, что проспала всю ночь на мягком кресле, свернувшись калачиком. Наташка выпрямила затекшие ноги, потянулась и увидела лже-композитора. Он вошел в комнату, неся две открытые бутылки с фантой.

– О, проснулась, дрыхляндия, – сказал он девчонке и поставил на стол один напиток. – Вот, похмеляйся, а мне пора собираться... Кстати, извини, что я вчера отрубился – перебрал мал-с...

– Бывает. Какой базар! – спешно простила она.

– Да, ты сегодня куда-нибудь собираешься?

– Надо к Алке съездить.

– Кстати, какая у нее квартира? Может, я за тобой заеду.

– 28-я. Ой, Ваньк, сбацай что-нибудь на фано, а?

– Только чуть-чуть.

– Секунду! Я в сортир занырну.

–

Фортепьяно сияло в солнечных лучах. Смычок что-то брэнчал на нем через пень колоду. Наташка стоя пила фанту и закатывала глаза, корчась в невыразимой муке.

– Вишь, убиться веником, не фардыбачит – расстроилось. – Всклоченный пианист повернулся к слушательнице.

– Все равно, Ванька, ты – гений, – подавив зевок, сказала она.

– Сам знаю. – Он сжал пальцами виски. – Голова – хоть топором лечи.

– Может, скорую вызвать?

– Уж лучше гробовую.

– Смотри, на репетицию опоздаешь.

– Да, надо бежать. – Он торопливо зарыскал по комнате, выбросил из шкафа нужные вещи. – Вот жизнь: чайковского некогда попить! Но ничего не попишешь – без меня не понесут, – пожалел сам себя.

– Что не понесут? – спросила Наташка.

Смычок сделал «квадратные» глаза, отвернув лицо от девчонки.

– Э -э... рояль в ремонт, – нашелся и стукнул кулаком в птичью грудь. – Я ж в оркестре самый сильный!

– Ты? – Она язвительно скривила губы. – Да ты бы с гири хоть пыль смахнул.

– Ну, я же не говорю, что я – Геракл, – пошел он на попятную, стремительно одеваясь, – просто остальные в нашей филармонии еще дохлее.

- Может, мне вам помочь? – хитро сощурилась она.
- Ну что ты! Гусары сами с усами. – Смычок, облаченный в темный костюм, посмотрелся в зеркало. – Ты, Наталья, лучше никуда не езди, а купи что-нибудь, сготовь. – Он бросил на стол купюру.
- Есть! – Наташка отдала честь.
- Он чмокнул ее в щеку.
- Ну, прощай до вечера, – воскликнул уже на бегу.
- Счастливенько, Ванюшок! – ласково отозвалась она, взяла деньги после дверного хлопка. – И в путь за орденами, – шепнула, выходя на цыпочках из квартиры.

17.

Протяжные звуки траурного марша расходились в горячем воздухе ударными волнами. Скорбная процессия медленно двигалась по аллее кладбища. За гробом, венками и проводящими в последний путь следовал похоронный оркестр. Понурые оркестранты, опустив очи долу, прижимали к губам никелированные инструменты.

Одним из музыкантов, замыкавших шествие, был Смычок. Он время от времени блямкал медными тарелками, потом сильно морщился, видимо от головной боли, и прикладывал ко лбу холодную медь.

За ним кто-то следил. Над черным мраморным памятником, словно его продолжение, торчала человеческая голова. В панаме, в очках... Наташку было почти не узнать.

А подельники Смычка занимались в этот день куда более веселым делом. Они отдыхали в сквере. Стояли возле куста жасмина, пили пиво из пластиковых стаканов и гыкали от наслаждения.

- Эх, хорошо! Да, Фонарь? – сказал Лосось.
- Нда, Лосось. Хорошо, но плохо, – глубокомысленно возразил Фонарь. – Бабок осталось ... До станции Грязь.
- А чо мы там забыли?
- Я – ничо, а ты бушь привыкать к земле.
- Чевой-то?
- Сдохнешь скоро с голодухи!

И вдруг, как гром среди ясного неба, раздался грозный выкрик:

– Руки вверх! Быстро!!!

Фонарь замер, немного не донеся стакан до рта. Руки Лосося резко дернулись вверх. Пиво из его емкости выплеснулось прямо в лицо визави.

– Всем привет! – вышел из-за куста Смычок. – А Лосося-то к врачу пора. По нервам, – улыбаясь, протянул он ладонь для рукопожатия.

Мокрый Фонарь сузил мстительно глазки и окатил его из своего стакана.

– Ха-га-га! Схлопотал, Смычок! – заржал Лосось. – И от меня сейчас в торец! – Он схватил Смычка за грудки и тоже получил пивную оплеуху. – Ну, пала! повернулся он, набычившись, к обидчику-Фонарю.

– Спокойно. – Тот пырнул его страшным гипнотическим взглядом. – Не то взыщу за мытье.

– А воще, чуваки, давно стоим? – разрядил атмосферу Смычок, доставая из дипломата сушеную рыбу.

– Давно. Третью бутылку взяли, – сказал Лосось, разливая пиво.

– Ого! Даже третью. Наследство получили?

– В долг взяли. Ща тебя тряханем – отдадим. Ха-га-га!

– Захлопнись! – рявкнул Фонарь. – А ты, Смычок, давай, ближе к делу.

– С им порядок, – отрапортовал тот. – Есть и очень крупное, со всеми делами! – Он нарисовал в воздухе квадрат.

– За крупно сидеть долго, – вставил Лосось.

– Шпарь про детали, – оглядевшись, приказал Фонарь.

– Так вот, – начал Смычок, – хата не боксерки, а перепуганной...

– Ух, я их достану! – Лосось с хрустом разорвал рыбу.

– Сигнализации нет, замки плевые – я позырил. С утра до вечера тишина – можно не спеша обшманать.

– Ага! Пока загребут! – вспыхнул Лосось.

– Есть что взять и нет сигнализации – так не бывает, – рассудительно сказал Фонарь.

– Бывает. У них вместо сигнализации мамашка, – пояснил Смычок. Но сейчас она подогрывается на курорте.

– Ну ладок. Значит, будем готовиться на завтра.

– Да, сейчас давай! – Лосось дернул Фонаря за рукав.

– Не мороси, – отшвырнул тот лапищу. – Завтра клевый день по гороскопу. В девять делаем контрольный звонок, никто не отвечает – едем.

– В гробу я видал твой телескоп! – вскипятился Лосось. – Тут выжить не на шо!

– А до того сухой закон, – спокойно закончил Фонарь и лягнул ногой коричневую ПЕТ-бутылку. Пенная влага хлынула в траву.

– Смычок, держи! Я щас с него надавлю! – Лосось взвыл, как сирена.

– Не ори, козел!.. Щас в торец!.. Пшел, мешок!.. – завязалась потасовка.

Наташка, стоявшая за кустом жасмина, нахлобучила поглубже панаму и выскользнула под шумок из сквера.

Через полтора часа Смычок уже поднимался по замусоренной лестнице своего подъезда. Перед тем, как войти в квартиру, он сделал ряд приготовлений. В открытую бутылку шампанского он бросил десять таблеток

снотворного препарата «Донормил», из дипломата достал три розы и коробку конфет.

- Ну, сейчас, она у меня заснет, и я ее прищучу! – самодовольно пробормотал он, открывая замок. – Натали-и, кукаре-ку-ку! – сладко пропел, входя в пустую комнату. – Ты где-е? – крикнул и увидел на столе ключи с брелком и листок бумаги.

Смычок освободил руки и прочел; – Спасибо за пиджак. Поехала домой. Желаю дальнейших музыкальных успехов!

- Вот так! Получил за находчивость, – злорадно сказал он самому себе, кинулся к шкафу, распахнул дверцы. – И точно, один пиджак взяла. Балда сельская! – Он вернулся к столу и подумал: «И ведь без нее меня ментам не найти никогда... Тоды ой – не так уж все и мимо!» – Смычок на радостях схватил со стола шампанское, опрокинул бутылку в рот. – Пффффу! – прыснул шипучим напитком и побежал, отплеываясь, в ванную, откуда грянула рвотная рулада.

18.

На серой стене здания тяжеловесной архитектуры висела вывеска с длинным названием учреждения, крупно было выделено слово «институт». Массивная дверь отворилась и выпустила на улицу веселую гурьбу студентов. Среди них шагали и Олег с Жэкой.

Сзади к Олегу подбежала Наташка, закрыла ладонями ему глаза.

- Что, уже соскучилась? Что-то быстро, – помрачнев» сказал он. Она взяла его под руку и виновато зачастила:

- Ну прости, Олежк! Последний раз. Клянусь, дурацкий случай! Я тогда вышла, встретила девчонок, они пристали: давай с нами до вокзала, Таньку в Питер проводим. Я поехала, думала, туда и назад, а они меня из купе не выпустили. Короче, только сейчас приплюмкала... Привет, Жэк, – бросила боксеру.

- Привет, – кивнул тот и понесся вдруг к остановке, вскрикнув на бегу: – Вау! Мой транспорт!

- Ладно, последний раз. Но учти, – Олег погрозил пальцем, – я даю установку: еще раз смоешься – обрастешь бородавками, волосы повыпадают и ноги покривятся вот так! – Он изобразил указательным и большим букву «о».

- Клянусь чем хочешь! Никогда-никогда! – Она прижалась, обняла.

- Так и запишем. – Он обхватил ее в талии и приподнял над землей.

- Мама, лечу! – Она, звонко смеясь, перебирала в воздухе ногами.

19.

По утреннему солнечному городу ехал белый «опель». За рулем – Смычок с приклеенными усами, рядом – Фонарь в длинноволосом парике.

Сзади сидел Лосось. Он деловито вкладывал в большой чемодан пустые вместительные сумки.

– Smyчок, повтори задание, – сказал Фонарь.

– Да сколько можно? – взбунтовался тот.

– А в торец? – рыкнул Лосось.

– Я слежу за входом. Если появится кто-то, похожий на папашку, или дочка, сигналю пять раз.

– Ладок.

– Не ладок, а проспишь клиентов, я тебе самолично кончу! – Лосось, как затвором, клацнул замком на чемодане.

– Заткнись! Тара готова? – свирепо рявкнул Фонарь.

– Готова. Щас туда – шмотку, в живот – водку! Ха-га-га. – Ржание у Лосося вышло не очень веселым, а мясистые руки и вовсе задрожали, отбивая барабанную дробь на коже чемодана.

Наташка в панаме и с «Симоной» на плече пряталась за живой изгородью напротив дома Аллы. Увидев подъезжающий белый «опель», она поспешила прочь.

В мерно гудящем лифте потный Фонарь разложил по карманам брюк связки отмычек: – На первый, на второй, на третий.

– А если н-не п-подойдет? – заикнувшись, спросил Лосось.

– Не подойдет – так подъедет, – процедил сквозь зубы Фонарь в пнул его в живот локтем. – Не трясись, пала!

– Уй! – согнулся Лосось и замахнулся лапищей, но Фонарь как раз вышел на лестничную площадку.

На площадке он осмотрелся, прислушался, подошел к двери с номером «28» и мотнул париком: – Закрой телевизор.

Лосось с чемоданищем встал у противоположной двери, прижавшись спиной к глазку. Здоровяк затрясся с новой силой. Чемодан забарабанил в дверь.

Фонарь остервенело втыкал отмычки в замки. Пот капал с носа, на светлой рубашке широко разрасталось темное мокрое пятно.

И вдруг за спиной Лосося отворилась дверь. Вор испуганно отпрянул.

– Ля-ля-ля... – Что-то напевая, на площадку вышла плоская Катя. – Вы ко мне? – спросила у Лосося.

– Н-не-не-нет. – Он попятился задом к лестничным перилам.

– А зачем стучите?

– Извините, он перепутал, – криво улыбаясь, ответил Фонарь и наступил туфлем на оброненную связку отмычек.

– А, бывает. – Катя состроила глазки интересному волосатику. – Ой, а я кажется, вас знаю! – всплеснула она руками. – Вы пели в театре Эстрады! Сергей Извицкий, точно, да? А меня Катей зовут.

– Нет, вы перепутали. – Фонарь опять скорчил лицо в жалкой гримасе. – Нам ниже этажом, – добавил невпопад и тоже двинулся к лестнице, волоча, как хромой, ногу, чтобы Катя не увидела скрывавшийся под ней воровской инструмент.

– Ой, да вы нездоровы! Давайте помогу. – Сердобольная дамочка направилась к хромоножке.

Терпение у Фонаря лопнуло. Смотря волком, он сунул руку в карман, назад вынул уже с кастетом. Лосось малодушно отвернулся и зажмурился...

Катя, подойдя вплотную к убийце, поправила очки и встревожено уставилась на страшную, мокрую от пота, рожу: – Ой! А что, разве идет дождь?

– Угу, аж кранты вам, Катя, – сказал Фонарь, весь напрягшись, и отвел для удара руку с холодным оружием.

– Что? Аж из крантов катит?! – Катя схватилась за голову и совсем не заметила смертельной угрозы. – Извините, у меня белье на балконе! – воскликнула она в панике и вмиг скрылась за дверью своей квартиры.

– Ух. – Шумно выдохнув. Фонарь обессиленно привалился к стене, тернул кулаком с кастетом по физиономии и: – Быстро, мешок! – брызжа слюной, махнул Лососю.

Тот на полмарша уже спустился вниз и теперь вытаращил на дружка ничего не понимающие глаза.

Фонарь повернул в замке отмычку и открыл дверь. Лосось с треском вломился за ним в проем, сильно толкнул его плечом...

– Тихо, кабан! – прошипел Фонарь, цапнув верзилу за кадык, и ошарашено воззрился на небольшую металлическую коробку, привинченную к стене.

– Ш-ш-шо это? – шепнул Лосось.

Фонарь ногтем поддел крышку. Под ней было табло с прыгающими цифрами таймера, две кнопки...

– Сигнализация... Мотаем! Быстро!!! – истошно крикнул Фонарь, распахнул дверь и полетел вниз по лестнице. Лосось неуклюже посыпался за ним.

– Господи, что за шум опять? – Приоткрыв дверь, на площадку выглянула Катя.

– Быстрее, Лосось! Похватают же!!! – донесся снизу душераздирающий вопль.

– Что? – Катя встрепенулась, осененная внезапным прозреньем: – А! За Лососем бегут!.. Его точно в момент расхватают. – Она оперативно метнулась к перилам, свесилась вниз и увидела, как промелькнул внизу вор с чемоданищем. – Ой, надо же сумку взять! – Катя бросилась назад в квартиру.

На улице Фонарь и Лосось вскочили в «опель». Смычок дал газ, впопыхах содрав наполовину усы... Как только их машина скрылась за поворотом, к дому подкатил милицейский «уазик». Три милиционера кинулись к подъезду, в дверях столкнулись с плоской дамочкой.

– Женщине уступать надо! – расшвыряла Катя блюстителей порядка, несмотря на стеснявшую ее в движениях сумку.

Но в следующий момент милиционеры, конечно, победили. Двое схватили Катю за руки.

– Стоять! Что в сумке?! – дико заорал сержант и сунул ей под нос дуло черного пистолета.

Синие зрачки арестованной прилипли от страха к переносице.

– Не знаю... Сумка не моя... Милена ее забыла – подруга, – с трудом выдавила из себя она.

– Шурков, давай! – скомандовал сержант.

Рядовой ловко защелкнул на запястьях дамы наручники.

– Но... Но... За что? – пролепетала Катя, почти теряя сознание, – Я в магазин... и все...

– Правильно: в магазин, в комиссионный, – согласился с ее версией сержант, осторожно, двумя пальчиками, вынимая из сумки импортный радиоприемничек.

– Да нет... нет... в гастроном, – затрясла очками Катя.

– Правильно, – совсем уж по-дружески поддержал ее сержант. – А потом в гастроном, – веско подытожил он и звучно щелкнул пальцем по своей мощной шее.

20.

Позже, когда к дому подъехали на такси Наташка с Аллой, милиции уже не было. Подруги, непринужденно болтая, вошли в подъезд.

На лестничной площадке Наташка вспомнила анекдот:

– А во, про лифт. Два пьяных ползут по рельсам. Один говорит: «Черт, что-то лестница длинная». А другой: «Ничего. Вон сзади лифт идет, щас подберет».

– Это, скорей, про поезд, – сказала Алла, входя в квартиру, закрывая за Наташкой дверь. – Как там твой композитор поживает?

– Он оказался непутевым – я вычеркнула его из списка... Ал, а вон те шмоточки все равно тебе тесноваты, так, может, продашь? – Наташка говорила, наблюдая за Аллой, отключавшей сигнализацию.

– А я собираюсь похудеть, – ответила Алла и сняла трубку с зазвонившего телефона.

– Да, – сказала она в микрофон, – хорошо... конечно, – кивнула, закончив слушать, опустила трубку, повела встревоженным взором по прихожей.

– Что-нибудь случилось? – участливо спросила Наташка.

– Из охраны звонили. Сказали, у нас были воры, представляешь? – Алла, приложив пальцы ко рту, заглянула в стенной шкаф. – Хотя... тут вроде все на месте...

И вдруг захрустел отпираемый дверной замок.

– А! – испугавшись, Алла спряталась за дверцей шкафа.

Вошел сердитый мужчина лет пятидесяти. В темном костюме, при галстуке, с глазками, видящими насквозь... Заметив Наташку, он сфокусировал на ней лазерный взгляд.

– Кто такая?

– Папа, это моя подруга! – вывалилась из шкафа Алла.

– Подруга? Очень хорошо. – Папа понюхал воздух, взял с тумбочки дезодорант, прыснул в потолок и стены. – Николай Семенович, – протянул ладонь.

– Наталья Алексевна, – ответила на рукопожатие Наташка.

– Звонили из милиции...

– Мне тоже звонили, – перебил папа, проходя в ванную. – Занимайтесь своими дедами. Все, что нужно, я сделаю сам.

– Есть будешь? – спросила Алла у Наташки.

Та задумчиво рассматривала дверь ванной комнаты, закрывшуюся за папой, слушала монотонный шум бьющей в раковину воды.

– Есть, говорю, будешь? – повторила Алла.

– А как же! Мясо – сила, диета – могила. – Наташка, спохватившись, расплылась в улыбке. – Где? На кухне?

– Давай на кухне.

Они прошли в кухню. Алла полезла в холодильник. Наташка держала в поле зрения дверь ванной, из нее как раз вышел папа и направился к телефону в прихожей.

– Наташ, кстати, насчет диеты. Может, напишешь своим, чтобы прислали какую-нибудь помодней из Англии?

– О-кей, Алленчик, сегодня же писну. А вообще лучше всего помогает любовь. Попереживаешь с месяц и будешь – как пух!

– Алло, Рыкалин звонит, – донесся из прихожей приглушенный голос папы. – У меня ничего не украдено. Видно, они сразу обнаружили сигнализацию и ударились в бег. Замки я сегодня же заменю...

– А девчонки говорят, наоборот повышается аппетит.

– Аппетит повышается от секса. А от любви становится как в пустыне: и фрукт полно, а есть противно.

– Это почему?

– Песок на зубах скрипит.

– Алла, я в магазин. Накинь цепочку, – крикнул Рыкалин и хлопнул дверью.

– Я накину... и еще руки надо помыть. – Прихватив «Симону», сорвалась с места Наташка и юркнула в ванную комнату. Там она щелкнула

задвигкой, осмотрелась, заметила на белоснежной кромке ванны с замоченным бельем отчетливый серый след.

– Во-от, зачем-то он гулял по ванне... Зачем же? Не иначе, как в тайничок заглядывал с испугу – на месте ли миллиончики? – забубнила она, трепеща от охватившего ее азарта. Затем поставила кроссовку на след, встала на край ванны, пристально оглядела стену, облицованную белой кафельной плиткой.

Плитка была как плитка – ни одна ничем не отличалась от остальных, Наташка достала из кармана пятирублевую монету, стала стучать ею по кафельной стенке. Потянувшись уж очень далеко, она потеряла равновесие, взмахнула руками и: – Ай! – полетела в ванну.

Пятирублевик, выскочив из разомкнувшихся пальцев, полетел в другую сторону, то есть по дуге вверх. Он ударился в пластмассовый кругляшок, из которого торчала ножка лампы, и случилось чудо! Вделанное в стену прямоугольное зеркало отворилось, словно дверка... За ней в неглубокой нише что-то лежало...

Вся мокрая, не веря глазам, Наташка подползла на коленях к тайнику.

– Мама, грины!.. И прям пачками! – растеряно прошептала она, прижав ладони к щекам, как мусульманин, творящий намаз.

– Наташа, что там у тебя? – спросила из-за двери Алла.

– Щичас, Ал! – затравленно крикнула Наташка. – Только доплыву! – Она мигом выложила из «Симоны» кирпич в газетке, переправила в сумку денежные пачки, очистив тайник, сунула стройматериал в нишу, вдавила зеркало назад в стену и, еле дотянувшись, отщелкнула задвигку.

– Предупреждаю: нервным не смотреть! – дурашливо объявила и выгнула руки зигзагами, изобразив как бы статую Будды.

– Ой, как это тебя угораздило? – Алла, войдя, припечатала ладонь ко лбу.

– Представляешь, поскользнулась и шарахнулась без задних ног. Прям джаз-квас!

– Да-а, ты как в воду смотрела – придется одеть тебя опять.

– В то же самое!

– Хорошо. – Алла отправилась за вещами. – Но даю только поносить.

– М-му! – Наташка послала вслед воздушный поцелуй, помяла сумку, чтобы пачки не выпирали с боков, и стала стягивать с себя мокрые вещи, напевая частушку про топор в трусах.

21.

В кожаной юбке и блестящем топике Наташка шагала по коридору ГУМа.

– Зайка моя, я твой тазик! Зайка моя, пальчик в глазик! Зайка моя! – весело напевала она, пока не свернула в ювелирный отдел.

– Мне, пожалуйста, вон ту цепь с крестом, вон то кольцо, вон те серьги и вон тот браслет, – потыкала она пальчиком в стекло прилавка.

– Тысяча пятьсот шестьдесят, – назвала цену продавщица, произведя подсчет на калькуляторе.

– Неслабо, – округлила глаза покупательница, направляясь к кассе.

– Момент, я только проверю, нет ли случайно фальшивых, – мило улыбнулась ей вышколенная кассирша и стала пропускать долларовые банкноты через специальную машинку.

– Фальшивых быть не может. У нас с этим строго: чуть что – привет голубям! – развязно заявила новоявленная миллионерша.

Затем обвешанная драгоценностями, как Афина Руссель, Наташка сидела на скамейке в сквере напротив Большого Театра. Она ела мороженное и напряженно соображала: «Возможно щас меня уже ищут. Алка моих адресов не знает... О! С Ванькой я заезжала в общагу... Но эта тройка во-рюг с бандой Жоржа никак не связана, а встретиться с ними в Москве на улице – это навряд ли... Хотя, подожди, а как я с Катькой встретила в переходе... Не, всякое может быть. Короче, надо срочно рвать когти отсюда...»

В метре от Наташки на скамейку уселся холеный мужчина, одетый в отлично сшитую черную тройку. Он картинным жестом вынул из пачки сигарету «Винстон», щелкнул зажигалкой «Ронстон», посмотрел на часы «Ориент» и, растянув губы в лакейской улыбке, спросил:

– Вы тоже идете на «Лебединое озеро»?

– Нет, я иду на «Лягушачье болото», – нагло брякнула в ответ Наташка и пошагала в сторону «Метрополя».

22.

В прихожей чирикнул звонок. Рыкалин подошел к двери, глянул в глазок, быстро справился с замками, открыл.

Вошли Жорж в парике и Арнольд с сумкой.

– Гудманин, Эйнштейн. «Дерево» на «зелень» поменял? – сразу спросил босс.

– Да, конечно. И почти по курсу, – отрапортовал отец Аллы.

– Пришли наши компьютеры. Я их провожу через таможду как детские игрушки. Надо взятки раздать.

Дельцы с телохранителем прошли в ванную комнату.

– Запремся, а то Алла дома. – Рыкалин щелкнул задвижкой и, встав на край ванны, открыл тайник.

– Как поживает твоя актри... – Жорж осекся, увидев в выемке за отскочившим зеркалом одинокий сверток.

– Ничего себе гоголь-моголь... – отреагировал на неожиданное зрелище Арнольд.

– А! – схватился за сердце Рыкалин. – Час назад все же было!.. Это только девчонка могла... Алла подругу приводила...

Жорж достал из кармана плоскую фляжку, отхлебнул, покривившись.

– По стилю похоже на «Тихого», но своих он до сих пор не шерстил.

– Что? Думаешь, бомба, Кузьмич? – Рыкалин от испуга вздрогнул.

– Иди, коли в темпе свою цыпу. Возможно каждый миг – последний.

А мы тут с Арнольдом помаракуем.

– Сейчас я ее... в порошок! – выходя, решительно сказал Рыкалин.

– Я думаю... – начал говорить Арнольд.

– Стоп! – рявкнул босс. – Не спешим.

Они, крепко задумавшись, застыли перед открытым тайником. Их взгляды намертво прилипли к обернутому газеткой кирпичу, который одиноко покоился в нише, словно урна с прахом.

– Запах химический, – потянув воздух носом, сказал Арнольд.

– Такой? – дыхнул на него Жорж.

– Фу! Зараза! – поморщился атлет.

– Это я принял от расстройства.

– Ну тикает же, слышите?

Жорж безжалостно утопил свои ручные часы в ванне.

– А теперь?

– Электроника, значит,

– Атомная – еще скажи.

– А, была – не была! – Арнольд сверхосторожно потянулся лапищей к стройматериалу.

– Не трожь, лапоть! – дернул его назад Жорж. – Я понял! Она запрограммирована на разворачивание, фырштейн? Тронешь бумажку – и сразу крякнешь.

– Значит, надо просто вынести ее отсюда, – осенило Арнольда.

– Это и без тебя ясно. – гаркнул на телохранителя босс и потянулся к кирпичу сам.

– Куда полез, Жорж Кузьмич? – остановил его атлет. – У вас же грузоподъемность – сто грамм, уроните еще.

– Ладно. Давай, Арнольд, ты, – охотно согласился с ним Жорж.

– За риск в долларах, – напомнил «камикадзе», засучивая рукава.

– Гут, гут, – выйдя из ванной, пообещал Жорж. – Гуд найт вечным сном. – Он перекрестил спину громилы, выбежал в кухню и спрятался от возможного взрыва за холодильником.

– В гостиной шел допрос. Нахохленная дочь сидела на диване. Папа нависал над ней, как волк над зайцем в «Ну, погоди».

– Так где живет эта твоя подруга? Отвечай! – громко вопрошал он.

– Не знаю, – устало тянула Алла. – Мы собирались к ней поехать завтра.

– Вот! – Он треснул ладонями себе по ляжкам. – Тебе скоро двадцать лет, а любая бродяга с улицы может вытереть об тебя ноги!

– Да что она такое взяла? Если вещи, то это я сама дала ей поносить, – выступила она в защиту подружки.

– Боже правый! – Обессиленный родитель упал на мягкое кресло. – Она ее еще и одела! – Он разочарованно въехал себе пятерней в лоб.

– Папа, ну я прошу, не расстраивайся!

– Не расстраиваться?! – подскочил он. – Да я сейчас расцветерюсь! Да как ты не понимаешь! Она никакая не Наталья, а Каналья! И эту Каналью ты больше не увидишь! Ни завтра! Ни через год! Ни через пять!!! – Наоравшись, он снова рухнул в кресло и, схватившись правой за сердце, левой показал на бутылки в баре. – Налей мне там побыстрей...

– Тебе ж вредно!

– Корвалолола, – еле слышно прошелестел папа, прикрыв веки.

– Сейчас! – Обеспокоенная Алла нырнула в лекарственный отдел мебельной стенки. – Да, я вспомнила... Ее можно найти через одного композитора. Он устраивает ее в модельное агентство. Иван... фамилию забыла... – Она поставила микстуру перед безжизненным отцом.

Тот вдруг ожил: распахнул веки, хищно оскалил зубы.

– А, болгарка Ванька! – Он сгреб со стола записную книжку. – Эта Каналья тебя и врать научила – довольно проверещал, листая странички.

– А его телефона у меня нет, – сказала Алла.

– Ясно! – Папа по-гусарски залепил книжкой в картину. – Телефона нет, но ребенок будет!

– Если и будет, то белый «опель», – возразила Алла. – Я только раз проехала в его машине. Номер, кажется, «М-467-РЛ».

Как только она договорила фразу, Рыкалин бодро вскочил.

– «Опель», говоришь, у-тю-тю! – пискнул он от переполнившего его счастья и побежал из гостиной.

По коридору очень медленно следовала непонятная для непосвященного процессия. Потный, вибрирующий от нервного напряжения Арнольд нес на ладонях вытянутых рук взрывоопасный сверток. Вынос «бомбы» сопровождал Жорж. Прячась за спиной атлета, он шепотом командовал: – Так, чуть правей. Держись, Арнольд, – три метра до сумки.

– Кузьмич, есть зацепка! – радостно крикнул сзади Рыкалин. Арнольд вздрогнул от неожиданности. «Бомба» упала на пол одновременно с Жоржем. С опозданием прилег и папа Аллы. Зомби-Арнольд только тупо посмотрел себе под ноги... В развернувшейся газетке на паркете валялся расколовшийся пополам кирпич. Арнольд поддел его ногой и залился дивильным смехом:

– Бомба с кирпича! Хэх, минеры дерьма коровы!!!

23.

Смычок лежал дома на диване. Голова его была накрыта вафельным полотенцем, как будто он мертвец. В прихожей зазвенел звонок.

– А! – Смычок дернулся, как ударенный током. Сел. Полотенце слетело на пол, обнажив пятнистое от синяков и перекошенное от страха лицо.

– Обрато козлы... Добивать пришли... – пустил он слезу и прокрался на цыпочках в прихожую.

Входная дверь была надежно забаррикадирована. К ней вплотную был придвинут кухонный шкафчик, который в свою очередь подпирали швабра, скелет, трубки от пылесоса.

Смычок бесшумно приткнулся к глазку и увидел загримированного Жоржа, то есть седенького, тщедушного, миниатюрного дядечку с потертым чемоданчиком в комариной руке.

– Что надо? – грозно гаркнул Смычок.

– Горэнерго. Проверка оборудования, – курлыкнул Жорж детским дискантом.

– Одну минуту... Ходят всякие, – буркнул для порядка хозяин, снимая распорки. Дотом отодвинул, пыхтя, шкафчик. Последние силы он потратил на открывание двери. – Входите, – еле вымолвил, тяжело дыша, и тут же был припечатан к стенке могучим Арнольдом, ворвавшимся в квартиру перед лже-монтером.

– Где девчонка? – сразу спросил Жорж.

– Какая? – просипел сдавленный штангистскими лапами Смычок и получил кулаком-кувалдой в живот.

– Ух, – изрек он и уронил голову на грудь.

– Арнольд! – скомандовал Жорж.

Легкая оплеуха привела Смычка в чувство.

– Она от меня ушла. Уехала, – простонал он.

– Куда?

– Точно я не...

Громила отвел кулак для удара.

– Она может быть у подруги в общежитии! – выпалил Смычок.

– Адрес?

– Какая улица я не... Но могу показать!

– Арнольд. – Жорж, выходя, крутнул пальчиком.

– Не убивайте! – взмолился Смычок. – Я еще одну подругу знаю – Алку!

– Молчать, – приказал Арнольд и полез во внутренний карман пиджака.

Смычок ахнул и крепко зажмурился. Атлет достал баночку с тональным кремом и стал аккуратно замазывать синяки на лице предателя,

– А ты – герой, – сказал реставратор физианомии. – Твой кент быстрее тебя продал. Как увидел – сразу доложил: машину давал Смычку, адрес такой-то. Как кликуха-то его? Фингал, что ли?

– Фонарь.

– Да, Фонарь... Он, умник, думал, испугом отделается. А я ему после таких фонарей навешал! Твои в подметки не годятся.

– Спасибо.

– И вот так. – Арнольд прикрыл бланши под глазами бывшего композитора темными очками. – Вперед, – распахнул перед Смычком дверь.

– Спасибо, – еще немного дрожа, опять поблагодарил тот и послушно вышел на лестничную площадку.

– Улыбайся. – Арнольд подтолкнул его в спину. Они стали спускаться.

– Больно, – пожаловался Смычок, растянув припухшие губы.

– Ничего, станешь трупом – полегчает, – компетентно утешил Арнольд.

Смычок, хлюпнув носом, соорудил на лице улыбку до ушей.

24.

Наташка на заднем сидении «москвича» покончила с ярким мажиком, убрала косметичку в сумку, приготовила купюру.

– Вот здесь остановите, пожалуйста, – попросила, пряча деньги. Хмурый пожилой водитель молча подрулил к тротуару.

– Большое спасибо, – признательно улыбнулась Наташка и открыла дверцу.

– Э! А платать не надо? – резко обернулся молчун.

– Ой, простите-извините, совсем забыла! – сконфузилась пассажирка, вылезая из машины. – Забыла предупредить, что забыла деньги. Уж извините, ладно. – Она хлопнула дверцей и понеслась бегом к стоящему не вдалеке общежитию.

– Без денег пешком надо ходить! – рыкнул вслед злой водитель.

Олег с Жэкой «грызли гранит науки». Первый – за столом, второй – лежа на диване.

Ба-бах! – грохнул удар в дверь. Она распахнулась, и парни остолбенели.

– Ну! Каков натюрморт?! – входя, важно заявила Наташка, разряженная в пух и прах, обвешанная золотыми украшениями и раскрашенная французской косметикой.

– В лоб копытом, – охарактеризовал ситуацию Жэка, не сводя восторженных глаз с вихляющей задом девчонки.

– Откуда побрякушки? – спросил Олег прокурорским тоном.

– Не бойсь, взяла поносить, – ответила Наташка, кривляясь перед осколком зеркала. – А воще, робяты, вношу на голосование. – Она села на диван, закинула ногу за ногу, вынула из сумки пачку импортных сигарет. – Давайте дуем в Америку: купим тачку «Ролс-Морс», устриц всяких полопаем...

– На какие шиши? – Олег отобрал сигареты, поставил на стол табличку: «Не курить».

– Шиши будут. Остальное море такое: у меня тут есть знакомый микрик, за мани он сбцаает визы, на «Боинге» мы прыгаем через Атлантик оушен и женим Жэку на Бритни Спирс! Ну как? Джаз?

– Гранж с хип-хопом, – ошалело протянул будущий жених.

– Да, сложный танец – надо покумекать, – сказал Олег. Он приподнял даму вместе с сидением и достал из диванных недр две простыни.

– Не рано ли разморило? – съязвила Наташка.

– Самое время, – убежденно заявил Олег, встряхнув постельные принадлежности.

– Вау! Мне ж надо позвонить! – Жэка подскочил, как ошпаренный.

– Подожди, Жэк, поможешь, – окликнул его друг, заходя за диван.

– Я?! – От изумления у Жэки отвалилась челюсть.

– Вяжи ей ноги! – С командным воплем Олег набросил сзади на Наташку скрученную в канат простыню и завязал ее узлом на спине девчонки.

– А-а-а! – истерично завизжала связанная, вырываясь и лягаясь, но поздновато. Жэка спеленал ее лодыжки.

– Ну, вспомните еще, андрейки-телогрейки! – извиваясь, яростно пообещала возмездие Наташка.

– Вот так, родимая! – Олег подложил ей под голову подушку, увернулся от клацнувших зубов и остолбенел второй раз... Его примеру последовал и Жэка... И Наташка, обречено закусив губу...

Вся троица, не мигая, пялилась с полминуты на потерявший от времени свой цвет коврик. На нем лежали сумка «Симона», отлетевшая сюда в пылу борьбы, и несколько пухлых денежных пачек в долларах.

– Жэк, запри дверь, – первым пришел в себя Олег.

Жэка обошел коврик, словно бездонную пропасть, щелкнул замком.

– Откуда валюта? – Олег сел на корточки и выгреб из сумки еще штабелек перевязанных бечевкой дензнаков.

– Пока не развяжите, не скажу, – показала язык Наташка.

– Жэк, раз ей так весело, просвети, за сколько щас убивают?

– Вчера читал, одного пришили за грамм «снежка».

– Следовательно, нас убьют... – Олег взвесил на ладони купюрную стопку. – Очень много раз.

– Ой, а я же паспорт на вахте оставила! – Наташка опять прикусила губу, но тут же легкомысленно объявила: – Хотя не дрожите, про общагу никто не знает.

– Жэка, – поднялся Олег, – на всякий случай...

– Хоккей. Считай, паспорт у нас. – Жэка вынул из ящика стола красную повязку. – Проникну с тыла, как будто дежурный.

– И позвони в милицию.

– А вот это зря! Только получите за ложный вызов, – предупредила девчонка.

– Хочешь сказать, эти миллиарды те тоже дали поносить? – Олег выглянул из окна на улицу и окаменел в третий раз...

– Да! Эти бабки мне дали на сохранность, – нагло солгала Наташка.

– Так я пошел? – спросил Жэка.

– Поздно. Они уже здесь, – сказал Олег потухшим голосом.

Жэка тоже влип носом в оконное стекло и согласился с другом.

– Да, таких «примусов» к нам давно не заезжало.

–

Внизу у входа в общежитие стоял «Форд-Скорпио» бутылочного цвета. Впереди сидели водитель и Жорж, сзади – Смычок и Арнольд.

Атлет раскрыл на коленях чемоданчик. В нем, словно дуэльные мушкетеры, лежали два уродливых пистолета с противозвучными насадками на стволах.

– Е! – Смычок в ужасе отвернулся.

– Шеф. – Арнольд протянул «магнум» Жоржу и вооружился сам. – Молись, композитор, не найдем – играть тебе на своих похоронах, – улыбнулся он соседу и вывалился из салона.

– Ты стой у двери, – приказал, вылезая, Жорж.

– Да-да-да! Уже стою! Комарик не проскочит! – горячо заверил Смычок, прыгая по ступеням за убийцами.

За входящими в общежитие гангстерами ребята наблюдали уже втроем, вместе с развязанной Наташкой.

– В очках – Ванька, музыкант. Остальных я не знаю, – сказала она.

– Щас познакомишься. – Олег незаметно подмигнул Жэке.

– Ты что, Олеж?! – Наташка замерла, парализованная страхом. – Нужно быстро рвать огородами!

– Нет, солнце мое, мы встретимся, как в море поезда, – Олег занялся какими-то непонятными приготовлениями.

– Жэка! Они же нас кокнут! – плаксиво возопила она.

– Ну и что? Зато наконец усвоим, что иметь ценности, кроме духовных, не так и приятно, – ответил тот, доставая два кирпича, заменявших дивану отлетевшую ножку. – Оружие пролетариата сгодится?

– Угу, сойдет за снотворное, – ответил Олег.

25.

В холле общежития Арнольд показал вахтерше малиновое удостоверение:

- По нашим сведениям у вас находится вот эта девка.
- Жорж наступил ему на ногу.
- То есть дама, – поправился Арнольд, вынимая фотографию.
- Это фоторобот – сходство примерное, – пояснил Жорж.
- Вахтерша поднесла к глазам очки и карточку и вся задрожала, как сеттер на охоте.

- А! Ну канешна... Я и без фоты сразу поняла, – зачастила она вполголоса. – Своих, как эта, у нас близко нет! Юбчонка, что поясок, размалевана хуже клоуна!.. Вот ейный паспорт, сказала в девятьсот двенадцатую, а там, кто его знает? – вытянула она из стеклянной будочки куриную конечность с Наташкиным документом.

Арнольд взялся за паспорт, но вахтерша отпустить добычу не спешила.

- А что, ежели, пока вы наверх, она вниз, ловить? – спросила, еще понизив голос.

- Нихт... Не надо – на выходе наши люди, – сказал Жорж.

Арнольд раскрыл паспорт. Киллеры сличили фотографии.

- Наша картинка лучше, – с гордостью заключил атлет. – Ментам до такого качества...

Договорить он не смог, потому что замычал от боли – это Жорж как дятел клювом, задолбил каблуком по его ступне.

- А! Так вы не с Петровки? – Вахтерша воскликнула свистящим шепотом.

- Да, мы из... Ну, сами знаете... Но об этом никому, ясно? – вкрадчиво распорядился Жорж.

- Канешна-канешна! Значится, дите, а уже шпионка, – покачала вахтерша седенькой головкой.

- Акселерация, – вздохнул Жорж.

- Ах с ей и рация! – Она выхватила из-под стола совок для мусора. – Тогда я то ж с вами – вдрух помощь какая...

- Ни в коем случае! – важно отрезал Жорж. – Ваше задание – фиксировать местную обстановку. За содействие будете отмечены.

- Есть, фиксировать! – Вахтерша вытянулась и отдала честь. Жорж толкнул замороженного спектаклем Арнольда. Тот направился к лифтам.

- Куда попер? – осадил сзади Жорж. – По лестнице – так надежней.

Они взяли курс на лестницу и стали медленно подниматься.

На первом этаже открылись двери лифта. В нем стоял румяный спортивный парень. Наташка пряталась за его спиной. Пропуская даму,

парень повернулся боком. Наташка испуганно влипла в стенку и бесцеремонно потянула его за рукав, переводя в прежнюю позицию.

– Иди вперед, – вытолкнула она парня из лифта и пошла, прикрываясь им, словно щитом. – Ты извини, ко мне какой-то маньяк все время пристает, – объяснилась.

– Хочешь, я ему врежу? – любезно предложил спортсмен.

– Мы все шас тут дуба врежем! – кусая губы, сообщила Наташка и метнулась из-за своего укрытия к настенному телефону. Затем, вертясь от страха, как флюгер, она набрала «02» и торопливо зашептала в трубку: – Мильцинер, пришлите поскорей побольше «ОМОНа», а лучше «Альфы», или нас тут всех перестреляют!.. Кто? Как кто?! Мафия с автоматами! Неужели не ясно?!

26.

В сумрачном коридоре киллеры остановились у двери с номером «912», прислушались. Жорж сделал Арнольду знак: давай.

– За... – открыл тот рот, но шеф оперативно вставил в пасть бледно-зеленую банкноту. Арнольд сунул деньги в карман и высадил дверь легким движением плеча.

В комнате никого не было. Гангстеры вошли, увидели на столе сумку.

– Симона, – прочитал Арнольд надпись. – Это ее.

Они прошли по коврику к столу. Нитка, продетая в дырку паласа, пришла в движение. Из-под двери выползла привязанная к ней бельевая веревка. Она побежала за ниткой, проделась в дырку и нырнула снова под дверь.

– Здесь! – Расстегнув молнию, Арнольд вцепился в сумку.

– Ну-ка, сколько? – Жорж, считая, стал вынимать пачки.

– Нам с вами с головой хватило бы! – хрипло выдохнул громила.

Еще немного и деньги запылали бы под его сумасшедшим взглядом.

– В том-то и дело, что с головой не выйдет – только без, – сказал Жорж тоном психотерапевта. – За такие бабки в Африке найдут и башку отрежут.

– Да что ты скулишь: бабки-мамки! – вспыхнул ополоумевший Арнольд. – Не нашли мы их! Девку в окно – с того света не квакнет.

Жорж бросил денежные пачки в сумку, отскочил, выхватил из кармана «магнум».

– Ты вперед квакнешь, шварцнегыр. – Ловкий ферт презрительно оскалился, целясь Арнольду в лоб.

В следующее мгновение лянлый коврик рванулся из-под ног киллеров к двери. Бандиты, инстинктивно выбросив вперед руки, упали на пол.

Но неприятности для них на этом не кончились. Гвоздем программы был поцарапанный шкаф. Сзади у него почему-то выросли вполне челове-

ческие руки. Они оттолкнулись от стены, и двустворчатая машина обрушилась на незваных гостей.

Шкаф оказался с дефектом – без тыльном фанерки. Мини-полет в нем совершил Олег, экипированный за неимением шлема шапкой-ушанкой. Сразу по приземлению он встал на ноги, сжимая в пятерне кирпич.

Жорж, хоть и с пистолетом, лежал смиренно. А вот полуоглушенный бугай Арнольд еще пытался выползти из-под шкафа, злобно бормоча: «Что за гоголь-моголь...»

– Как, Олежк? – вбежал Жэка с веревкой и вторым кирпичом.

– Да вот одному не спится, – пожаловался ему Олег и, кисло сморщившись, метнул свой кирпич.

Стройматериал пролетел по высокой дуге до бычьей Арнольдовой головы и раскололся на ней пополам.

Громила крикнул, повернул строгое лицо к Олегу.

– Кидаться нехорошо, – сказал он с укоризной и полез правой лапшей во внутренний карман пиджака за оружием.

– Хватай «пушку»! – истошно крикнул Жэка. Забежав с другой стороны, он поднял повыше свой кирпич, зажмурился и разжал горсть.

Красный снаряд шмякнул Арнольду по темени.

– Снова опять, да? – Головица атлета только чуть качнулась.

– Руки на бочку! – приказал Олег, взяв наконец беспокойного киллера на мушку.

– Все-все, сдаюсь. Только нигде не нажимай, а то бо-бо будет – Арнольд послушно вытянул бугристые ручищи.

– Вяжи, Жэк! – скомандовал Олег.

– Да, ногой не очень стрельнешь. – Жэка быстро обмотал веревкой запястья обоих гангстеров. – Два-ноль, – сказал он, разогнувшись и отряхнув ладони.

– Законная победа на своем поле, – согласился с ним Олег. Они с удовлетворением пожали друг другу руки.

– Ух, – зашевелился под шкафом Жорж.

– Не вертись! – прикрикнул на него Олег.

– Хэх, по лестнице! – желчно буркнул Арнольд. – На лифте надо было!

– Очухались. – Встревоженный Жэка взгромоздил на шкаф письменный стол.

– Давай диваном еще придавим, – предложил Олег.

– Ставь, мужики, – злорадно загудел Арнольд. – Я массаж обожаю, а шеф воще-ег!

– Стихни, жаба, – змеино прошипел Жорж и ругнулся по-английски.

– Руки вверх! Стреляю!!! – Вихрем ворвались в комнату трое штатских с пистолетами в вытянутых руках и три камуфляжных омовца с автоматами.

– Приплыли, – тихо обронил Олег, поднимая руки. В комнату с опаской заглянула и Наташка.

– Товарищ главный, это наши! – подскочила она к крайнему из нападавших, плечистому грузному мужчине. Это мои помощники – студенты.

– Да? Опустить! – махнул тот оружием. – «Пушку» сдать. А где урки? А, вижу, только ноги торчат, – зычно затараторил он, убирая «Макарова» в скрытую под пиджаком кобуру. – Ну, с этими все ясно: как говорится, кто смел – тот и сел. Обыскать! – приказал подчиненным. Те бросились разбирать баррикаду. – Спасибо за помощь! – Начальник пожал парням руки. Они сомнамбулически улыбнулись.

– Да, ребята очень помогли. – Наташка отозвалась о друзьях с материнской теплотой и сняла с макушки Олега нелепую зимнюю шапку.

– А, валюта из тайника! – Командир заметил рассыпанные денежные пачки. – Осторожно! Не сотрите пальцы: там должна быть вся цепочка.

– Цепочки не было, – обеспокоено встала Наташка, спрятав золотой крестик за топиком.

– Э-э, цепочка – в смысле, банда, – разъяснил начальник покровительственным тоном и взял девушку за локоток. – Вас же, Наташа, я обязательно представлю руководству. Вы достойны награды! Такое дело про вернуть! Справиться с целой мафией! Уму не постижимо!!!

– Да что вы? – скромно возразила она. – Просто дурацкий случай: подбросила монету – тайник открылся...

– То-то и оно! – Командир убавил громкость ввиду секретности сообщаемого. – В нашем деде везучесть – самое наиглавнейшее! Повезло – поймал, нет – иди-свищи. Так что милости прошу к нашему шалашу. Небоскреб наш находится, – адрес он прошептал. – Пропуск я закажу.

– Ясно.

– Вот и хорошо. А для этих у нас имеется прекрасный землескреб! Хе-хе-хе... Ну а с вами, Наташа, более конкретно поговорим завтра в десять. Сегодня рабочий день закончился.

– Хорошо. Я подъеду. – Она благосклонно кивнула.

– Ну, чо, понял? – тихо сказал Жэка Олегу. – Мы пахали, а она – герой.

– Ну, она получит «гранату»! – Он мстительно сузил глаза.

– И премию с медалью, – добавил Жэка. Арестованных в наручниках повели по коридору.

– Эй, Кузьмич, я стих, кажется, сочинил! – вдруг воодушевлено гаркнул Арнольд. – Летом прут все на юга, кроме босса Кузьмича. Но напала не Че-Ка, девка съела мужика! Ха-га-га!

– Молчать!!! – грозно рявкнул начальник.

27.

Ночью вся общажная комната была залита голубоватым лунным светом. После страстных любовных утех Наташка с Олежкой курили и попили «Чинзано», лежа на диване. Жэка ушел ночевать к своей даме, любовники наслаждались интимом и возможностью поговорить без помех на самую главную тему: «Когда все это кончится?»

– Вот стрельнут в тебя или посадят, ну, что я скажу твоей маме? Она же отпускала тебя в Москву под мою ответственность, – справедливо выговаривал он ей, как добрый учитель классному хулигану. – Зачем обязательно лезть на рожон, глупо рисковать без всякой надобности? Ты же не голодаешь и одежды у тебя полно.

– Джаз, Олежк, хорошо, я согласна поступать на актерский. – Она успокаивающе похлопала ладошкой по его руке, державшей пепельницу. – Ты меня натаскаешь по предметам, а спою там, спляшу я сама на «пятак»!

– Давно бы так! – обрадовался он. – Теперь еще одна перспективка открылась. В связи с нашим успешным задержанием преступных элементов можно пойти в колледж милиции или на юридический. Здесь даже я бы составил тебе компанию. Тогда бы ты хоть играла в свои рискованные игры на законном основании!

– Точно! А это идея! Завтра «закину удочку».

– Ну, слава Богу! А то ведь влипнешь – и в баню не ходи!

– Олежк! – Она вдруг стала принюхиваться. – Тебе не кажется, паленым запахло.

– Не чую ничего такого.

– Да ты дым из носа-то выдуй! – Голая Наташка села на постели. – Может, соседи горят?

– Да нет, успокойся. Просто ты промахнулась и потушила сигарету о мою руку, – нехотя признался парень.

– Ой! Правда?! – Наташка осторожно поднесла ближе к глазам пострадавшую ладонь.

– Да, ерунда...

– Ух ты, йог мой железобетонный – ни звука не издал под страшной пыткой! – Она набросилась на него с поцелуями.

– Да уж! Лучше умереть передом, чем жить задом! – с пафосом провозгласил раненый сигаретой.

– Щас будем лечить. Надо смазать подсолнечным маслом и забинтовать, она встала и пошла к продуктовой тумбочке.

Олег невольно впился вождленным взглядом в ее спину, сужающуюся к талии, как Северная Америка на подходе к Южной.

– Наташ, кончай смеяться! Ничего не надо, – попросил он.

Она, тем не менее, уже достала пузатую бутылку и перевернула ее вверх дном.

– Как раз осталось на смазку боевой раны. Давай дырявую лапулю.

– Ну, на, на. – Он обречено подставил длань. – Терапевтка ты моя, ненормальная, – паровозно вздохнул.

– Какая есть! – кокетливо изогнулась Наташка и накрыла горлышком бутылки красное пятно на коже.

28.

А потом дробно стучал по асфальту плотный дождь. Наташка с Олежкой бежали, держась за руки, весело шлепая по лужам. Брюки и майки на них были мокрыми, хоть выжимай, но сухие граждане, укрывшиеся от ливня в подворотнях, провожали их завистливыми взглядами – они завидовали безрассудному счастью молодых...

– Олечк, нос заледенел, – пожаловалась Наташка.

– За мной! – Олег свернул в магазин «Комильфо», протащил девушку до секции «пальто, шубы, куртки», схватил с вешалки короткое манто, кинулся к примерочной кабине.

– Молодой человек, это же женское! – крикнула продавщица.

– А я жене! – Он затолкнул Наташку в кабину, обернул в пушистый мех. – Тепло? – спросил, обняв, прижавшись щекой к щеке.

– Угу, – кивнула она, – ну и дождь...

– Всемирный потоп!

Они застыли в долгом поцелуе.

– Ну как, подошло? – любопытствовала из-за занавески беспардонная продавщица.

– Нет, не подошло... Внизу длинновато... – Олег вылетел с манто из примерочной, вернулся с огромной шубой.

– Эх ма, была ведь денег тьма, – чуть грустно вздохнула Наташка, одев шубу и посмотрев на цену с тремя нулями.

– Зато в разведку попали за так, – подмигнув, сказал Олег.

– Не за так, а, рискуя жизнью! – поправила его она.

– Моей, – уточнил он.

– Нашей. – Подлизываясь, она впилась ему в губы, и они снова отключились от действительности, обнимаясь и целуясь.

– Орел, как слышишь? – сказала вдруг Наташкина клипса Жэкиным голосом.

Недовольно простонав, любовники нажали кнопку на часах-кулоне и хором ответили в него, как в микрофон: – На проводе.

– Дуйте быстро на базу. С вещами, – проверещала клипса. Теперь молодые люди застонали от радости, но обняться не успели.

– Занавеска примерочной порхнула в сторону, выход из кабины был перекрыт двумя секьюрити с пистолетами наголо и бдительной продавщицей. Наташа с ужасом узнала в охранниках Лосося и Смычка. Торгашкой прикинулась вахтерша общежития. Последняя сжимала в руке вешалку.

– Только не с нашими! – гневно заявила она и добавила пренебрежительно: – Орляты!

– Но Олег не растерялся, бросил под вражеские ноги голубую капсулку. Она полыхнула ослепительным фосфорным взрывом. Тройка нападения мигом скрючилась на полу...

– Наташка в шубе и Олег с зонтом выскочили из магазина... И застыли соляными столбами на тротуаре... На широкой мостовой их поджидала целая боевая армада. Это была засада по всем правилам военного искусства. Скалообразный Арнольд восседал за рычагами многоствольной установки залпового огня «Град». Иезуит Жорж сделал им козу из кокпита истребителя. Остроносые ракеты под крыльями самолета были строго направлены на влюбленных. Фонарь презрительно скривил тонкий рот, высунувшись из люка башни огромного танка.

– Говорил же: бо-бо будет, – ласково напомнил Арнольд и навел все сорок жерл установки на молодую пару.

– Прощай, на всякий, родная, – обреченно сказал Олег и нажал на кнопку.

– Большой черный зонт раскрылся с характерным хлопком, взлетел вверх и поплыл в воздухе над смертоносными машинами... Головорезы в комуфляже проводили удивленными взглядами необыкновенный летающий предмет...

– В руке Олега осталась толстая кривая ручка трости. Неожиданно она задержалась, выпуская автоматную очередь!.. Снаряды, ракеты и трасирующие пули ударили в ответ!..

–

– Наташке такой поворот в сюжете не понравился, и она открыла глаза. Олежкино безмятежное лицо было совсем рядом на подушке. Ее нежно любимый «Клайд» чуть слышно посапывал во сне.

«Ох, опять шиза приснилась, – сказала она сама себе. – Так, пока Олежка дрыхнет, нужно катапультироваться. Ишь, чего придумал: учеба до седьмого пота! Буду я портить время на эту чепуху. Жизнь дается один раз, и прожить ее надо «звездой»!.. Теперь я прикинута не хуже Мадонны. Пора обрушиться на Валерку из рекламы, через него – на «Ред Старз»... И на Таньку Хмель! Ой, надо ж еще заскочить к ментам и потрепаться про весь тарарам... Нда, делов – невпроворот!..»

Наташка тихонько встала, оделась, смахнула драгоценности со стола в сумку, повесила «Симону» на плечо.

– М-му! – послала она воздушный поцелуй спящему бойфренду и выскользнула из комнаты.

В коридоре не было ни души. Беглянка пробежалась до лифта, спустилась вниз. В холле общежития отсутствовала даже вахтерша. Наташка открыла задвижку на стеклянной двери и оказалась на утренней пустынной улице.

Ее сразу приятно обдуло теплым ветерком. «Первым делом надо махнуть к Верке, – подумала она. – Небось, вся изволновалась. Да и в ванну надо занырнуть.»

Приняв программу первоочередных действий, Наташка быстро заменила к троллейбусной остановке, на которой уже томились в ожидании несколько ранних «пташек».

– Я – комета во вселенной! Я – принцесса автостопа! – весело, но негромко пропела заводная девчонка, увидев спешно мчащийся прямо к ней общественный транспорт.

29.

Белая «десятка» стояла у тротуара. По нему шли люди, выходившие из недалекого стеклянного павильона метро. В «жигулях» сидели трое оперов и Наташка. Командир шушукался с девушкой на заднем сидении. Бойкая пигалица бросила взгляд на часы.

- Опаздывает, урка немытая!
- Но эта Танька Хмель точно из нашей банды?
- Точно-точно! Я про нее слышала от этого... Фонаря... Ну, она, конечно будет плести, что поет в группе «Эфедро», но это все прикрытие.
- Понятно. А название мне что-то напоминает... Эфедрин – вот что!
- Да, зуб на операцию отдаю! Она – пушерка!
- Эт хто?
- Распространительница наркотиков!
- Да?
- Два! Вы за наркоту ее и повяжите! «Собачий нос» с собой?
- Не, мы же не знали ...
- Джаз! Так регистрации у нее нету!
- Ну, тоды конечно! Железно берем до выяснения!
- О! Во она – металлистка клепанная! – Наташка показала пальцем на выскочившую из метро рыжую девицу в косухе и красной миниюбке. – Во метет! Опять, видать, стибрила что-то.
- Так она еще и крадет?
- Коэшна! Воровка на доверии! Так, вы ее хватайте. А я побежала.
- Орлы, вперед! – скомандовал начальник.
- А я – назад, – выскользнула из авто Наташка. – Ориведерчик!

Болтушка на предельном скорости рванула прочь от «десятки». Два опера в штатском сомкнулись стеной перед Танькой. Она вмазалась в них с разбегу.

– Гражданка, ваши документы, пожалуйста!

– Вы что, ребята, охренели! Я на репу опаздую! – гневно взвизгнула певица. Танька попробовала прорваться в обход. Опытные сотрудники дружно схватили ее за руки и поволокли к машине. Начальник услужливо раскрыл дверцу.

– Козлы! Я же Таня Хмель! Звезда! Вас всех постреляют! А-а-а!!! Пустите!!! – орала, вырываясь, певичка, но силы были неравные. Таньку задвинул собой в салон один опер. Другой нырнул за руль. Белая «десятка» помчалась по летней московской улочке.

30.

В маленьком сумрачном зале была освещена только сцена. На ней сидел за барабанами ударник, клавишник пумкал слегка по синтезу. Вихрастый парень в майке с восклицательным знаком на спине понуро бродил с гитарой наперевес по авансцене. Это был лидер группы Гарик.

– Черт! Где же носит эту сучку? – раздраженно брякнул он.

– Мда, а вечером лажанемся, – каркнул клавишник.

– Мальчики! Всем привет! – из мрака зала вылетела к подмосткам Наташка. – Так, Танька приболела, – она щелкнула пальцем по горлу, – попросила меня попеть за нее. Вопросы есть?

Наташка уже запрыгнула на сцену и вынимала из стойки микрофон.

– А ты кто такая? – покосился на разбитую девчонку Гарик.

– Я, Гарик, невеста продюсера! – сделала шутливый книксен Наташка – И с Танькой мы подруги.

– Но у Хэвика вроде жена еще не умерла, – с подозрением заметил клавишник.

– Ну и что? Разведется! – весело заявила Наташка. – У нас воше есть варьянт вместе попробовать. Как «татушки». Ну, Гарик, поехали!

Стремительный напор незнакомки был таким уверенным, что лидер сдался.

– О'кей, бэби. Вадик, со второй цифры. Хуга, ты где?

Ударник раскатисто всупил, добавил мелодии клавишник, из-за кулисы вывалился здоровяк-басист, Гарик повел соло. И запела высоко и задорно Наташка:

– Нет в любви стратега выше,
но и ты вдруг в понедельник
на подушке неостывшей
лишь нашаришь мой ошейник -
свой подарок цепь с топазом,
представляю микро-бурю:

плюнешь ты – ушла зараза –
и найдешь мечту другую.

Озорно вихляя рельефной попкой, Наташка выдала припев своим потрясающе-обольстительным сопрано:

– Стрекоза! – твердят друзья.

Под венец! – грозит родня.

Но лечу по свету я,
здесь сегодня, там вчера,
завтра на Ривьере!
Всем – ла риведери!

Последний, третий куплет песни Наташка и Таня Хмель пели уже вместе. Вокруг них трепыхалась в дыму кордебалетная стая. Концерт шел на огромной сцене «Олимпийского». На первых рядах сидели действующие лица кинофильма. Сидели – скромно сказано. Они подпрыгивали от восторга, махали зажатыми в пальцах горящими зажигалками. В общем, зрители вели себя оторванно и тусовно.

Наташа и Таня зажигали публику очаровательным двухголосьем:

– Говорят, моя прабабка

из десятого колена

удалой была пираткой,

и на мне сказались гены.

От братвы перед разгромом

говорят, она сбежала

на плоту сокровищ полным

да с плененным адмиралом.

– Стрекоза, – твердят друзья.

– Под венец! – грозит родня.

Но лечу по свету я,

здесь сегодня, там вчера,

завтра – на Ривьере!

Всем – ла риведери!

Вот так билась, билась Наташка. И, наконец, пробилась. Пробилась на эстраду. Конечно, она очень довольна собой. Лицо сияет счастьем.

Любая бы девчонка в ее возрасте радовалась бы точно так же. Тем более что Наташка ворвалась на поп-олимп без посредничества всяких там звездных фабрик.

31.

Хэппи энд!

В платье от Лагерфельда Наташка ехала в умопомрачительном лимузине по бульвару Уилшир в Лос-Анджелесе. По бокам сидели Олег и Жэка в белых смокингах.

Затем Наташка расточала улыбки на светском рауте в фешенебельном отеле «Палм Спрингс». К ней подходили по очереди целоваться Мадонна, Уитни Хьюстон, Киану Ривз, Ричард Гир и другие знаменитости первой величины.

И вдруг она перенеслась в громадный нью-йоркский Мэдисон-Сквер-Гарден. Легенда рок-музыки Карлос Сантана опустил на одно колено и вручил ей золотую статуэтку «Грэмми»! Сумасшедшие меломаны в зале свистели и рукоплескали российской Мегазвезде!

– Подъем! Ноль до старта! Ключ на взлет!– весело тормозил сонную Наташку полностью одетый Олег.

– О, Олежка!– Наташка внезапно повалила мужа на постель, стала сдирать с него рубашку.

– Стой! Брэк!– слабо отбивался супруг.– Нам некогда!

– Ерунда! Щас заделаем пару деток!– Наташка умело освобождала парня от брюк.

– Каких деток? Тебе через час надо быть на примерке в Доме Моды!

– Молчать! Хочу сначала примерку на тебе!

Голый Олег нырнул под простыню. На тумбочке затрезвонил мобильник.

– А, джаз!– Наташка схватила наглый электронный приборчик и выкинула его в открытое окно.

Мобильный телефон цвета «мираж» долго летел, переворачиваясь, над московской улицей. Наконец дорогой блестящий аппаратик благополучно упал на мягкий зеленый газон. Его оперативно подобрал небритый мужик в замызганном пальто.

– Тэкс, сегодня на шесть минут позже. – Бомж посмотрел на часы. – Выбилась из графика, понимаешь! А тут трубы горят!!! – горячо возмутился он и пошел широким шагом к магазину.

32.

В Америке сравнительно недавно родилась, как Феникс из пепла, новая наука «Мерфология». Начало ей положил Первый закон Мерфи: «Если неприятность может случиться, она случается».

Таких аксиом, отражающих причинно-следственную связь разных событий в жизни человека, в Мерфологии теперь великое множество. Есть в экзотической дисциплине и закон Мэриана, который и подвигнул меня на сочинение истории разбитной девчонки Наташки. Вот постулат во всей красе: «Находишь всегда то, что не искал».

Звонок из космоса

Изменять мужу красотка Люся Бахметьева поехала на троллейбусе. Она давно не пользовалась общественным транспортом, и перенесенная тягота должна была еще больше увеличить глубину ее нравственного падения. «Христос шел на Голгофу пешком, да еще крест на себе тащил. Пусть мой путь тоже будет трудным», – самоотверженно постановила она и решительно пошагала к остановке с плотной толпой простых смертных.

Наконец подошла нужная колымага. Люся взобралась на ступеньку. Кто-то заботливый предложил Люсе подняться повыше. Она вскинула глаза и улыбнулась. Это был симпатичный парень, очень аккуратно причесанный, в бежевой куртке из плащевой ткани и модных брюках-галифе. «Приятный кадр. Видно, я неплохо выгляжу», – томно подумала Люся, прекрасно зная, что Сидни Кроуфорд уже лопнула от зависти. По последним наблюдениям оккультистов, смелая мысль, направленная точно на объект, разит его наповал. «Ух ты! Точно гоблин втюрился. Смертельно! А что, может, с этим переспать?» Протиснувшись между двумя толстухами, Люся очутилась возле него, немного смущенного и наэлектризованного, как конденсатор.

До следующей остановки они молчали... «Ну, вообще-то хорошо, что он стоит рядом и сопит мне в ухо. Не надоедает, – расслабленно подумала Люся. – Нет, да вы посмотрите на идиота! Стоит, сопит и помалкивает! – раздраженно заключила она еще через остановку. – Едет себе и молчит, а что у него на уме неизвестно... Ишь, прижался сбоку. Может, чего задумал? Мама мия!! У меня же сто баксов в кармане! Украдет еще, вон какими глазницами смотрит!!!» – Люся крикнула про себя, уже свирепея.

– Чего уставился?!

– Я не на вас смотрю...

– И не дыши мне в ухо. Сопишь как паровоз!

– Да я и не дышу на вас совсем...

– Вот и не дыши! Чего прижался? Ну-ка отвинься!

– Да здесь тесно очень! Я и так на одной ноге стою...

– Вот и стой. Мне выходить скоро.

Чтобы не волноваться за деньги, Люся опустила в карман плаща руку, достала сотню долларов и зажала ее в кулачке. Парень почему-то поморщился, но промолчал.

На следующей остановке Люся выпрыгнула на асфальт. Троллейбус вжикнул дверьми и помчался дальше. «Вот и все. Разошлись, как в море корабли», – умиротворенно подумала Люся, вдохнула прохладный апрельский воздух, разжала кулак... На ее миниатюрной ладони лежала смятая купюра достоинством в сто рублей. «Что же это такое?! Я украла, как мелкий карманник! Это к нему в карман залезла! К гоблину-пассажиру!! – переполошилась Люся. – Это знак ошибки. Может, повернуть, пока не позд-

но?» Сомневаясь, она остановилась, но тут же взяла себя в руки и продолжила падать в бездну греха. «Нет! Раз я для НЕГО ничто – я и стану ничем. Воровкой уже стала! А теперь стану и путанкой! Вот так!!!»

Космолет с Танидада представлял собой четыре соединенных шара. Самый большой в центре – жилой блок, в трех маленьких, расположенных по краям большого, находились ионные двигатели. Сейчас работала правая дюза, а корабль летел влево, по направлению к лазурной планете в легкой туманной дымке.

В огромном черном зале под потолком-экраном полулежали в глубоких креслах пять исследователей грамма-пространства. Разговаривали они, еле шевеля бескровными губами на бесстрастных, отрешенных лицах, вообще-то очень похожих на человеческие.

– Вот та самая Синяя планета из 7136-го скопления тел. На ней живут существа, во многом идентичные нам, – сказал старший исследователь Латаэл на танидадском языке. – Я уже спускался на нее в прошлой эре. Сейчас мы посмотрим, что изменилось с тех пор.

– А сейчас мы будем спускаться? – возбужденно спросил молодой практикант Иригел. Он впервые участвовал в космической экспедиции.

– В зависимости от обстоятельств, – спокойно ответил мудрый Латаэл. – Может, у них там не все в порядке. Хотя пробу грунта желательно взять. Из прошлой пробы выросли совершенно роскошные цветы!

– Внимание! Включаю аналитический обозреватель, – резко объявил штурман Мантар. Он ядовито скривился от последней неделовой реплики старшего.

Все астронавты сосредоточились на экране. На нем появился проспект Мира в Москве. Небо красиво окрашено в розовые тона предзакатным солнцем. На тротуарах многолюдно: народ возвращался домой с работы, толпился возле станций метро и кинотеатров.

Матерый мошенник Руслан Лилов проживал в монументальном помпезном доме. Крепкая постройка сталинских времен. На кухне, обставленной итальянским гарнитуром под красное дерево, он нагружал деликатесами передвижной столик и бодро говорил коллеге по аферам Марату Шаповальянцу:

– Искал я этого фрикера полгода. На той неделе купил у него плату для прослушки за пять штук баков. Работает потрясающе! Просто набираешь любой номер, который тебя интересует – московский, Владивостокский по коду, без разницы. И все! На твой автоответчик записываются все разговоры жутко безразличного тебе абонента.

– Фантастика! – пораженно прошамкал Марат, пожирая увесистый бутерброд с ветчиной.

– Слушай про главный изюм! – Руслан сделал таинственную физиономию со страшными вампирскими глазами. – Я снял телку, она щас у меня в бунгале – жена зама преда Марко-банка!

– Да ты чё! – Марат от потрясения перестал жевать. Так и застыл с набитым ртом.

– Щас я выведываю ее номер и ставлю на прослушку. Олух-муженек звонит кому-нибудь из дружков: мол, в четверг ожидается повышение котировок акций АО ТНК. Мы быстренько скупаем по сто, а в четверг продаем по двести. Все, Мурик! Золотая жила!!! – Руслан суматошно похлопал пятерней по мясистому плечу друга.

– Ну ты зверюга! – Марат снова зажевал, блестя счастливыми глазками.

Красотка Люся (та самая чья-то жена) сидела в гостиной за эллипсоидным столом немецкого гарнитура. Судя по всему, пребывала она в меланхолично-печальном состоянии. Никаких радужных перспектив не намечалось. Перед ней лежал глянцевого журнала, но она сомнамбулически разглядывала картины на стенах – копии замысловатых полотен Дали в металлических рамах.

«Долго он там будет еще ковыряться? Не мужик, а тормоз какой-то! Сейчас встану и уйду... Ага, а потом опять хоть на стенку лезь!» Мрачные мысли в хорошенькой головке определенно гармонировали с больным, искаженным взглядом на мир сюрреалиста Дали. Миражи гипнотизировали Люсю, она не могла сдвинуться с места, сидела как приклеенная...

В шарообразном космолете старший исследователь продолжил лекцию о Земле:

– На Танидаде мы общаемся либо голосом, либо посредством телепатии – вне зависимости от расстояний. Синяне же для связи на расстоянии пользуются аппаратом, называемым телефоном. Сейчас мы вступим в такой контакт с помощью энта-луча низкой частоты. Кто хочет лично послушать и симитировать их мелодичную речь?

– Можно я, уважаемый Латаэл? – Практикант даже подпрыгнул и задрожал от возможности осуществить давнишнюю мечту.

– Конечно, милейший Иригел, – разрешил старший исследователь и окатил практиканта жаркой теплотой отеческого взгляда. – Я тоже когда-то был молодым и хорошо понимаю твою заинтересованность.

Штурман опять поморщился. Его покорежили сентиментальные слова командора, неуместные на серьезном научном судне.

– Внимание! – железно рывкнул он. – Энта-контакт готов!

На столе рядом с журналом лежал мобильник «Верту». Вдруг гаджет зажужжал пчелиным зуммером. Люся беспомощно посмотрела на закры-

тую дверь, за которой пять минут назад исчез хозяин. Зуммер повторился. Люся нерешительно взяла трубку.

– Да, я слушаю, – сказала она своим высоким ангельским сопрано.

Для Иригела ее голос был самой приятной и волнующей музыкой.

– Я слушаю, – обалдело произнес он чарующие звуки.

– Это ТЫ?! – удивилась до визга Люся и запоздало прижала свободную ладошку к губам.

– Это ты. – Ответ Иригела был простым повтором и поэтому прозвучал утвердительно.

– Но как ты узнал номер?! – истерично воскликнула Люся и нервно забарабанила пальчиками по столешнице.

– Узнал номер. – Иригел пробовал на вкус, смаковал чужой язык.

– Подожди минутку! Я сейчас!! – вскрикнула Люся, чувствуя, что сходит с ума.

– Минутку! – заявил Иригел с бурным восторгом, довольный, что запомнил еще одно земное слово.

Люся бросила мобильник на журнал, грубо отпихнула от себя резной стул и в гулком сердечном смятении ринулась прочь из квартиры. В дверях она чуть не столкнулась со столиком на колесиках, накрытым с ресторанным размахом. Его толкал перед собой Руслан, сияя самодовольной фарфоровой улыбкой.

– Люся! Куда ты? Ну, извини, я немного задержался! – оперативно повинился он. Но попытка спасти положение не прошла.

– Вы едете мимо – вот и проезжайте!!! – гневно выкрикнула ловеласу Люся, оттолкнула моторизованный столик и ведьмой пронеслась в прихожую. Там она чуть повозилась с замком и выскочила на лестничную площадку.

Пока Руслан ловил драгоценный столик, помчавшийся в гостиную болидом, Люся уже летела во весь опор по ступенькам на своих высоченных каблуках.

На экране танидадского космолета появилось изображение землян крупным планом. Латаэл эпатировал менее опытных астронавтов глубокими познаниями:

– Если у нас все дети рождаются среднего пола и только потом, в зависимости от наклонности, уходят кто в слабый, кто в сильный пол, то сияне появляются на свет сразу разнополыми.

– Да, смотрите, и маленькие, и большие... Они все – определенно разные. А что делать, например, индивидууму сильного пола, если его нет быть слабым? – спросил биоинженер Сихнур.

– Наверняка у них есть какая-нибудь технология по смене полов. Но чтобы разобраться в этом, надо внедриться в их общество, а наша задача – незаметно взять пробу грунта, – дал исчерпывающий ответ Латаэл.

- И получить цветы, – язвительно добавил штурман.
- Да, Мантар, лучше получать цветы, чем опасность для всей нашей миссии! – резко осадил его Латаэл.
- А я бы остался на время на Синедаде. Мы ведь так похожи, – мечтательно пробулькал Иригел. Он все еще находился под впечатлением от непостижимого по красоте звучания контакта.
- Что, понравились синянки? – добродушно улыбнулся Латаэл.
- А разве они могут не понравиться?
- В прошлый раз один тоже хотел остаться.
- Это кто?
- Это я.
- И как они тебя встретили?
- Так, что еле тело унес! Оказывается, в их атмосфере у нас светятся глаза.
- Конечно, это может напугать.
- Еще как! – Латаэл нажал на плечевую кнопку, легкий скафандр разошелся на груди с бледным круглым синяком. – Вот тут у меня осталось памятное пятно от удара твердым предметом.
- Тогда лучше ограничиться цветами, – вздохнув, благоразумно заявил практикант.
- Иригел, ты мудреешь с каждым мгновением, – Латаэл похвалил молодого танидадца. Затем зычно скомандовал: – Мантар, поворачивай в поле!
- Внимание! Всем врубить магнитные присоски. Переключаемся на третью дюзу, – ворчливо объявил недовольный всем на свете штурман.

С Русланом Лиловым Люся познакомилась в фитнес-клубе. В его объятия ее толкнула хроническая холодность супруга Павла, обнаружившаяся вскоре после свадьбы. Получалось, что она была ему нужна только как красивая ширма. Ну, принято теперь появляться на светских приемах с прелестницей-женой в платье от Юдашкина и бриллиантах по десять карат!

Люся ехала домой в такси и думала, что, раз ОН ее выследил (а Павел запросто мог приставить к ней дюжину детективов из агентства «Рекс»), значит, все не так уж и плохо. Значит, он спохватился, взревновал, лед растаял, и каменное сердце ожило!

В собственную антикварную квартиру Люся ворвалась стремительно, как бывалый налетчик. Для полного соответствия не хватило грозного крика «Ограбление! Всем – на пол!» Однако Айсберг и Снежный Король – муж Павел – индифферентно громоздился за компьютером и не обратил на нее никакого внимания. Словно муха в форточку просочилась. Он был полностью поглощен предельно кропотливым занятием – вносил в память умного агрегата столбцы многозначных чисел со значками, обозначающи-

ми доллар США, евро и фунт. Большая комната тонула в полумраке и тумане табачного дыма. Только над столом дражайшего супруга с безупречным лицом римского патриция светилась яркая галогенная лампа.

Люся села на диван, обтянутый вычурно раскрашенным муслином, и закурила сигарету «Винстон». Взгляд ее потух. И тут же зажегся раздражением. «Нет, звонил явно не ОН, – подумала она. – Значит, одно из двух: либо у НЕГО есть другая... Либо – другой...»

– Паша, мы сегодня куда-нибудь едем?! – Люся крикнула как слабо-слышащему.

– Минутку, – произнес муж голосом робота-киборга.

«Нет! Это был ОН!!» – ураганом пронеслось в Люсином мозгу, а в груди бешено застучал «пламенный мотор».

Паша закрыл файл, плюхнулся на диван рядом с женой и неожиданно крепко её обнял.

– Люська, я нашел ошибку в одном нашем суперпроекте! – с дикой радостью воскликнул он. – Недели три, наверно, корячился.

«Нет, звонил не он», – Люсино сердце камнем упало вниз.

А Паша развел ручищи, потянулся по-котиному, затем напряжинился, просунул правую длань под её напрягшиеся ляжки, левую – за вибрирующую спину, легко поднял Люсю с дивана и понес в спальню.

– Что ты меня тащишь, как маньяк! – бурно возмутилась Люся. В ней совершенно некстати проснулась школьная учительница, которой она еще недавно работала. – Спрашивать надо разрешение, прежде чем кого-то хватать!

– Извини, кисуля, я еще исправлюсь, – бормотнул Паша, открывая ногой дверь.

– То ты вечно задом, как избушка, – не допросишься! То прямо тащишь!! – В нахлынувшем вдруг упоении Люся стала колотить кулачком по широкому Пашиному плечу. От долгого ожидания вожделенного момента сексуального домогательства с ней случилась форменная истерика. – Гад! Гад!! Гад!!! – брызжа слезами, верещала она. – Я чуть не сдохла совсем! Мерзавец!!!

– Ну, прости придурка!

Паша слизнул соленую влагу с ее щек, и они полетели, как пингвины в воду, на мягкую безразмерную кровать с высокой, блестящей черным лаком, спинкой.

Буквально через три дня трудоголик Паша получил солидную премию за найденный им просчет в крупной банковской инвестиционной программе, а также недельный отпуск. Супруги Бахметьевы благополучно перелетели на аэробусе в Барселону. Там они беспрестанно целовались, как влюбленные подростки, в фантастически прекрасном парке архитектора Гауди, легкомысленно сорили деньгами в ресторанах и кафе с уличными

столиками и очень много смеялись, словно их постоянно щекотали невидимые эльфы.

Иногда Люся вспоминала о своем несостоявшемся грехопадении. Теперь она точно знала, что Паша не имел никакого отношения к тому загадочному звонку – в роковой момент Паша был полностью поглощен витиеватыми блужданиями в лабиринте сложных вычислений. «Кто-то просто ошибся номером», – Люся нашла наконец удовлетворительное объяснение и, облегченно вздохнув, вычеркнула из памяти исторический контакт с могущественной внеземной цивилизацией. Как несущественную деталь. Сейчас гораздо важнее было чуть подправить макияж и пулей спуститься из гостиничного номера вниз, в вестибюль – Люся с Пашей уже опаздывали на концерт блестящего виртуоза игры на рояле Дениса Мацуева.

Новая Одиссея

Огромный жилой массив, напоминающий скальную гряду из прямоугольных глыб, смотрел в мир тысячью своих окон. За одним из них женщина (про каких говорят: «Не женщина, а мечта!») прихорашивалась у зеркала, прижимая к уху телефонную трубку.

– К тебе, как в космос, не пробиться! Отвечай, где носило? – кричала трубка дамским альтиком.

– Нигде. Я телефон отключаю.

– Работаешь? Брось! Пора размагнититься. Давай куда-нибудь прошвырнемся.

– Ничего я не работаю. Просто мне сейчас вреден внешний мир.

– Что ты говоришь?! Была у врача? Не тяни!

– Не тяну. Все нормально. Второй месяц.

– Ну ты даешь!! А я боюсь как огня: это же рожать, стирать, кормить, не спать!..

– Значит, не пришло твое время.

– А как отец? Цветет и пахнет?

В прихожей раздался мелодичный звонок.

– Сейчас посмотрю.

– Пришел?

– Да. Я потом позвоню.

– Держу за тебя кулак!

«Мечта» бросила трубку на аппарат и побежала на звук, но остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду, погрозила себе пальцем и пошла медленно.

В прихожей она открыла дверь и невольно отшатнулась. Шумно дыша, в квартиру проскакала на четырех конечностях собака-человек. В зубах существо держало букет гвоздик, со спины, мехом кверху, свисала дубленка.

– Ой! Как ты меня напугал!

«Мечта» приняла цветы. Гость встал с четверенок, чмокнул ее в щеку и неожиданно спросил:

– Посмотри, пожалуйста, что у меня с лицом?

Лицо было приятное, синеватое от бритья и красноватое от морозца. И вообще, молодой человек был парнем хоть куда!

– Все нормально. – Она пожала плечами.

– Да? Ну, слава Богу! А то я уже черт-те что подумал, – сказал он, проходя в гостиную. – Значит, это от чувств.

– Что? Не поняла.

– Да понимаешь, я иду, а вокруг бабы падают. Взглянут на мою мужественную физию – и брык с катушек от любви. Весь город усыпан трупами!

– Трепач! – Она толкнула его кулачком в бок, но он этого не заметил. Он потирал ладони над столом, изящно сервированным на две персоны.

– У-у! Чего только нет: бананы, ананасы, полукопченые колбасы!!

– Да. Коптили-коптили и надоело.

Они сели друг против друга, как гроссмейстеры за шахматную доску, и стали передвигать поближе к визави, будто фигуры, фаянсовые пиалы с зернистой икрой, голландским сыром, маринованной кукурузой, салатами оливье и из креветок. «Партию» быстро выиграла «Мечта» – через минуту почти все деликатесы оказались на половине стола «Парня хоть куда».

– А-а! – догадался он, разливая коньяк. – Ты звонила на работу, и тебе сказали, что меня повесили.

– Нет.

– Так в честь чего праздник живота?

– Прощальный вечер. Завтра я уезжаю в отпуск.

– Скатертью дорога!

Они чокнулись. Он выпил. Она пригубила. Стали закусывать.

– И все-таки ты – колдунья! Столько заморских яств! – Он провел рукой над столом.

– А это не я.

– Но-но!

– Серьезно. Это бывший муж. Ты что, забыл? Он директор магазина.

– Зачем же ты бросила такого мужа?

– Друзьями не сошлись.

– А это тоже он? – «Парень хоть куда» теперь имел в виду мягкую итальянскую мебель, румынскую стенку с хрустальными вазами, фужерами и фолиантами, книгами, узбекский ковер и немецкие кружевные занавеси.

– Это я и родители.

– О! За родителей! – Он выпил еще рюмку.

– А что там у вас за повышение?

– Перевели в головную лабораторию!

– А говорил, что самый бездарный.

– Поэтому и перевели.

– Ой?

– Честно! Ты бы слышала, что творилось на ученом совете! Один встает, второй: он такой, он сякой, карандаш заточить не может! Короче, гнать его и точка! Вот тут главный и говорит: «Ничего не может – какая яркая индивидуальность!» И взял меня «наверх».

– Когда же ты поумнеешь? – Она покачала головой.

– Дальше некуда. Демонстрирую. Берем что угодно. Вот! – Он взял ломтик корейки. – Ты знаешь, как образуется этот продукт?

– Не знаю.

– А я знаю. Свинью надо неделю кормить, а неделю бить палкой, тогда сало будет с прослойкой.

«Мечта» звонко рассмеялась и прикрыла рот ладонью.

– Ладно, давай спляшем.

Он врубил музыкальный центр «Панасоник» и потянул ее танцевать. Она было отдалась буйному рок-н-роллу, но вдруг вырвалась: – Осторожней!! Задергал совсем!

Он прижался, повел медленно, тихо сказал:

– Знаешь, хорошее дело браком не назовешь, но я бы на тебе женился...

– Жениться – это не фокус...

... Внизу, под многоэтажной стеной горели фонари. Где-то в одном из полых кубиков бетонного нагромождения «Мечта» разговаривала по телефону с подругой.

– Ну, сообщила будущему папашке известие?

– И не собиралась.

– Не поздно ли в прятки играем? Он же может и к другой улепетнуть!

– Хорошо бы...

Как раз из подъезда вышел счастливо сияющий «Парень хоть куда». Он помахал рукой высоким окнам, подпрыгнул и помчался, как пацан, в сторону маршрутки с зеленым огоньком.

Наверху, за серыми панельными стенами, соединенные вибрирующим проводом, бросали в трубки импортного дизайна важные слова верные подружки:

- И все-таки я против детей без отцов.
- Ты за отцов-детей?
- Ой, не знаю. Нет! Чем рожать, лучше – в иллюминатор и на дно!
- И там никуда не денешься.
- Да, природу не обманешь... И как ты его отошьешь?
- Никак. Закроюсь в своей норе и буду изучать пособия по материнству.
- Тогда я его приватизирую.
- Ты что, мать Тереза? Он же гол, как сокол! Бюджетник, живет с маман в полуторке...
- Ничего, одного я тоже потяну.
- А как же твой грек? Он же в Афины тебя везет, с анохранизмами знакомить!
- Ну и что? Мне нужен ЧЕЛОВЕК, а не грек! А таких Анасисов вечером в каждом кабаке пачками валяются.
- Ну, спасибо тебе! Прямо камень с плеча... Если у тебя выгорит, ресторан с меня.
- С меня, Пенелопка! За исполнение желаний взяток не берут.

Слалом под гробом

В понедельник утром собрались в офисе радостные сотрудники, отдохнувшие и помолодевшие за уик-энд. Трудовая неделя, как обычно, начиналась с шуток и фривольных рассказов о том, кто каким амурным достижением блеснул в выходные дни.

Последним в комнату вбежал Прыгунов – снабженец фирмы и рекламный менеджер. Он всегда остроумен, подтянут, одет по моде, пахнет духами или спреем. Короче, натуральный мачо, какого бабули называют «кобелем», а свободные девицы – «кадрилой».

Но в тот понедельник все раскрыли рты от удивления. Лицо у Прыгунова было в синяках и царапинах, глаза заплыли, щеки отекали, губы распухли, голова в бинтах!

– Как дела, девочки? Как настроение? На сорок градусов от «Абсолюта» или на двадцать от «Чинзано»? – тараторил Прыгунов, пробираясь к своему столу.

Ему никто не отвечал. Все соотдельцы были поражены увиденным. Каждому, конечно, хотелось расспросить его: что же случилось? Но каждый стоически молчал, справедливо считая такой вопрос бестактным.

На столе Прыгунова заливался механическим блеянием телефон. Ушлый комбинатор как ни в чем не бывало мурлыкал в трубку, скабрёзно хохмил, низко умолял, решительно требовал, а то и грозил небесными карами и даже посылал ко всем чертям!

Ровно в 11.00 его вызвал к себе шеф.

– Излагай, как докатился до такой жизни? – резко приказал босс.

– До какой жизни?

– Ну, уж если жена тебя так раскрасила кастрюлями, значит, докатился!

– Да при чем тут жена?! Просто в нашем доме умер один пьяница. Соседи попросили меня и друга моего Элика прийти в субботу и помочь с похоронами. Ну, пришли мы пораньше, на всякий случай. А тут какой-то вертухай говорит: «Мужики, горе-то какое: никакими слезами не зальешь. Покойник-то хорошим человеком был! И вот долго жить приказал... Надо бы за него выпить!» Отказаться было неприлично, и мы с Эликом выпили. Затем узнали, что на улице дождь и ветер. Опять пропойца предложил по чарочке. Потом еще и еще...

– Можешь не продолжать. Напились так, что пленки в глазах, и подрались, как бомжи на свалке! Все ясно...

– Ничего не ясно! Мы больше не пили, а понесли покойника. Я и Элик – впереди, два мужика – сзади. И все было бы нормально... Вот только когда мы подошли к яме, ноги мои заскользили по мокрой глине, и я съехал в нее как на лыжах... Элик пытался один удержать тот сундук, но тоже заскользил и нырнул за мной, а сверху (представляешь!) на нас шваркнулся гроб!! Я, забыв обо всем на свете, засучил ногами и руками, чтобы выкарабкаться. Кто-то подал руку, я кое-как выполз. За мной – Элик. А гроб, заколоченный, так и остался стоять в могиле вертикально, чуть с наклоном, как Пизанская башня. Родственники покойника в обморок попадали, посторонние смеялись в рукава, а я скорей к доктору знакомому побежал... Элик теперь в больнице со сломанной рукой, а я еще легко отделался. Вот так...

Шеф, выслушав рассказ, глубокомысленно вздохнул.

– Да уж, встречаются у нас такие «гадюки», которые сперва стакан поднесут, а потом смеются над твоим несчастьем... А ты – молодец! Людям завсегда помогать надо... Но не до такой же степени!! Разиня!!!

Доски

Для тех, кто думает, что политика это красивое времяпровождение в парламентах под жадными взглядами объективов телекамер, объясняю с элементарной доходчивостью: политика – это яростная борьба за власть. И в ней, как в любви, все средства хороши.

– Давайте отдадим Японии вместо Курильских островов Хакамаду, и дело с концом! – кричит с трибуны левый госдумовец, чтобы насолить правым.

– А нам Абрамович строит виллы на Канарах. Всем по три штуки! – Правый хвастает, чтоб лопнули от зависти левые.

На каждой сессии гремят словесные сражения, площадная брань, а иногда доходит и до рукопашной.

Однако куда главней обычной депутатской болтовни ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА. Это умение одного человека объегорить всех других, прикрываясь по ходу пьесы какой-нибудь невинной ерундой. Например, президент США двинул войска в Ирак якобы для борьбы с какой-то мифической угрозой и захапал в итоге солидную часть мировых запасов нефти. Оказалось, что у вице-президента Чейни как раз есть в наличии компания «Халли Бёртон» по переработке черного золота. Вот Буш с Чейни и озолотились на всю оставшуюся...

Причем для того, чтобы быть высоким политиком, совсем не обязательно занимать уж очень руководящее кресло, можно сидеть и пониже, но эффект от политического действия должен достигаться примерно такой же, что и Бушем в Ираке. Привожу простую историю на эту тему из самой обыкновенной нашей жизни.

Результатом глубокой коммерциализации нашей контрастной действительности стало четкое расслоение трудящихся на две категории: «белые воротнички» и «синяки». Первые благородно заседают в чистеньких офисах, вторые вяло припахивают в нищих колхозах и на грязных стройках.

Летним утром прораб Дрюкина вышла из вагончика к бригаде строителей, чтобы поставить задачу на день. Принюхалась к одному – от него разит. И, конечно, не мылом «Дуру».

– Панурин, откуда вонь такая? – громко спросила она.

Тот втянул воздух в ноздри и нагло соврал:

– С завода чем-то повеяло.

– На сколько мне известно, он механический, а не самогонный!

– Ну, тогда от дома. О, точно! Сейчас в каждой хате свой водочный цех есть! Цены в магазинах же кусаются!

– А мне кажется, что воняет все-таки от вас! – Дрюкина насквозь прожгла подчиненного взглядом.

А он, прохиндей, притянул к носу рубашку и пылесосно понюхал.

– Да ты смотри, и правда! – удивился абсолютно натурально. – Пропах в этом смоге. Завтра, Ленапална, категорично обязуюсь одеться во все другое!

Вот такими артистами пришлось управлять молоденькой Дрюкиной. Делать нечего, объявила она лоботрясам задание: – Сегодня будем ставить забор. Досок в обрез, поэтому расходуйте их экономно.

Однако работа без полбанки не пошла. Бригада поковырялась немного в земле и присела на досочной куче покурить.

Тут подбежал к тунеядцам модный фраер в бейсболке «Монтана»:

– Выручай, мужики! Доски позарез нужны! Как раз вот такая дюймовка.

– За сколько? – спросил бригадир Мохлев.

– Само-собой, за бутылку!

– Одну? – кисло скривился Панурин.

– Каждому! – щедро пообещал Монтана.

– А ну, вставай, орлы комнатные! – заорал по-генеральски Мохлев. – Шесть секунд – чтоб забор стоял! А ты приезжай в обед, – наказал он Монтане.

И стройка закипела!

Непосредственно хищением занимались Мохлев с Пануриным. Доски похуже они пускали на распил, экземпляры получше – заталкивали под бытовой вагончик. Остальные стахановцы сколачивали щиты и ставили забор. Темпы работы были за гранью человеческих возможностей! Гора длинной дюймовки катастрофически таяла, к обеду от нее остались жалкие обрезки, а ограждение стояло с внушительной щербиной.

– Молодцы! – похвалила Дрюкина потных работяг. – Можем, когда захотим. С досками я, кажется, промахнулась, ну ничего, после обеда подкину еще.

Она в прекрасном настроении отправилась домой пообедать.

А тут и Монтана на «ЗИЛе» подоспел, и сразу пиломатериалы из-под вагончика полетели в кузов. Но грузчикам пришлось пережить несколько неприятных минут. На балкон третьего этажа дома напротив выскочила бодрая тетя.

– Воруют! Ловите их! Доски воруют!! – заверещала она что есть мочи. – Бузмаков, бежи-звони! Уйдут же ворюганы!

– Сама бежи! – огрызнулся снизу дядя в фетровой шляпе.

– Правильно! – поддержал его пенсионер с собакой. – Поймают – затаскают свидетелями, а дружки урок киллера на нас пришлют!

А расхитители, конечно, в это время не дремали. Монтана уже выводил загруженный «ЗИЛ» со стойплощадки. Сидевший рядом в кабине Мохлев закрывал ладонью лицо, чтобы его в случае чего не смогли потом опознать.

На самой большой дозволенной скорости они подъехали к дому казчика.

– Я за хозяином, – сказал Монтана и выпрыгнул из кабины.

– Давай, греми костями, да вертайся с пузырями! – оглушительно заржал Мохлев, предвкушая сорокоградусную награду за блестяще проведенную рискованную операцию.

Однако вскоре всю его веселость как ветром сдуло, а взамен прижала, будто прессом, кошмарная остолбенелость. Не веря глазам, Мохлев заворуженно пялился на Дрюкину, с которой возвращался Монтана.

– Ну, что будем делать, Мохлев? – ласково пропела она. – Работать или отдыхать... на нарах?

– Ка-ка-какой отдых?! – заикнулся тот, сильно дрожа в коленях. – Мы же вон сколько досок сэкономили!!!

И всё. Больше проблем с подчиненными у находчивой политиканши Дрюкиной не возникало.

Проверка

В уральской дивизии внутренних войск произошло ЧП – несанкционированная стрельба. В полк, охранявший подземный объект, приехал разбираться старый рубака генерал Барашков.

Комполка Мальков смекнул, что начальству надо резко пустить пыль в zenки, отвлечь от грубого беспредела. Короче, бравый полкан потащил комдива в новую политкомнату, отремонтированную в спешном порядке за ночь.

Делегация штаба дивизии ввалилась в классное помещение, остро пахнувшее нитрой и ацетоном. На передней стене висел огромный стенд с фотографиями губернаторов областей и краев необъятной России. Для красоты портреты были сгруппированы по три вместе.

– Кто художник? – строго спросил Барашков. – Ко мне стервеца!

Побелевший от страха Мальков вытолкнул вперед перемазанного краской бойца.

– Рядовой Ромкин по вашему приказанию доставлен! – отрапортовал полковник.

Генерал критически оглядел худого нескладного солдата, презрительно скривился и львино рыкнул: – Откуда ж, Ромкин, ты знаешь, кто из наших губернаторов с кем пьет?

Солдат даже отшатнулся от неожиданности.

– Ничего я не знаю! Так, поналепил, как попало, в запарке!

– А почему на тебе шапка новая? С молодого снял, признавайся! – грянул, как пушка, генерал.

Ромкин от испуга лишился дара речи, но выручил Мальков:

– Товарищ генерал, он у нас «комнатный», на улицу не выходит, только рисует, поэтому головной убор так хорошо сохранился.

– Ладно, допускаю, – подобрел Барашков. – И приказываю: государственных лиц расселить по одному, а Ромкину – выдать старую шапку, в новой пусть на дембель едет. А то, кто заявится оттуда, сразу доложит про дедовщину.

– Есть! – Комполка обрадовался, что так легко отделался.

– Показывай дальше! – прогудел комдив. – Небось бардак тут у тебя, еще нахлебаюсь!

– Никак нет! Вот санчасть у нас самая образцово-показательная в дивизии! – похвастался до сочного румянца Мальков.

В госпитале действительно было чисто. Генерал зашел в первую палату и зычно спросил:

– С чем лежите, бойцы?

– Геморрой! – хором ответили больные.

– Хорошо! А чем лечат?

– Йодом!

– Хорошо! Просьбы, жалобы есть?

– Никак нет!

– Молодцы!

Довольный генерал вышел из этой палаты и зашел в следующую.

– Хворь какая, бойцы?

– Гланды!

– Хорошо! А чем лечат?

– Йодом!

– Хорошо! Просьбы, жалобы есть?

– Есть! – рявкнул солдатик, лежавший по стойке смирно.

– Что? – возмутился генерал, подскочив как подстреленный. – Это же снова Ромкин! Как он здесь оказался? Решил поиздеваться надо мной?!

– Да нет, что вы! – залезбил Мальков. – Они просто братья-близнецы. Первый – здоровый, второй – больной. Понятно?

– Да что ты тут дурака с меня строишь! – взревел генерал. – Я и без тебя все сразу просек. Так что же, Ромкин, вас не устраивает?

– Товарищ генерал, – взмолился веснущатый парень, – прикажите, чтобы сначала нам горлы мазали, а потом жопы первой палате!

– Бардак! – трахнул кулаком по спинке кровати комдив. – Слышал, Мальков? – он выпучил на комполка грозные глазки. – Прокол! Лечить надо все сверху вниз! Ясно?

Полковник козырнул и оглушительно крикнул:

– Зойка, слышала?

- Слыхала-слыхала, – донесся из недр санчасти голосок медсестры.
- Вот и порядочек! – расцвел опять гладиолусом комполка. – А теперь прошу ко мне на стопку кофе!
- Оставить! Теперь докладывай про стрельбу, – приказал генерал. Мальков помрачнел, уставился в пол и пробубнил:
- Виноват. Двое на спор одной очередью посбивали все сучья с елок, а спутник передал в ЦУП – нападение на объект.
- Неужели все-все? – не поверил Барашков.
- Могу показать – форменные палки.
- Машину водят?
- Кто? Елки? – оторопел полковник.
- Стрелки едреные!
- Первый класс.
- Как фамилии?
- Ромкины.
- Что?! – возопил в гнев Барашков, но тут же отошел. – Отправишь ко мне. Будут меня возить. А то мои белоручки ни ездить, ни стрелять, ни рисовать... Обленились штабные крысы... Короче, иногда и выпить не с кем... – сокрушенно покачал седой головой бравый генерал.
- Есть! – Мальков от счастья перескочил с баритона на фальцет.

Киллер в юбке

В последнее время наша страна переживает глубокий культурный кризис. Кино и телевидение пропагандируют культ насилия и вседозволенности. Уже дошло до того, что я спрашиваю у девочки школьного возраста: «Как пройти на улицу Гагарина?» А она говорит: «Может, за кустик сначала пройдем?» Я ей вежливо объясняю: «За кустик – ты еще маленькая». А она смеется: «Куда ты денешься, когда разденешься!»

И тут я уже замечаю симптом такого разнузданного поведения у собственной жены. Вечером сидим мы с ней мирно в кафе. Официанточка с кукольным бантом приносит заказ. Но куклу, видно, кто-то обидел, и она в сердцах швыряет блюда на стол.

Вдруг моя красотка корчит на лице гангстерскую мину и ловко хватается руку работницы сервиса. Та дергается, вырываясь, но тщетно – хватка у моей Людки железная, обретенная в гладиаторских сражениях на распродажах и в упражнениях с ведрами на дачной фазенде.

– Будешь выступать, я тебе нос плоскогубцами откушу, – воркует сквозь зубы Людка и отпускает запястье грубианки как раз в тот момент,

когда та опять дернулась. Случается форменный тарарам – официантка отлетает назад и, не удержавшись на высоких каблуках, грохается на пол и опрокидывает стул.

Я, конечно, ставлю ее на ноги, как настоящий джентльмен, и по доброму журю:

– Вам для равновесия на таких шпильках с костылями надо ходить, а не воевать с посетителями.

– Да пошел бы ты в жо! – нагло бросает мне кукла и скрывается в подсобке.

– Вульгарная девушка, – заключаю я и выговариваю своей женушке: – Но ты тоже хороша! Ведешь себя как бандитка. Мы все-таки интеллигентные люди. Насмотрелась всяких триллеров: «Кровь и кость», «От заката до рассвета»!..

– Пусть не выёживается при исполнении, – возражает Люда. – В другой раз еще по тылке получит.

– Люд, ты меня пугаешь! – Я до глубины возмущаюсь и приступаю к педагогической деятельности. – Нельзя отвечать на грубость тем же. Когда Наталья Андрейченко вышла замуж за своего импортного режиссера Максимилиана Шелла, она его спросила: «Макс, а почему ты выбрал меня, ведь на съемочной площадке было полно актрис гораздо красивее?» На что он ответил: «Знаешь, Ната, ты была единственной русской женщиной, которая все время улыбалась!» Главное оружие дамы – это ее прелестная улыбка. Ты поняла?

– Поняла, дорогой, – кивает моя половина и улыбается очень показательно. Приветливо, открыто, искренне.

– Молодец! Так держать! – хвалю я, довольный тем, что еще не все потеряно – какая-то духовность в супруге осталась. – А боевики с сегодняшнего дня смотреть не будем – только мелодрамы.

Возвращаемся мы после ужина домой уже ночью. Вокруг ни души, только вдруг дорогу заступает малоприятный субъект: «ежик» уголовника, рубаха до пула расстегнута, грудь в наколках, бицепсы – что колбаса в гастрономе. Причем вся вместе взятая.

– Ну что, детишки, нагулялись? – гадко рычит он, поигрывая кастетом. – Сдавайте теперь мне бабки, побрякушки и часы. В темпе и без шума – я этого не люблю!

– Ну что, милый, улыбнуться мне ему или как? – иезуитски-ласково спрашивает у меня Люда.

– Против лома нет приема, – философски отвечаю я, расстегивая браслет хронометра «Ориент».

– То-то, пацифист! – Моя супруга хмыкает по-киллерски, снимает свои золотые сережки, зажимает их в кулаке и... бьет урке в челюсть.

Путь сразу освободился. Дома мы с удовольствием посмотрели зубодробильную комедию «Бей первым, Фрэдди» и решили, что в следующий раз бить первым буду я.

Свистунада

В далекие застойные времена некто Пьев купил по пьянке диплом и внедрился в НИИ, а в перестроечные – заимел обыкновение складывать губы трубочкой, когда горестно задумывался о том, что он будет делать после неминуемого сокращения: уж очень ему понравился непыльный научный труд.

Однако то борьба с неформалами, то выборы, то депутаты по телевизору – времени ни на что не хватало, не хватило и на сокращательную кампанию, поэтому вычистили в Пьевском НИИ пенсионеров и все тут.

Но Пьев чуть не умер от страха. Затаившись за спинами коллег, он погрузился в свои грешные мысли и ... засвистел губной трубочкой. Опять испугался – все-таки мальчишество, неприличие. А потом смекнул: «А что, если этот свист имеет прямое отношение к мыслительному процессу? А что, если интенсивность образования мыслей в голове зависит от этого свиста?! » И быстренько, свистя, настроил диссертацию о благотворном влиянии свиста на умственную деятельность.

Надо заметить, пора была в тот момент очень горячая – в буфете наборы давали с чаем «Бодрость». Сами понимаете, глубоко разбираться было некогда. Академики с членкорами посвистели так и сяк, особого влияния не обнаружили, но и доказать, что такое влияние вообще отсутствует, не смогли: мол, мозги – область темная, серое вещество, а диссертант обещает быстрое поумнение в мировом масштабе! Ну и дали на всякий случай Пьеву степень.

И пошло, и поехало... Через год Пьев выпустил самоучитель по умнящему свисту. Через два – сын подпольного миллионера школьник Ньюхин выступил с почином: «Свистнем все, что раньше за 10 лет, за парутройку деньков!» Через месяц почин подхватили страны и континенты. Через два – доцент Пьев стал почетным академиком самых чопорных академий и профессором всех университетов, так как учебные заведения, не признававшие его гения, моментально оставались без известных свистунов-студентов и переставали существовать.

– Быть свистя или уча? Вот вопрос! – восклицал теперь Гамлет в одноименной пьесе.

– Свистите по Пьеву, и все проблемы отступят перед вашим новым могучим интеллектом! – дружно заталдычили падкие на сенсации средства массовой информации – и вспыхнула война!

Человечество распалось на две враждующие группы: свистунов и не-свистящих. Последние не могли свистеть – для этого в свое время они были недостаточно плохо воспитаны. Ну и соловьи-разбойнички, конечно же, победили! Пьева тут же провозгласили Главным Свистуном, заменили на свист музыку и речь, и вот уже только разнообразный свист раздавался над голубой планетой...

Но, само собой, только с виду все было благополучно на планете Свистля. Свистостройка сильно бурлила, в основном, в парламентах, на воровских сходках, телеэкранах и газетных страницах. В широкой же действительности сладкие демократические трели частенько заглушал мощный свист тормозов административной машины. А вскоре грянула и альтернатива. Недовычищенный впопыхах шипун Кольнутых так сильно задумался о близком крахе своей блестящей карьеры, стоившей ему стольких унижений, жен, инфарктов, коньяков, что у него зачесался лоб, а почесав, он насипел прозрение на свистофон: «Свист – это не что иное, как продукт чесания, стремящегося к бесконечному. Суть – чёс первичен, а свист вторичен».

И произошла последняя культурная революция! Пораженные гениальной простотой открытия свистуны тут же лишились дара свиста, обросли от чесания шерстью и запрыгали от радости, что не надо больше заботиться о дорогой одежде от Гальяно и Лагерфельда...

На этом всем глобальным катаклизмам пришел естественный конец. Наконец, излучая глазами свет безмерно тонкого ума, чесуны вступили в эру всеобщего благоденствия. Вступили твердо и бесповоротно. На всех четырех!

Тринадцатый апостол *последнее открытие теологов*

Да, теперь точно доказано, что учеников у Иисуса Христа было 13, а не 12. Тринадцатого апостола фарисеи вычеркнули из черновика библии, чтобы Книга Книг выглядела благопристойней: все-таки «13» – чертова дюжина, а Сына Бога на Земле ничто не должно было связывать с коварным Дьяволом.

Итак, этим 13-м Христовым спутником была самарянка Марлена. С ней Спаситель познакомился возле колодца в жаркий день. Она набрала кувшин воды, а Иисус попросил дать ему напиток.

– А чем расплачиваться будешь? – грубо спросила женщина. – У тебя же ни шиша нету!

– Без рупий-драхм, да не калека, – ответил Иисус на эзоповом языке, в то время понятном только ушлым дамам.

– Ладно, пей авансом, а то силенок в тебе не очень.

Иисус напился и расплатился с Марленой длинной проповедью об опасности внебрачных связей. Богатую женщину так глубоко потрясло это событие, что она отказалась от обеспеченной жизни в селе и отправилась скитаться за Учителем прямо с полным кувшином на плече.

Вдвоем им было весело гулять по просторам, и первым делом они зашли в гости к Моисею, который отдыхал на персональной пенсии после того, как привел евреев из Египта в Израиль.

Пока Марлена готовила мацу, мужчины решили сыграть в хоккей на воде. Моисей стукнул клюшкой, мяч улетел в Красное море. Моисей пошел по морю как по суше, и вторым ударом загнал мяч в ворота. Иисус тоже шваркнул как следует по круглому снаряду, тот плюхнулся в волны, и его сразу проглотила мурена. Но рыбу схватила чайка и взмыла в небо, а там ее поймал когтями орел. Но когда он пролетал над игровым полем, ударила молния. От испуга рыбу стошнило, и мяч упал строго в сетку. Результативная атака повторилась много раз подряд. Таким образом, Иисус одержал победу со счетом 20:1.

– Опять твои еврейские штучки! – обиделся Моисей. У него пропал аппетит, а Христосу с Марленой досталось больше еды, и они довольные пошли дальше.

Голодный Петр как раз удил рыбу в речке. Иисус подошел и спросил:

– Что? Не клюет?

– Не клюет зараза, – горестно ответил Петр.

– С такой рожей разве клюнет! – язвительно воскликнула Марлена и отняла у небритого мужика снасть.

Она быстро наловила зеркального карпа. Петр наелся и понял, что без этих молодых людей ему конец.

– Можно я с вами? – попросился он.

– Валяй, третьим будешь, – как всегда с намеком сказал Иисус, и троица пошла пить вино в Вифлием.

Через неделю Учитель, Марлена и Петр брели по каменистой пустыне и наткнулись на озеро. Женщина разделась до гола и собиралась уже нырнуть, как из-за камня выскочил Фома.

– Простите, но в этом водоеме купаться запрещено!

– Ну, надо же! – возмутилась Марлена. – Только почему ты не предупредил меня до того, как я разделась?

– А раздеваться здесь не запрещается, – ответил туповатый Фома.

Но Иисус сообразил, что он влюбился в Марлену, и сказал:

– Да пусть купается, а ты пойдешь с нами по белу свету. Все лучше, чем сидеть тут в захолустье за булыжником.

– И то правда, – согласился стражник воды.

Так потихоньку и набралось у Христа 13 учеников. Только с приемом в пешую группу Иуды вышла заминка.

– Берем с собой Искарюта? – бодро спросил Иисус у апостолов.

– Берем, – поддакнули они.

Только Марлене новичок не понравился.

– Не бери ты его, – сказала она. – Он какой-то ядовитый.

– Ядовитый! – испугался Иуда. – Вот черт, а я язык себе прикусил!

– Да пусть идет с нами, – пожалел его добрый Христос. – Будет нашим казначеем – у такой змеи деньги будут в полной сохранности, как в швейцарском банке.

Так Иуда стал полноправным членом команды. Но, конечно, марлеиной догадки он не забыл и стал под нее незаметно копать. Например, идут они вдвоем с Иисусом по пустыне, а Иуда вдохновенно ему врет:

– Ой, я вчера Марлене такой анекдот рассказал, что она от смеха с моей кровати упала!

– Ты что-то путаешь, брат, – говорит тогда честный Христос, – мы вчера все спали на полу.

– Прости, Учитель! – повинился Искарюта. – Это мне в голову напекло.

Иуда, конечно, притворялся. Никакого раскаяния он не испытывал, а вот зуб на Иисуса вырастал у него все больше.

В Капернауме Левий пригласил всех к себе в дом. Ученики и Спаситель стали уплетать за обе щеки мясо, сыр, хлеб, и пить молодое виноградное вино. А прохиндей Иуда побежал к фарисеям и наябедничал: дескать, апостолы с Христом чревоугодничают. Те ворвались нагло в чужое помещение и давай ногами топтать:

– Ты, Иисус, коль называешь себя Сыном Бога, выбирай одно из двух:

Или служба Господу и самоограничение, или мясо и вино!

– А сколько мяса и вина? – спросил Христос, чтобы развеселить компанию.

И все за столом схватились за животы от смеха. А фарисеи закричали: «Грешник! Грешник!» И убежали в страхе.

Учитель же встал и блеснул очередной нетленной эпохалкой:

– Пока мы все вместе, и у нас не выпали зубы, и крепки все нужные органы, пусть с нами будет Праздник! А с ними – старческий маразм!

Вот так он пропесочил ортодоксов-книжников. Все присутствующие устроили ему бурную овацию, а Марлена даже послала воздушный поцелуй.

Но, тем не менее, ее дни в божьем коллективе были сочтены. Проклятый Иуда распустил в Иерусалиме сплетню о том, что Марлена подослана Сатаной для распространения среди людей вредного заблуждения: мол, можно при жизни ничего не делать, а после, в прекрасном загробном царстве все равно все получают отдельную квартиру и транш на карманные расходы.

– Прощай на время, дорогая, – сказал ей Иисус. – Расстанемся, пока не улягутся страсти. Злые клакеры фарисеев могут побить тебя камнями, если ты будешь с нами.

– Какой же я была душой, дав тебе водички! И не только! – воскликнула Марлена, обманутая в лучших чувствах.

– Да, но я был так увлечен тобой, что этого не заметил.

Вскоре Кающаяся Магдалина встретила подругу на улице. Грустная Марлена несла в руке авоську с пустыми бутылками.

– Ты что, тару идешь сдавать? – спросила Магдалина.

– Да нет, – рассеянно ответила Марлена. – Мой Бог сказал: бери свои вещи и уходи.

Безутешные женщины сели, обнявшись, на теплый камень и проплакали до вечера. Вернулись они к страшной действительности лишь тогда, когда прочитали в первой еврейской газете, написанной мелом на доске, сенсационное сообщение: «Пойман преступник Варрава, съевший пятилетнего ребенка в сыром виде».

– Да разве можно жить в этом кровавом Израиле?! – в сердцах возопила Марлена, вскинув к небу изящные длани.

– Можно! – заявил Иуда, возникший рядом, словно из-под земли. – С бабками можно жить везде, – горячо зашептал он бедной женщине. – Я получил 30 серебрянников за голову Спасителя – этого нам с тобой хватит на полвека, если не сильно шиковать.

– Дудки! – гневно вскрикнула Марлена. – Достаточно я натерпелась, таскаясь с учителем по пустыням. Пора перейти от шекелей к шеншелям!

– На мелочь, вырученную в пункте приема посуды, она купила билет на триеру и уплыла в Европу, где вышла замуж в седьмой раз за короля галлов, имя которого не могла выговорить шесть лет. И немудрено – его звали Верцингеторинг Ангедикумститовофф.

Затем Иисус вознесся без всякой анестезии к Папе на облачные выси, а Иуда получил по справедливости ломом судьбы. Он купил на свои серебрянники магазин, днем дал объявление о ночном стороже, а вечером его обокрали. Так что Искарот повесился с горя на осине.

Только еще один раз в мировой истории Иисус встретился с Марленой. Он любил, нарядившись горожанином, погулять по какому-нибудь

земному мегаполису. И вот на узкой улочке Парижа к нему подбежала какая-то сухонькая старушка и чмокнула в щеку.

– Как поживаешь, Христосик? – спросила она.

– Спасибо, хорошо, – ответил Спаситель, никак не обнаруживая своей полной растерянности, ибо он не мог припомнить эту пожилую каргу.

– А как мама? Мария живет все там же, в Назарете?

– Все не там же, уже намного выше, – сказал Иисус, а сам внутренне содрогнулся: «Боже! Она знает и мою маму!»

Уже подлетая к горе Синай, Христос подумал: «Наверное, я знал ее еще очень молодой».

Когда же Отец позвал его, чтобы сыграть в пинг-понг, довольный Иисус торжественно объявил: – Папа, я теперь понял, почему ты сначала создал мужчину, а потом женщину.

– Ну и почему? – спросил Бог, сосредоточенно выбирая ракетку по руке.

– Потому, что женщина очень быстро стареет, и Адаму Ева могла совсем не понравиться, сотвори ты раньше ее!

Игрок

Лето – время путешествий. Эта необыкновенная история безусловно поможет кому-нибудь выйти из сложного положения. Вояжировать нынче дорого, но голь на выдумки всегда...

Итак, за моим героем водился маленький грешок. А у кого нет хоть одного недостатка? Заурбек очень любил поиграть на деньги: в рулетку, покер, блэк-джек. Не брезговал сразиться он и с расплодившимися в городе игральными автоматами. Любой азартной игрой он овладел в совершенстве, в родном Владике ему несказанно везло.

В результате в голове комбинатора родилась дерзкая идея сыграть по-крупному в первопрестольной. Однако совершенно неожиданно безжалостные тертый крупье московских казино ободрали как липку зарвавшегося последователя подвигов Джузеппе Калиостро и опустили его до положения неимущего Кисы Воробьянинова.

Заурбек кое-как наскреб мелочь на метро и добрался до Казанского вокзала. Задача перед ним образовалась нешуточная – проехать «зайцем» аж до южного Владикавказа. А это целых 36 часов шпионского риска!

Сердобольный бомж налил неудачнику стакан водки и благословил в дальнюю дорогу: дескать, ты скажи проводнице, что тебя обокрали ворю-

ганы-отморозки, а по приезде расплатишься с благотельницей в тройном размере.

Осмелев от принятой дозы, Заурбек кинулся на штурм первой леди с желтым флажком. Та была непреклонна: – Я тебя возьму, а контролеры поймают. Мне придется выплатить штраф в 20 окладов, а то и вообще выпрут меня с работы. Спасибо, но такие «радости» в мои планы не входят!

– Ну, возьмите, я же тут с голоду помру – ни знакомых у меня в Москве нет, никого! – клянчил опальный игрок.

– Нет, нет и нет! И никто не возьмет. И вообще идите к начальнику поезда Рогнеде Николаевне – я человек маленький.

Заурбек вернулся к бомжу-наставнику с сакраментальным вопросом: «Что делать? До отхода поезда 10 минут.»

Многоопытный покоритель российских пространств тут же выдал гениальный совет:

– А ты не иди к начальнице, неизвестно, что она за человек. Может, она вообще мизантроп. Ты иди к другой проводнице и скажи: «Рогнеда Николаевна велела разместить на свободном месте».

Заурбек так и сделал. Вторая проводница даже не проворчала для порядка, а вежливо проводила «зайца» в вагон: – Ваше место №50.

Еще не веря своему счастью, Заурбек втиснулся в веселую компанию новобранцев, ехавших в Моздок. Он бурно поведал об опасностях жизни в «горячей точке», а бойцы за это его напоили, накормили и спать уложили.

Вот, собственно, и все. Через 36 часов Заурбек широко шагал по проспекту Мира во Владике. Кто-то сделает заключение: раз в жизни повезло. А мне кажется, умным и предприимчивым удача всегда улыбается. Конечно, обманывать нехорошо, но ради собственного спасения иногда можно.

Первая любовь

В школе гремел оркестром смотр самодеятельности. На сцене актового зала танцевали юные балерины. За кулисой настраивался на выступление серьезный мальчик во фраке. Он стоял с закрытыми глазами, обняв большую эстрадную гитару.

К нему на цыпочках подкралась красивая девочка в платье феи и стала перегрызать кусачками струны на инструменте.

Мальчик наконец распахнул глаза.

– Ой, Коль! – воскликнула Фея, пряча за спиной руку с кусачками. – Что такое лысый кактус?

Коля честно задумался.

– Иди, тебя объявили! – вытолкнула его Фея на сцену.

Под бурные аплодисменты музыкант величественно дошагал до стула на авансцене и отвесил публике глубокий поклон.

– Давай, Паганини! – крикнула сбоку Фея.

Коля откинул фалды, опустил на краешек стула, сделал мечтательное лицо, отвел в сторону трепетную кисть... Трам! – взял он аккорд. И дзынь! – отлетели струны.

Коля выпучил от удивления глаза и почесал затылок: мол, вот еще незадача...

– Ха-ха-ха! – дружно засмеялась в зале детвора.

– Технические неполадки, – сказал Коля в микрофон, поставил гитару на стул и внушительно добавил: – Тогда я спою бельканто.

Певец снова оправил фрак, принял благородную позу: ноги в третьей позиции, руки в «замке» чуть ниже живота... И повернулся на сильный шум слева.

За кулисами Фея лупила балалайкой конференсье, который пытался закрыть занавес. В бой вступили дружинники, Фею кое-как скрутили, но малиновый бархат все равно прошуршал за спинкой стула и спиной выступающего.

Коля скривился, как от зубной боли, открыл пошире рот и громко выкрикнул: – Композитор Страус!.. То есть Штраус...

Зал взорвался от хохота, а Коля рухнул на подмости, сбитый с ног злополучной гитарой – это предательская рука Феи через занавес выдернула из-под нее стул. Сверху горе-музыканта еще и прихлопнуло подставкой с микрофоном.

Зрители совсем обезумели, некоторые катались от смеха по полу.

Коля поднялся и страшно сморщился, схватившись за поясницу.

– Искусство требует риска, – простонал травмированный певец.

– Bravo, Колян! – хлопали руками и топали ногами хулиганистые школьники.

За кулису помятый Коля вернулся с пестрым букетом астр.

– Это тебе, – протянул он цветы задиристой Фее, как раз собравшейся показать ему язык.

– За что? – удивилась та и смягчилась. – Я же тебе все выступление испортила!

– Наоборот. Отличная интермедия получилась, – доброжелательно улыбнулся мальчик.

– А что такое лысый кактус? – с легкой издевкой все-таки спросила гордая девочка.

– Огурец, – ответил он.

– Ну и гад же ты, Купцов! – с ненавистью выпалила Фея. – Все ты знаешь! Все у тебя получается!! Тупая скучища!!! Не нужен мне твой венник!!!

– Нет! Не все! – выкрикнул Коля, схватив ее за локоть. – Я не знаю, как входить в Интернет.

– Правда? Не загибаешь? – Она посмотрела на него с подозрительностью Шерифа из вестерна.

– Зуб на операцию отдаю! – клятвенно заверил Коля.

– Ладно, пойдем ко мне, неумеха! – сказала Фея покровительственным тоном и пошла вперед, помахивая букетом. – И чтоб ты делал без меня, Купцов?! – небрежно бросила она через плечо.

– Ох, и не говори, Попова! – Довольный Коля притворно-тяжко вздохнул, еле поспевая за длинноногой подружкой.

Зелик на том свете

одноактная пьеса в жанре фантюм

Действующие лица:

Зелимхан – футболист

Шлагбаум – пограничник

Фиалеипо – дочь Короля

Черный Кот – плут по кличке «Торпеда»

Зеленая лягушка Эсмеральда – вундеркинд

Абрамовский – олигарх

Прохоровский – олигарх

Король Минздрав Второй

Сановники

Распорядитель Гелиотроп

Лесные пеньки

Слуги

СЦЕНА № 1.

Темная сцена. Раздается грохот. Включается свет. На сцене сидит парень Зелимхан. Он – в желто-красной майке футбольного клуба «Алания» и красных трусах. Задник разрисован множеством дорог со всевозможными обозначениями местных достопримечательностей: Поляна медитации, Болото хорового пения, Лес умиротворения, Дворец Короля Минздрава Второго, Подпольное казино, Супермаркет вне закона, Боулинг с экстази, Ферма элитных коров, Сад молодильных фруктов. Наверху – витиеватая надпись: «Эдем».

Стоит полосатая сторожка, сверху свисает зеленая доска с надписью: «Погранзастава».

Зелимхан: (удивленно): Ой, и куда ж это я свалился? (оглядывается) Перебегал улицу под носом у какого-то джипа и вдруг бах-трах! Ох, и сколько ж это я летел вниз?! Даже замерз. (Он встает и прыгает) А тут ничего, тепло. Ну-ка, звякну Элику (он достает мобильник). Абонент вне досягаемости сети. Видно, далеко меня зашвырнуло...

Из сторожки выходит, потягиваясь, Шлагбаум – охранник, одетый в черно-белую одежду, к правой руке привязана длинная легкая полосатая палка, на голове – военная пилотка.

Шлагбаум (гневно): Ты что тут шумишь? Не мог попозже провалиться? Разбудил, понимаешь!

Зелимхан: Ты на кого пасть открыл, полосатый? Не видишь, я – фанат «Алании». Щас дам по тыкве, голова в штаны зароется! (Шлагбаум бьет его палкой по макушке). Ой, ты что дерешься?! (Зелимхан отскакивает. Пытается сам напасть на пограничника. Но тот оперативно поворачивается к нему палкой. Зелимхан хоть и машет кулаками, но достать Шлагбаума не может.) Вот черт! Скелет ходячий, а не достать!

Шлагбаум ещё раз сильно бьет парня по голове палкой. Тот падает на колени. Волосы на его голове мгновенно встают дыбом.

Зелимхан: Ещё и током шарахаешь! Так не честно. Садист!

Шлагбаум: Вот так тебе, хулиган! Не честно – зато уместно! Здесь надо быть вежливым и скромным. Иначе все время будешь получать синяки и шишки.

Зелимхан: Хорошо, я согласен. Пожалуйста, объясните мне, куда я попал, и где отсюда выход?

Шлагбаум: Гони сотню, тогда скажу!

Зелимхан: Целую сотнягу? Да откуда я ж тебе её возьму? Я ещё в школе учусь, не работаю.

Шлагбаум: (с превосходством) На нашем Том Свете вообще никто не работает, а бабки есть у всех, понял?

Зелимхан: Не понял, но хотел бы разобраться в этом артефакте.

Шлагбаум: И никого чуда тут нет. Я должен выписать тебе пропуск. Грин-карта стоит сто рэ, а моя подпись – 10%, понял?

Зелимхан: А! То есть червонец идет тебе в карман.

Шлагбаум: Ну а куда ж?!

Зелимхан: Терь понял. Здесь тоже коррупция.

Шлагбаум: Но так как бабок у тебя нет, то поразвлекай меня как-нибудь.

Зелимхан: (в страхе отпрыгивает) Ты что голубой?

Шлагбаум: Да нет. Песню спой или спляши.

Зелимхан: Петь? Да я одну только и знаю.

Заходили в гавань корабли.
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки
И пили за здоровье атамана!

Шлагбаум: (кричит) Стоп! Хватит! Молчать! У нас никто никогда не пьет. Мы выступаем исключительно за трезвый образ жизни. Понял?

Зелимхан: Понял. Мы тоже. (Декламирует)

Брось, папаша, литрбол,
Лучше сходим на футбол!

Шлагбаум: Да? (испуганно оглядывается) Тут, знаешь, надзиратели шныряют. А с ними никому встречаться не рекомендуется. Ну, ты еще не совсем пропащий. Дарю тебе текст с нотами нашего гимна. (дает Зелимхану листок) Выучишь, тогда пойдешь. Споешь Королю Минздраву II. Там про хорошее поведение и всё такое. У нас же педагогический уровень Того Света. И в три секунды окажешься дома и снова будешь курить тайком от родителей.

Зелимхан: А куда идти?

Шлагбаум: В главный офис. Везде указатели. Но сначала выучи песню – это твой пропуск.

Шлагбаум удаляется величавой походкой.

СЦЕНА № 2.

Поляна в цветочках, сверху свисает игривая надпись: «Бесплатный пленэр».

Зелимхан: (смотрит в листок) О, как много! Да и нот я не знаю... Сплошной облом!

На сцену выезжает на велосипеде девушка Фиалеипо. Она красивая и гордая. На ее майке – спереди и сзади – нарисованы цветы и ёлки.

Зелимхан: (с надеждой) Извините, а можно у вас спросить?

Фиалеипо останавливается, смотрит на Зелимхана с любопытством.

Фиа: Что бы вы хотели узнать, вежливый кабальеро?

Зел: Скажите, пожалуйста, прекрасная девушка, куда я попал и где тут выход?

Фиа: Вы можете называть меня по имени – Фиалеипо.

Зел: (хотел сдержаться, но громко засмеялся) Ха-ха-ха! Извини, но у тебя такое смешное имя! Никогда не слышал ничего такого.

Фиа: (сразу став суровой) Мое имя самое престижное: Фиалка лесов и полей. Ваше куда хуже: Зеленый листок мха недорослого. Я – дочь короля Минздрава. Страна, в которую вы попали, называется Великий Эдем. А выход отсюда во дворце.

Зел: Где во дворце? Фиалеипо, покажи! Я тебе жвачки дам!

Фиа: Жуют жвачку только коровы. А для выхода достаточно сдать экзамен моему папе. Ты знаешь Умную песню?

Зел: (просительно) Фиалеипо, спой мне ее, пожалуйста. А то «полосатый костыль» дал мне текст с нотами, а ноты мы еще не проходили.

Фиа: (надменно) За то, что ты грубо обозвал уважаемого пограничника Шлагбаума, я спою только первый куплет.

Зел: Фиалеипо, клянусь бутсой Рональдиньо, я не знал, что он такой важный Шлагбаум!

Фиа: (чопорно) На Нашем Свете не любят, когда школьники чего-то не знают. Запомни это, ротозей, и слушай внимательно, повторять не буду. (Она поет первый куплет)

Позови меня пройти
Светофор зеленым светом.
И не будет на пути
Никаких машин при этом.
В мире правила для всех
Существуют непременно:
Надо знать – уместен смех,
Или лучше быть степенным.

Всё, наш юный полиглот, остальное зубри сам!

Зел: Ну, Фиалеипо, спой еще немного, пожалуйста! Я мотив до конца не уловил. Хотя на Пугачеву вроде похоже...

Фиа: Нет, нет! Зелик! На нашем свете не принято просить. Школьник должен все знать и уметь сам. До свидания. Желаю успехов.

Зел: А откуда ты узнала, как меня зовут друганы и предки?

Фиа: Скоро сам всё поймешь.

Гордая Фиалеипо уезжает. Зелимхан показывает ей в спину кулак.

Зелимхан: Ладно, без сопливых разберемся! Подумаешь, дочь короля! Я, может, будущий Роналдо! И то молчу...

На сцене появляется опять Шлагбаум.

Шлагбаум: И что, у тебя есть большие способности футболиста?

Зелимхан: (хващливо) Обязательно! С утра три окна расколошматил.

Бум-бум-бум – Зелимхан получает три раза полосатой палкой по голове.

Зел: За что?! Чтоб тебе... уважаемый Шлагбаум, свежей краской покраситься!

Шлагбаум: Спасибо за доброе пожелание. А получил ты по шишке за стекло. Вставлять-то ты не будешь, понимаешь!

Зел: Конечно, я же не умею.

Бум – он получает еще один удар.

Зелимхан: А это уже – педагогический беспредел!

Шлагбаум: (наставительно) А это потому, что школьник должен уметь всё. Ну, пой Умную песню, а то мне некогда.

Зелимхан встает в третью позицию, как знаменитый тенор.

Зел: Умная песня! (Он с чувством поет первый куплет)

Шлагбаум: (довольно) Молодец, хватит. А ты, оказывается, не дурак. И мелодию правильно ухватил. Как зовут-то тебя? Зарегистрировать надо.

Зел: Зелик, то есть Зелимхан, бдительнейший господин Шлагбаум.

Шлагбаум: (с пафосом) О, Зелимхан, добро пожаловать на просторы Великого Эдема!

Шлагбаум отвечает поклон и поднимает свою палку.

Зел: Мне вообще-то в школу пора, но раз вы так настаиваете...

Он быстро пробегает под палкой, боясь опять получить по макушке, и скрывается за кулисой.

Шлагбаум: (декламирует, став в эффектную позу)

Правил здесь не так уж много –

Осилит их любой лентяй.

Чтобы добра была дорога,

Узнай, запомни, соблюдай!

Шлагбаум уходит. Занавес закрывается. Зелимхан идет по авансцене, уставясь в листок с текстом песни. Останавливается посередине.

Зел: (легкомысленно) А, надоело учить! Щас бы «пузыря» погонять! А этого Короля Минздрава как-нибудь умаслю. Это ж не наша училка: «Садись, два!» Так что...

Аланцы, вперед!

На прогулку до ворот!

Зелимхан победно поднимает руку и убегает.

Сцена № 3.

Занавес открывается. Задник изображает густой лес. Перед ним окоп, на бруствере стоят пулеметы, автоматы, базуки, лежат каски. Над окопом висит надпись: «Гангстерская засада». Внизу стоит указатель с надписью: «Офис Минздрава II».

Выходит Зелимхан, читает надпись на стрелке.

Зел: (удовлетворенно) Ага! Значит, я на правильном пути. (Поет) Позови меня пройти, светофор, зеленым светом... Тьфу ты, вот прицепилась! Хочешь – не хочешь, а запомнишь.

Зелимхан продолжает путь по направлению стрелки, но он сталкивается с выскочившим на сцену Черным Котом. Это мальчик в длинном черном плаще. На голове стоят торчком острые уши, на лице – карнавальная полумаска, сзади метет пол черный хвост.

Черный Кот: (томно) Какую белиберду ты учишь. Ну, что это за дурацкие правила, мур-р. Особенно второй куплет. (Кот поет)

Руки мой перед едой,

В центр стола поставь цветочек,

Помни, ты не жрать пришел,

А галантно съесть кусочек.

Зубы пастой чисть потом,

Ноги мой на сон грядущий,

Ты – великий постовой

Всей земной зеленой пуши!

Правда, белиберда? Где же нам ещё как следует нажраться, как не в гостях, за гурманским столом, да? Мяу! Ты согласен со мной, о умный, спортивный парень?

Зел: (неуверенно) Что-то я не очень уже согласен... А вы кто, собственно, такой? И где остальные? (Зелимхан проводит рукой над касками и оружием)

Черный Кот обнимает Зелимхана за плечи и кружит с ним по сцене.

Черный Кот: (увлеченно) Мур-р! Остальные как раз пошли пожрать в кабачок. (в сторону) Поэтому ты, фраерок, будешь моей личной богатой добычей! (с пафосом) Я самый дерзкий-предерзкий Черный Кот по кличке «Торпеда»! Я перебегаю всем дорогу, и начинается жуткая котовасия: передние машины резко тормозят, задние врезаются им в багажники. Испуганные пешеходы поворачивают назад и влетают прямо под колеса! Правда, весело, МУР-р?!!

Зел: (отстраняясь) Нет, вы поступаете неправильно! Когда мой мяч случайно вылетает на дорогу, водители его не давят. Чем они вам не угодили, что вы им вредите? И пешеходы, небось, тоже вам на хвост не наступали. Вы просто невоспитанный и злой!

Черный Кот: (злобно) Что-что?! Ах, ты маленький дурачок! Я хотел показать тебе черный ход из этого Эдема! Все черное на свете мне отлично знакомо! Но теперь дудки! (Кот показывает кукиш) Хотя, ты мне нравишься парень! И если у тебя есть чем заплатить, то, считай, ты уже дома – на Земле. Дядя Торпеда слова на ветер никогда не бросает!

Зел: К сожалению, я попал сюда прямо только в трусах и майке, поэтому никаких денег у меня нет.

Торпеда: Ну, может, ты что-то умеешь делать экстраординарное, за что вот эти бандиты нам отвалят круглую сумму. Ты же, я смотрю, уже выпускник школы. Должен шурупить что к чему. И вообще иди ко мне в напарники. Будешь ни в чём себе не отказывать: всё что чужое – то твое! И не надо горбатиться за гроши. Ты уже взрослый: пора брать монету за рога! А эти киллеры, когда сытые, – они добрые!

Зел: Я умею только играть в футбол и рисовать живых бабочек.

Торпеда: (заинтересованно) Футболом тут никого не удивишь, а вот можно последний пункт развернуть для просмотра.

Зел: Фломастер у меня есть, а вот бумаги нету.

Торпеда: Что ж ты за художник без холста! (в сторону) Ладно, придется выдрать лист из шпионского блокнота.

Черный Кот достаёт из-за полы плаща огромный блокнот, висящий на веревке через плечо, отрывает лист.

Торпеда: На, ваяй. Никогда не видел, чтобы нарисованные бабочки ожидали. (в сторону) Так его можно посадить на цепь и пусть рисует живые деньги.

Зелимхан, положив лист на колено, быстро рисует. И вдруг с листа слетает огромный пестрый махаон. Кот сначала ошарашен, затем бросается ловить бабочку, но у него ничего не выходит – она улетает за кулису.

Зелимхан: (смеется) Хоть вы и «Торпеда», но ловкости вам не хватает.

Тор: Ах! Так! (Кот враждебно наступая на парня) А ну-ка гони мне волшебный фломастер, а я выведу тебя отсюда домой. (в сторону) Наверняка писалка сама умеет рисовать живые деньги, а знакомый умелец-фальшивомонетчик у меня есть.

Зел: Не могу. Он дареный.

Тор: Ну и оставайся на всю оставшуюся жизнь на этом захолустном Том Свете!

Зел: Зачем? Я выучу Умную песню, и Король Минздрав II отправит меня прямо домой. А вы заведете в какой-нибудь тупик и противно скажете – мур-р!

Тут Кот достаёт из-под полы плаща большой черный пистолет. Он направляет дуло на испуганного Зелимхана.

Черный Кот: А ну, отдай листок с песней и фломастер, не то стреляю!

Зел: (потрясенно) Но это же не по чесноку! У меня же нет оружия. Опять вы играете по-черному.

Черный Кот: (самодовольно) Да, я такой! И хватит болтать. Давай, гони песню и свою писульку. Мне нарисуют кучу долларов, и я наконец смоюсь поиграть в казино Лас-Вегаса. Ну, быстрее. Я сильно нервный и уже давлю на курок.

Кот протягивает лапу за листком и фломастером, но Зелымхан вдруг ловко бьет по пистолету ногой, и тот отлетает в сторону.

Зел: Прежде чем в людей стрелять,
Вам в футбол бы поиграть! Вот так-то!

*Зелымхан делает Коту «козу» и убегает, задорно подпрыгивая.
Черный Кот поворачивается к зрителям и безнадежно разводит руками-лапами.*

Черный Кот: (грустно)

Не повезло совсем немного,
Но надоело всех пугать,
Чтобы добра была дорога,
По правилам начну гулять.

Занавес закрывается.

Зелик проходит по авансцене. Он весело провозглашает:
– Вот третий куплет как раз про наш случай. (Он поет)
Скоро, парень, ты поймешь,
Мир сошел с ума от денег.
Все в погоне за рублем
Превратились во злодеев.
Не чета тебе они.
Суть скупца – дрожать от страха.
Посвяти труду все дни,
Пусть другие гибнут в драках.

Сцена № 4.

Занавес открывается. Задник разрисован болотом, большие листья, белые лилии. Сверху свисает строгая надпись: «Контрразведка». Посреди сцены на офисном крутящемся кресле сидит Зеленая Лягушка. Это – девочка в зеленом коротеньком платье. На ногах – ласты, на руках – зеленые пер-

чатки. Платье разрисовано цифрами и буквами алфавита. С правой стороны от нее стоит стол с компьютером.

Зеленая Лягушка Эсмеральда: (говорит в рацию) Да, все понятно. Заношу в базу данных. Отбой.

Она кладет передатчик на стол, видит краем глаза притаившегося сбоку за кустом Зелимхана и напевает романс, набирая текст на клавиатуре компа:

– На склоне лета расцветают
Под ветром лилии цветы.
И ветер лилию качает
В зеленых кружевах листвы.
И на поляне пред рассветом
Раскроет лилия глазок
И серебристо-белым цветом
Вольется в утренний поток.
Могу я целыми часами
Смотреть, как гордые цветы,
Прощаясь с летними лучами,
Хранят всю прелесть красоты,
И прежде, чем сорвать цветок
Для собственной угоды,
Ты вспомни, бить своих – порок
Ведь оба – дети вы природы.

Эсмеральда: Выходи, Зелик, не прячься. Здесь натыкано двадцать скрытых камер. Я давно за тобой наблюдаю.

Зелимхан останавливается перед Лягушкой.

Зел: Добрый день! А я знаю, кто ты. Ты – Зеленая Лягушка!

Зеленая Лягушка: Да, это я. Но у нас добрыми бывают только ночи – мы по ночам устраиваем лягушачьи концерты вон на том болоте. А ты, Зелик, не хочешь случайно попеть с нами?

Зел: (удивленно) Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Зеленая Лягушка: Я все знаю. Я – Эсмеральда. Ты – Зелик. Я – вундеркинд. Ты – школьник. 10 «б» класс, школа № 148. Все юные земляне у меня под колпаком!

Зел: Кто-кто? Ну, как ты сказала? Эс-спиралька? Бундер-бинт?

Зеленая Лягушка: Эсмеральда! Вундеркинд! Ну, это значит, суперумная леди. (Она показывает пальцем на листок) Вот, например, я вижу, что ты учишь Умную песню. Мне там очень нравится четвертый куплет (Поет)

В пустяках не заносись,
Девочку не трогай пальцем.
В ней истоком бьется жизнь,
Хоть стрекозы любят танцы.
Будешь ты учить иль печь,
Твой успех – ум, труд и малость:
Чтоб была учтивой речь,
В сердце – доброта и храбрость!

Зел: А я тебя пальцем и не трогал. Некогда мне. Я – лучший нападающий школы. Каждую свободную минутку посвящаю футболу. Говорят, скоро буду звездой. Поэтому мне очень нужно домой. Выручай, Эсмеральдочка!

Зел. Лягушка: Зелимхан, я при исполнении, поэтому разъясню ситуацию. На Земле ты вел себя легкомысленно. В последний момент мне удалось вытащить тебя из-под колес машины, иначе пострадали бы многие люди вместе с тобой. На нашем первом уровне Того Света такие, как ты, подвергаются педагогической обработке и отпускаются назад на Землю в исправленном виде. А на других уровнях плохим людям уже воздается за грехи по полной программе. Как говорится, сколь украсть успел, столько и поел!

Зел: Не понял. Я думал, грешников морят голодом.

Эсмер: Я тоже сначала не так думала, но потом Минздрав мне объяснил: за жизнь каждому существу положено съесть определенное количество пищи, как тот её слопал, так и помер...

Зел: А-а! Чем быстрее заглотил, тем быстрее и почил, да?

Эсм: Зелик, следи за речью!

Зел: Слушаюсь! А что, например, на выпивку у вас тоже лимита нет? А то у нас наверху все аж давятся этой проклятой водкой!

Эсм: Насчет выпивки предусмотрены специальные ограничители: цирроз и простатит.

Зел: А, вот откуда болезни берутся. Вы присылаете.

Эсм: Не мы, а ваши земные жадные до денег олигархи и преступные паханы. Они уже сами провоняли этими вредными подделками!

Зел: Но-но! От тебя тоже не ландышами пахнет, а тиной.

Зеленая Лягушка: (с презрением) Ква, Зелимхан! Как ты разговариваешь с дамой? Не комильфо! И ладно бы кто-то другой, а то храбрый победитель Черного Кота. Художник, рисующий живых бабочек! Ай-я-яй!

Зел: (смущенно) Извини, Лягушечка. А откуда ты знаешь про Кота? И про бабочку? Это ж было всего десять минут назад.

Зеленая Лягушка: У нас в Воспитательном Эдеме очень хорошо налажен беспроволочный телеграф.

Зел: Обалдеть! Сплетни, что ли?

Зеленая Лягушка: Для кого сплетня, а для меня – технический прогресс на службе правопорядка. (Она вертит в воздухе ручкой с рацией). Понял?

Зел: Понял. Это тебе Шлагбаум по рации настучал.

Зеленая Лягушка: Что за блатной жаргон! Не настучал, а сообщил полезную информацию.

Зел: Ну, хорошо, пусть сообщил. А комп у тебя для чего? В игры играешь?

Зеленая Лягушка: Нет, этой детской забавой я не страдаю. На компьютере я обрабатываю полученные данные на вновь провалившихся и определяю их Ай-Кью, то есть – уровень интеллекта.

Зел: Ой, скажи, какая продвинутая! (Он упирает указательный палец в свой нос и высоко его задирает)

Зеленая Лягушка: Да, продвинутая! Ты по моим выкладкам тоже с высоким коэффициентом. Поэтому, если хочешь, я могу научить тебя, как обмануть на экзамене Короля Минздрава.

Зел: Нет, я обман не люблю. Не по чесноку всё это.

Эсмер: Как это? Как это? При чём тут горький овощ?

Зел: При том! Что в футболе всё должно быть по-честному!

Зеленая Лягушка: А-а-а! Поняла. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Но ты же не сможешь выучить всю песню – она слишком большая.

Зел: (гордо) Совет приму – порядок полный,
Но лебезить не буду тут.

Я здесь посол команды, школы!

Другие пусть поклоны бьют.

Эсм: Ну, хорошо. Вот повтори хотя бы то, что я спела.

Зел: (неуверенно) Попробую. (Он поет четвертый куплет)

Зеленая Лягушка оглушительно хлопает в ладоши и лапами.

Зеленая Лягушка: Bravo! Бис! Гениально! Ты, наверно, тоже вундеркинд, только еще про это не знаешь. Может, сразимся в шахматы? Я Короля всегда обыгрываю. Ква-ква! (Она бьет себя зеленой пятерней в грудь)

Зелик: Не-а, давай лучше в футбол сыгранем. Я тебе фору дам в три мяча!

Зеленая Лягушка: Для этой игры у меня конечности не приспособлены. (Она задирает высоко ноги и перебирает лапами) Стоп! Мне пора на задание. У нас сегодня тендер. Два олигарха Прохоровский и Абрамовский должны как-то сразиться, чтобы решить, кто будет качать себе нефть из нашей скважины и взамен поставлять молоко во Дворец.

Зел: А это не кончится кровавой разборкой?

Эсм: Мы – разведка. Всё делаем аккуратно. В пострелушках участвуем только глазами.

Зел: Тогда я просто должен защитить тебя. Ты же девчонка!

Эсм: Тогда держи болотоходы.

Зел: Обалдеть! Ты смотри, с моторчиками. (Он надевает на ноги лыжи на роликах)

Эсм: Вперед и тишина!

Зеленая Лягушка неуклюже попрыгала за кулису. Зелымхан поехал за ней.

Занавес закрывается.

Сцена № 5.

Зелымхан и Эсмеральда медленно передвигаются по авансцене, останавливаются в центре.

Зел: Я все-таки нарисую пистолет, вдруг придется отстреливаться. (Он рисует, приложив к колену листок Кота)

Эсмер: Так изобразил бы сразу танк, в нем безопасней.

Зел: От танка шуму слишком много, и он получится маленьким, мы в нем не поместимся.

Эсмер: А как вообще оживают нарисованные тобой образы?

Зел: Это секрет. Но тебе я его открою. Потом. Если ты мне поможешь попасть домой. Трах-тибидох! (Он отделил от листа настоящий вороненый пистолет)

Эсмер: (потрясенно) Класс!!! Мне таких способностей и не снилось. (Она достает пистолет из кармана) Можешь мне ничего не открывать. Я тебе и так помогу, сенсей.

Зел: А откуда сюда идет тепло? Солнце-то у вас какое-то белое.

Эсмер: Это параллельный, отраженный мир. А тепло мы получаем прямо от земного ядра. Оно горячее.

Зел: Обалдеть! А Кот Торпеда – он чей шпион?

Эсмер: Кот – двойной агент. Успеваешь хапать от одной стороны и от другой.

Зел: На чьей же стороне он сегодня?

Эсмер: Неизвестно. Ну, всё! Молчи, Зелик, если не хочешь пулю схлопотать.

Сцена № 6.

Занавес открывается.

Посреди сцены стоит указатель – полосатый столб со стрелой и с надписью: «Офис Короля Минздрава II». Качок Прохоровский в косоворотке

сидит прямо на дороге, на газетке, привалившись спиной к столбу. Рядом лежит объемный кожаный чемодан с валютой. Худой Абрамовский в кипе сидит на тощем кейсе. Они увлеченно режутся в карты. Черный Кот бегаёт вокруг и шепчет на ухо то Абрамовскому, то Прохоровскому. У дороги большой куст жасмина, за ним прячутся Зеленая Лягушка и Зелымхан с пистолетами наголо. Эсмеральда снимает игроков на видео. Прохоровский вытаскивает из чемодана пачку денег, бросает Коту.

Прох: Торпеда, что-то горло засохло, принеси выпить и закусить.

Кот: (по-лакейски лебезит) А чего желаете, господин Прохоровский?

Прох: Абрамовский, ты чего желаешь?

Абр: Мне – Джин-тоник и коктейль «Бёрн».

Прох: А мне – водки и соленый огурец. Исполнять!

Кот: Айн момент! (умчался)

Прох: И что, это ему придется аж на Землю бежать?

Абр: Зачем? Здесь на Том Свете, благодаря мне, есть все блага цивилизации: супермаркет, боулинг, игровые залы. Правда, всё подпольное. Это же Эдем для малолетних. Поучит-поучит какая-нибудь соплюшка эту дурацкую Умную песню и захочется ей развеяться, и побежит она зажигать в боулинг с наркотическими таблетками или сядет проиграть пару папиных тыщенок моему автомату. Кругом и везде у меня здесь – доход! И так было без тебя хорошо! Нефть высокооктановая, качай, сколько хочешь, а этому дураку Минздраву отдай всего какую-то машинку молока! Причем молоко я ему намешиваю из порошка, водянистое. А жирное, от его элитных коров, загоняю втридорого на Земле. Мол, молочко с Того Света! Эксклюзив!

Прох: Хитрая махинация. Спасибо. Возьму на вооружение.

Абрам: Не говори «гоп». И так уже впёрся, всё попортил – поднял потери до двух машин в день, подорвал красивую экономику!

Прох: Зато тендер мой! У меня же на Земле 10 ферм и молокозавод. Мне это разбавленное молоко девать некуда. А отсюда я буду брать нефть – это 100 баксов за баррель – и жирное молочко – полтинник за литр. Да ещё разведочные работы проведу. Ещё 10 скважин забьют! Вот посмотришь! А ты сейчас и эту свою единственную проиграешь – карта-то козырная вся у меня!

Абр: Ну, это ещё не факт!

Прох: Не факт, а шах и мат! Так что собирай свое барахло и дуй на все четыре! В коммерции всегда побеждает сильнейший.

Кот приносит на подносе напитки. Абрамовский подмигивает Торпедке. Тот кивает в ответ.

Кот: Вот вам ваша водка и огурец! (склоняется в подобострастном поклоне)

Прохоровский откладывает карты. Берет полный стакан белой одной рукой, соленый огурец – другой.

Прох: Ох, и шустряк ты, Торпеда. Так и быть – беру тебя в свой штат. Будешь шталмейстером (глочет водку).

Кот, отбросив поднос, быстро бегаёт вокруг указателя, туго прикручивая торс Прохоровского к столбу. Веревка уже плотно прижала грудь и руки незадачливого выпивохи. Выпить Прохоровский успел, а закусить – нет. Кот завязывает сзади узел, выходит на центр, довольно насвистывает, любуясь своей работой, хлопает лапами, отряхивая пыль.

Прох: Эй, ты что наделал, Торпеда?! Это же явная подстава. Братки за это из тебя все волосы по одному повырывают.

Абр: Не пугай, Прохор. В коммерции выигрывает хитрейший.

Прох: Да закусить хоть дайте!

Абр: Не подавись (втыкает ему в рот огурец).

Прох: (возмущенно жуя) Тебе, Абрам, это все равно не поможет! (Он пытается освободиться, дергается, но привязан крепко). Развяжи по хорошему. Я все расскажу Минздраву, и договор будет заключен все равно со мной.

Абр: Не успеешь. Сейчас во дворец проедет молоковозка прямо по твоим длинным оглоблям, наивный ты пенек! Эти училишки так сильно любят молочко – резервуар будет полным – твои косточки разлетятся на мелкие дребезги!

Прох: (со злостью) Но за что ты меня казнишь? Я же ничего плохого тебе не сделал!

Абр: А ни за что! Видишь ли, я действительно невезучий, и одна знакомая ведьма мне нашептала, как избавиться от этой напасти. Она сказала: «Ты должен помочь кому-нибудь оказаться, например, без ног, чтобы его хорошенько переехало, или как следует продырявить его из «пушки», чтоб он стал как дуршлаг, и тогда вся твоя невезучесть перейдет на этого простофилю». Видишь, тебя еще не переехало, а моё настроение уже сильно улучшилось. Отлично действуют черные чары!

Прох: Да, Абрам и Котяра, если мне удастся выжить, уж я вас не забуду!

Кот: Уймись, Прохор, правосудию ты ничего не докажешь – свидетелей-то нету. А чемоданчик твой с баблом мы прихватим с собой. Потом законно всё поделим.

Абр: Ну, хватит болтать. Пошли к Минздраву подписывать договор. Сквжина всегда будет моей! А ты сильно не скучай, теперь уже скоро!

Раздovольные Абрамовский с дипломатом и Кот с чемоданом, прыгая конями, убегают за кулису.

Прох: (обреченно) Вот это я лопухнулся! Что же делать? (Он опускает в раздумье голову)

Раздается далекий шум мотора. Это едет рефрижератор.

За кустом идет военный совет.

Эсмер: Я должна ехать доложить обо всем Минздраву.

Зелимхан: На чем ехать? На ластах?

Эсмер: У меня тут мотак припрятан. А тебе, Зелик, придется продолжить наблюдение.

Зел: (удивленно) Наблюдать, как Прохору ноги отрежут?

Эсмер: Да такого не жалко. Эти олигархи же нас запросто едят. Мы для них – деликатес. «Лягушачьи лапки». Не слыхал?

Зел: Эсмер, ты пела «лилию сорвать – убийство». А тут обрекаешь на смерть человека!

Эсмер: Ладно, я поехала. А ты, Зелик, делай с ним, что хочешь. (Зеленая Лягушка исчезает за кулисой)

Зелимхан выходит к привязанному к столбу олигарху. Рев мотора слышен сильнее.

Прох: Парень, помоги, развяжи! Сделаю для тебя всё, что захочешь.

Зел: (сунул пистолет в карман, почесал затылок) А пошлешь нашу футбольную команду на чемпионат Европы среди юношей?

Прох: (клятвенно) Пошлю по первому разряду! Я сам бывший футболист. Отвязывай!

Зел: Нет. Я придумал кое-что получше. (Он снимает с себя желто-красную майку) Не беспокойтесь господин Прохоровский, за дело берется центральный форвард Зелимхан!

Зелимхан встает посреди дороги, машет майкой и кричит: «Объезд! Объезд! По проселочной!» Слышен рев мощного мотора машины, которая проезжает мимо.

Зел: Вот и всё. Одну угрозу мы убрали.

Прох: (нетерпеливо) Ну, отвязывай теперь быстрее!

Зел: А поверит вам Король Минздрав, если вы придете к нему и скажете: было так и так?

Прох: В принципе, мы не знакомы.

Зел: Я тоже с ним не знаком. Получится ваше слово против слов Абрамовского и Кота. А уж они наврут с три короба!

Прох: Что же делать?

Зел: А давайте, вы так привязанный и прогуляетесь. Столб не очень тяжелый?

Прох: Да вроде нет.

Зелимхан берет ся сзади за столб. Прохоровский подтягивает к животу колени, упирается руками в фундамент.

Зел: Три-четыре! (мужики отрывают указатель от фундамента и Прохоровский встает вместе со столбом). Ну, всего-то делов.

Прох: А ты, невезучий Абрамовский, так невезучим и останешься! Не вышло по-твоему, жулик ты мелкий!

Зел: Да, прежде чем людей давить,
Надо поумнее быть!

Зелимхан и Прохоровский с привязанным к спине указателем уходят со сцены. Занавес закрывается.

Сцена № 7.

Согнувшись под тяжестью указателя, Прохоровский медленно идет по авансцене. Кряхтит, кашляет.

Зелимхан: Мой папан говорит, если тяжело, надо запеть и станет легче!
Он звонко поет куплет Умной песни.

– На Земле бандитов тьма,
Но одеты все прилично.
Рейдер здесь, как Сатана,
Нищим сделает Вас лично.
А в Эдеме всё не так –
Бережем мы дух природы.
И не сможет тут дурак
Издваться над народом.

Прох: Всё, баста. Больше не могу. Тяжело. Да ещё водки хватанул... Может, ты немного протацишь? До дворца. А там, уже в сам офис я снова попру.

Зел: Ради друга золотого
Я готов тащить и гору! (Он развязывает веревку, скручивает её с олигарха. Тот с удовольствием сбрасывает с себя столб.)

Прох: Вот спасибо! Ты, Зелик, мой брат навеки! Давай, садись. Я сделаю обратную операцию.

Зелимхан садится на дорогу, напевая Умную песню. Олигарх с радостью прикручивает его веревкой к столбу. Крепко завязывает.

Прох: А это что такое? (Он вытаскивает пистолет из кармана трусов Зелимхана) А казачок-то оказался со шпалером! Значит, ограбить нас тут собрался?

Зел: (добродушно) Господин Прохор, он же газовый. Годится только попугать. Это я у брата стибрил поносить.

Прох: (самодовольно) Оружие я реквизирую. Пригодится попугать Абрамовского. А ты посиди тут. Со столбом мы быстро не дойдем, а этот пройдоха там все обтяпает. Так что извини и прощай! Дружище!

Прохоровский потрепал беспомощного Зелимхана по щеке.

Прох: Не скучай. Я прикажу там слугам. Они тебя освободят.

Олигарх, весело свистя, кладет пистолет в карман смокинга и уходит.

Зел: (скулит) Но так же нечестно!

Прох: Зато чудесно! Дурачок.

Зел: (возмущенно) Что за страна?! Все тебя норовят подставить, обдурить, обобрать. Прямо как на Земле. А ещё громко называются «Эдемом»! (Он пытается освободиться, дергается, но привязан крепко) Черной неблагодарностью отплатил мне проклятый олигарх за то, что я его спас... (плачет пацан) Ой, что это? (Слышен рев мотора приближающегося рефрижератора) Это возвращается молоковоз, и уже почти темно. Он точно проедет по моим ногам, и я тут сдохну от потери крови... Вот это я пролетел!.. Может, позвать на помощь? (обреченно) Да нет, до дворца ещё далеко. Никто не услышит. (Он ещё немного подергался) Нет, так от веревки не освободиться. Остается одно – надо встать вместе со столбом.

Зелимхан подтягивает к животу колени, упирается руками в асфальт...

Зел: Ну, или я встаю, или я – не мужик. Три– четыре! (Парень отталкивается руками от дороги, отрывает указатель от асфальта и, весь трясясь от напряжения, встает вместе со столбом) Ура. Получилось! (шум от машины усиливается)

Зелимхан, уходя со сцены со столбом на спине, громко провозглашает:

– Чтобы справиться со мной,

Мало быть тупым бревном!

Ему в спину бьют светом фары молоковоза.

Сцена № 8.

Занавес открывается. Это тронный зал дворца. На заднике висит доска с надписью «Тронный зал». В глубине по центру сцены стоит высокий трон. Он пустой. По правую сторону сидят Фиалеипо, Абрамовский, Черный кот, сановники. По левую сторону – Зеленая Лягушка, Шлагбаум, сановники. Стоят слуги в ливреях, держат в руках канделябры. На середину зала дефилирует Распорядитель или Церемонимейстер Гелиотроп, в руке – увесистая трость с набалдашником. Он бьет палкой по полу и ныпыщенно провозглашает:

– Я – первый зам Гелиотроп. Прошу всех встать! Король идет!

Бодрой походкой, подметая пол мантией, отороченной шкурой барса, летит через сцену весельчак Минздрав II – корона набекрень.

Король: Садитесь, садитесь. В ногах правды нет. Потому что её нет и вообще нигде! (Усаживается сам на трон)

Абрамовский: (протягивая лист договора) Ваше величество, не изволите ли подписать продление контракта по теме «Молоко за нефть».

Кор: Не изволю. Сначала у нас на повестке танцы и поэзия!

Сановники выражают бурную радость и аплодируют.

Абрамовский: (в сторону) Глупец! Нефть и всё Черное правит миром. А ты протанцуешь так всё королевство.

Кот: (с пафосом) О, тогда я тоже участвую.

С Днем Святого Валентина!

Много денег и интима!

Будут деньги и интим –

На фиг нужен Валентин!

Король: Фи, Торпеда! Никакого такта! (смотрит на часы) И, кстати, что-то опаздывает наш смельчак. Черный, не твоя работа?

Черный Кот: (обиженно) Как что-нибудь не так-то, сразу Черный виноват. Мы расстались при известных Вам обстоятельствах и больше не встречались.

Король: Правильно! Ты вырыл на дороге яму, замаскировал её и наш Зелимхан сейчас в ней сидит. Ты не простил ему своего поражения, да?

Черный Кот: Ах, оставьте меня в покое. Только встанешь на путь исправления, тебя сразу огульно обливают грязью!

Кор: Ну, прости, Торпеда. Гелиотроп, можно начинать.

Распорядитель: (Бьет тростью) Хореография Фиалки, музыка Эсмеральды. Танец лесных пеньков!

С двух сторон на сцену выбегают дети-пеньки с корнями, похожие на осьминогов. Они выталкивают на середину Зелимхана со столбом на спине. Подвижный танец проходит под космическую быструю музыку. Зелимхан очень устал. Он пытается пробиться к Королю, но пеньки легко отталкивают и крутят его щупальцами, и он все время отлетает, кружась, назад, и в результате скачет среди пеньков по кругу.

Наконец музыка резко обрывается, все танцоры застывают в эпатажных позах.

Раздаются аплодисменты зрителей. Минздрав с любовью гладит правой рукой головку дочери, левой – Эсмеральды.

Кор: Жемчужинки вы мои золотые!

Вдруг на сцену вбегает Прохоровский с пистолетом наголо.

Прох: Извините, Ваше Величество, но в вашем безопаснейшем Раю меня обокрали, связали и бросили под колеса тяжеловоза! (Он направляет дуло то на Абрамовского, то на Торпеду)

Кор: (весело) Кто посмел?

Прох: Вот эти два зверя. Сидеть! Где мой чемодан с баблом?

*Прохиндеи не знают, что ответить.
Как будто испуганные пеньки сбились в кучу.*

Зелимхан: (шепчет им) Развяжите, я свой.

Крупный пенек спрашивает в рацию: «Развязать?» Эсмеральда бросает в передатчик: «Да, можно». Пеньки развязывают веревку и снимают столб со спины футболиста.

Черный кот внезапно бросает в Прохоровского его чемодан с возгласом: «Да вот он. Я просто по дружбе донес его до офиса, чтоб Вам ручки не натрудить!»

Чемодан сбивает с ног Прохоровского. Он падает на спину. Кот и Абрамовский бросаются бежать как раз в сторону Зелимхана. Тот с огромным указателем в спортивных ручищах, как с алебардой, преграждает им путь к отступлению.

Зел: А ну, пошли назад! Ворюги драные!

Эсмеральда: Зелик, стиль!

Зел: (с издевкой) О, пардон, Эсмер. Здрасьте, уважаемые! (оглядывает собравшихся, толкая двоих беглецов бревном к центру) Ну вот, все убийцы в сборе.

Прохоровский уже встал.

Прох: Не подходи, буду стрелять.

Зел: Не будешь, он не заряжен. (Зелимхан отбирает у олигарха свой пистолет. Эсмер хлопает в ласты.)

Эсмер: Зелик, я знала, ты всех победишь! Ура!

Король: О, здравствуй, храбрый Зелимхан. Но разъясни, о каких это убийцах ты говоришь, о смелый мальчик? И зачем это ты был привязан к дорожному столбу?

Зелик: А разве, Ваше Величество, вы не знаете неких негодяев, растаскивающих ваши энергоносители и продукты питания? Это вот он привязал меня обманным путем к указателю, чтобы по моим ногам проехал молоковоз. А до того точно так же с ним поступил вот этот.

Прох: Ничего подобного! Мальчик, видно, под кайфом.

Абрам: Наглая клевета! Я буду жаловаться президенту!

Распорядитель: Всё! Прекратили балаган.

Итог сейчас вам будет дан! (Он бьет палкой по полу)

Король: Итак, второй вопрос повестки дня – высокая поэзия.

Миздрав встает, говорит величаво и с пафосом.

Земли посланцы, что с деньгами,

Мы наблюдали тут за вами,

И вы свободно воплощали

На деле то, что вы желали.

Вердикт на всё, увы, простой:
Вели себя вы недостойно,
Нарушили Закон сухой,
Разврат устроили подпольный.
Здесь брали черное богатство,
Нам шел продукт из порошка.
Так разве поступают братья?
Ушла из ваших тел душа!
Эдему не нужны вы оба.
Нам не подходит строй землян.
Чтобы добра была дорога,
Я вам конвой гвардейский дам!
(Король машет скипетром)

Мгновенно олигархов окружают лесные пеньки. Между корней угрожающе высовываются автоматные дула.

Кор: Закиньте их на Землю без права обратной телепортации.

Крупный пенёк: Будет исполнено, Ваше Минздравное Величество!

«Шагом марш!» – охрана уводит нарушителей закона.

Абрам: Эх, такая кормушка обвалилась! Это ты, Прохор, всё испортил!

Прох: Делиться надо было, Абрам! И на двоих бы тут хватило, да жадность фраера сгубила!

Ученые сановники хлопают в ладоши и громко скандируют: «Будь здрав, Минздрав! Будь здрав, Минздрав!»

Король: (величественно подняв длань) Теперь постановление по Черному Коту. Тебе, Торпеда, поручается найти на Земле честного коммерсанта.

Кот: А разве такие бывают? Что-то не встречал...

Кор: Должны быть. И в бизнесе где-то должны скрываться воспитанные люди под личиной коварных делег. Просто ты сам черный, и тебя хронически тянет на всё грязное.

Кот: (обиженно) Да, я не идеален. Но, как боец скрытного фронта, пользу приношу конкретную! Разве не я оперативно выявляю всякий негатив, проникший в наш чудесный Рай? Не я ли играю опасную роль разведчика в тылу аморального врага? И после всего этого я даже не заслуживаю от Вас ничтожного слова похвалы! Конечно, для Вас настоящий герой – это вот этот никчемный специалист лупить ногами!

Кор: Хорошо, я был неправ. Спасибо тебе, Торпеда. А теперь иди ищи скромного, невороватого менеджера, не то будешь доить коров сам!

Кот: (самодовольно) Ладно, в крайнем случае я притащу Вам с Земли доярку-рекордсменку.

Кор: Тоже принимается.

Кот: А командировочные?

Кор: Получи в кассе.

«Мур-Мяу», – томно бросает Кот и уходит, обмахиваясь веером из долларовых купюр.

Зелик: (изумленно) Но этот Торпеда хотел меня убить!

Кор: Да, Кот не безгрешен, но в луже с удовольствием может плавать только свинья. Не могу же я послать на такое деликатное задание своих ученых мудрецов!..

Сановники в знак согласия одобрительно загалдели, затрясли бородами и выдали опять аплодисменты и возгласы «Будь здоров, Минздрав!».

Зел: (пожал плечами) А вот с этим трудно не согласиться.

Кор: (радостно) А тебя, уважаемый Зелик, прошу занять почетное место рядом с нашей дочерью Фиалкой!

Дочь: (уязвленно) Меня зовут Фиалеипо. Сколько раз повторять!

Кор: Прости, дочка, но твой вариант труднопроизносим. Меня тоже зовут «Мессия-инженер по лечению душевного здоровья человечества», но я же не требую от тебя полной версии.

Дочь: Ну, папа, от него разит потом даже оттуда! Ты хочешь, чтобы я задохнулась?

Эсмер: Пусть Зелик сядет со мной. Мне нравится запах настоящего мужчины.

Кор: Но как вы поместитесь на одном стуле?

Зел: С Коброй жизни нет нигде.

С милой Рай и в шалаше. (Он садится на стул Лягушки, она – ему на колени)

Кор: Ну, вот и отлично! Всё устаканилось. Зелик оказал нам большую услугу – вывел на чистую воду двух отпетых негодяев, причем рискуя жизнью! По этикету он должен восседать на фотографировании рядом со мной. А затем Эсмерка покажет герою нашу обновленную страну и проводит его домой. Возражений нет?

Зел: Я согласен.

Эсмер: Я тоже.

Фиалеипо: (с презрением) Герой – вертеть ногой!

Зел: А как же экзамен?

Эсмер: Сначала будет экскурсия. А теперь замри.

Распорядитель с фотоаппаратом встает перед всей компанией. «Улыбочку!» – зажигается фотовспышка.

Занавес закрывается.

Сцена № 9.

Авансцена. Сверху свисает вывеска «Место встречи со счастьем». Выходят Эсмер и Зелик, держась за руки.

Эсмер: Ты, наверное, спешишь на Землю, но не волнуйся. У нас время течет совсем по-другому. На Земле прошло всего три часа, и твоей пропажи ещё никто не заметил.

Зел: Да я, честно говоря, про это как-то и забыл. Мне и тут хорошо. С тобой.

Эсмер: (обрадовано) Правда? Но от меня же шибает тиной!

Зел: Ничего подобного. От тебя очень приятно пахнет лилиями.

Эсмер: А-ну, нюхни ещё раз. Может, нос заложило...

Она подставляет лицо, закрывает глаза. Зелик целует её в губы.

Эсмер: Спасибо, Зелик. Ты спас меня от вечного заключения в лягушачьей плоти!

Она сбрасывает с ног зеленые лапы, с рук – длинные зеленые перчатки... И превращается в очень красивую девушку.

Зелик: (потрясенно) Обалдеть!!! Так ты была заколдованной Царевной-Лягухой?

Эсмер: Совершенно верно. Я – вторая дочь Минздрава. Младшая.

Она вытаскивает из рюкзака хрустальные туфли на шпильках, надевает их.

Зелик: А кто тебя превратил в лягушку?

Эсмер: Сестра Фиалеипо. Чтобы в меня не влюблялись её женихи.

Зелик: Во стерва! А что папан?

Эсмер: Он не в силах изменить Черный заговор. Он – Белый маг. Но теперь мы всем Черным силам кое-что покажем! Я тоже немного волшебница.

Зелик: Почему тоже?

Эсмер: Ну, ты же умеешь оживлять нарисованных бабочек.

Зелик: (грустно) Да нет, Эсмер. Это был маленький фокус. Я поймал махаона заранее, а потом выпустил бабочку, раскрыв кулак. А рисовать я вообще не умею. Я умею только забивать голы ногами и головой.

Эсмер: (обнимает парня) Не печалься, Зелик. Все равно для меня ты самый лучший на Этом и Том Свете!

Зелик: Правда?

Эсмер: Суперправда! (Она берет его за руку) А теперь побежали на Площадку телепортации.

Зелик: А как же экзамен?

Эсмер: Ты его давно сдал. Дал отпор темным злодеям. Это и есть главное испытание в каждой жизни.

Взявшись за руки и улыбаясь друг дружке, они убегают.

Сцена № 10.

Занавес открывается. Дорога с указателем. На основном заднике произошли кое-какие изменения. Вместо трех надписей появились другие:

Интеллектуальное казино «Что? Где? Когда?», Безалкогольный супер-маркет, Боулинг без наркотиков.

На сцене появляются наши влюбленные. Красавица Эсмеральда показывает рукой на карту Эдема.

Эсмер: Смотри, как с твоей храбростью изменился наш Эдем.

Зелик: Ну, на моем месте так поступил бы каждый...

Эсмер: Не скажи. Многие земляне сейчас так и норовят украсть, ограбить, а ты поступил по чесноку, то есть по-честному!

Зел: Да, это как-то само собой получилось. Я ведь посол команды, школы...

Эсмер: (тревожно) Ой, кажется, началось! Я почувствовала опасность.

Зел: (легкомысленно) Да откуда теперь ей взяться?

Эсм: Ну-ка, Зелик, шустро прячемся за куст.

Она затаскивает разомлевшего от счастья футболиста на куст жасмина.

На сцену крадучись выходит странная троица. Черный Кот и уже знакомые нам олигархи в цветастых коротеньких женских платьях и пышных париках. Они несут в руках кейс и чемодан со значками доллара и евро.

Абрамовский: Гляди-ка, Прохор, быстро они тут навели свои порядки, учительшки поганые!

Прохоровский: Чухня! Вдвоем мы завладеем всем этим Раем в три секунды! Торпеда, а это правда, что в том ихнем саду такие яблочки... что съешь, и всё в тебе оживает, как от виагры?

Кот: Конечно. Каждое молодит минимум на пять лет.

Абр: А на мозгах это тоже отражается?

Кот: Не очень. Я разве похож на малолетнего придурка?

Прох: Нет, ты у нас голова!

Абр: А не просечет Минздрав нашу подставу?

Кот: Исключено! Вам же не надо приходить в офис. Я доложу, что доставил двух классных доярок – перевыполнил план! И всё.

Абр: Что ж он не мужик?

Прох: (поправляя съехавшую вниз фальшивую грудь) Вполне может захотеть прикадриться. Чо тогда?

Кот: Ничо. Я скажу, что вы сильно провоняли навозом, поэтому он сначала отправит вас на дезинфекцию.

Абр: И пока он раскачается... Мы уже найдем дорожных бандитов...

Прох: И двинем на штурм Дворца Минздрава!

Абр: А если они не подпишутся?

Кот: (убежденно) Да за евро и гринны

Нам помогут даже пни!

Прох: Спасибо, Торпеда. Ты не только поэт, а ещё и дипломат!

Абр: И динамит!

Кот: Да, я самый хитрый и коварный!

Абр: И бахвальный.

Кот: Мур-р. Ну, только чуть-чуть-чуть!..

Они скрываются за кулисой.

Зелик: Вот гады! Опять 25! (Он порывается броситься на врагов)

Эсмер: Зелик, стой! (Она хватает его за майку) Далеко они не пройдут.

Девочка вытаскивает рацию из рюкзака, докладывает:

– К нам проникли незаконные эмигранты, переодетые доярками. Внимание! Рейдерская атака.

Передачик отвечает голосом Гелиотрона:

– Вас понял. Включаю операцию «Анти-бандитанти».

Зел: Что это значит? Твои люди их поубивают?

Эсмер: Зелик, мы же в Раю! Здесь убийства запрещены.

Зел: А как же тогда вы их прогоните? Это же форменные звери!

Эсм: Не волнуйся. У нас есть секретное оружие. Оно стреляет колючками кактусов и пулями из крапивы. А эти бандиты как раз снизу прекрасно оголены!

В подтверждение её слов гремит космическая музыка Танца пеньков. Слышен свист иголок и крапивных пуль. На сцену вбегают, подпрыгивая от укусов десятков невидимых микро-снарядов, Абрмовский и Прохоровский. Они кричат:

– Ой, что за пчелы? Это осы! А жала, наверно, с ядом! Точно – иголки с курарой! (Он выдергивает стрелку из ляжки.) Бежим отсюда! Ну их у черту! Смываемся! Ой! Ах! Быстрее в лифты! Телепортируемся обратно! А-ах! О-го-го! Завел в засаду нас гадюка! Сусанин усатый! Скорей! Я весь уже дырявый! Ух! Ах! О-ё-ёй!

Олигархи в конфульсиях убегают. На сцену вступает вся королевская рать с игрушечными пистолетами и ружьями. Они стреляют вдогонку. Особенно с удовольствием палит Фиалеипо в охотничьем костюме. Здесь собрались все жители Эдема. Все изгоняют бессовестных коммерсантов из Рая.

Король: Это какое-то кошмарное недоразумение! Такой самонадеянности от умных граждан Земли я никак не ожидал.

Фиалеипо: Что ты, па! Я давно так не веселилась. Отличные пострелушки устроила нам наша Лягушка!

Гелиотрон: Да, задали Вы им жару, Ваше Величество!

Кот шкодливо прячет глаза и поддакивает:

– Больше не сунутся, артисты-садисты!

Вся королевская свита потрясает оружием и скандирует: «Будь здоров, Минздрав! Будь здоров, Минздрав!»

Из-за куста выходят Эсмеральда и Зелимхан.

Бывшая Зеленая Лягушка: Папа, поздравляю с победой над Черными мигрантами!

Король: О, моя Эсмерка! Наконец ты стала прежней! (Он радостно целует дочку)

Эсмер: Это Зелик меня расколдовал.

Король: О спасибо, храбрец! (Обнимает парня)

Зелик: Да при чём тут я? Она сама расколдовалась. Эсмер – очень конкретная фея!

Фиалеипо: (в сторону) Вот проклятье! И этот пролетел мимо носа!

Зел: А ваш Кот, которому вы всё прощаете по доброте, опять Вас подвел. Это он притащил сюда отморозков.

Черный Кот: А что мне оставалось делать? У меня не было другого выхода. Эти страшные киллеры хотели толкнуть меня под машину... (Он продолжает умиленно) О, добрая Эсмеральда, как я рад тебя видеть снова в полном великолепии! Скажи, пожалуйста, высокому собранию, что я не виноват, что я всего лишь несчастная жертва плохой наследственности.

Зелик: Ага, испугался, лицемерный подонок! Щас ты точно станешь натуральной жертвой!

Зелик замахивается кулаком. Эсмеральда ловит его руку.

Король: Прекратить мордобой! Уважаемый Гелиотроп, выдайте Коту Правила поведения в обществе, пусть учит.

Гелиотроп: Слушаюсь, Ваше Величество.

Черный Кот: (в сторону) Вот мрак, а? Ушел от киллеров – нарвался на боксера.

Король: А ты, Зелик, хорошенько запомни, что бить живого человека нельзя!

Эсмеральда: Тем более, по голове. А вдруг он тоже вундеркинд, как мы с тобой.

Король: Да, Эсмерка утверждает, что ты всё запоминаешь с первого раза. Это твой лучший рекорд!

Зелик: (тяжело вздохнув) Нет, этому меня научила Эсмер. До встречи с ней я работал только ногами.

Король: Так, сейчас проверим твои умственные способности.

Фиалеипо: (язвительно) Да заливает он всё, пап! Не видишь – хвостун и хулиган. Э-э! (Фиалка показывает Зелику язык)

Зел: (рассудительно) Возможно, Фиалка и права. Я не знаю ещё точно про ум. Один раз получилось, но это еще ничего не значит. Вот забить пенальти – 9 из 10 – я могу!

Шлагбаум: (удовлетворенно) Смотри ты, каким он стал рассудительным, понимаешь! Наш Эдем явно пошел ему на пользу.

Король: Не будем отвлекаться. Итак, поем дуэтом.

Не катайся ни на ком,

Не хватай чужого счастья,

Не гонись за всем кругом –

Лишь за главное цепляйся.

Эту песню громко пой,

Чтоб ты след в сердцах оставил.

Настоящий тот герой –

Кто знаток всех умных правил!

Королевская свита дружно аплодирует.

Король: (благодушно) Я, кажется, немного сбился от волнения. Поздравляю всех с успешным выполнением нашей миссии. Зелик, теперь ты можешь отправляться домой с чувством обретения высшего знания жизни! И не забудь спеть нашу Умную песню своим друзьям–непоседам.

Зелик: Спасибо, Ваше Величество, за добрые слова. Мы обязательно споем эту песню всей командой на чемпионате Мира! Клянусь бутсой Марадона!

Король: Не надо клятв. Ты доказал на деле, что ты не только смелый, но ещё честный и умный.

Зелик: Ваше Величество, а можно вопрос?

Король: Тебе можно.

Зел: Верней, это просьба. Нельзя ли мне иногда навещать Ваш Эдем?

Король: (лукаво) Навещать Эдем или Эсмеральду?

Фиалето гордо отворачивается.

Зел: Я хотел бы встречаться со всеми. С Вами, Котом и Шлагбаумом мы бы играли в футбол. Эсмеральда сразила бы всех нас наповал в сеансе одновременной игры в шахматы. А Фиалка спела бы нам свои песни – у неё очень красивый голос.

Фиалето поворачивается и расцветает от похвалы.

Король: Договорились! В ближайший наш выходной ты прекрасно провалишься опять к нам на Тот Свет!

Зел: А когда он будет? Ваш выходной?

Король: Трудно сказать. К сожалению, на Земле еще много парней и девочек, которые либо не знают как вести себя на жизненном пути, либо не соблюдают умные правила. Но не будем о грустном. Давайте споем еще раз на прощание нашу Умную песню, да и разбежимся по делам. А то нам пора провалить в Эдем очередного нарушителя. Работа есть работа!

Все персонажи пьесы выходят, взявшись за руки, на авансцену и стройно поют Умную песню.

Крыша над городом

Эта любопытная история имела место быть в маленькой республике Диамар, что находится в Латинской Америке. Итак, солнечный городок Ильяпа расположен в живописных предгорьях Анд, через него протекает бурная река Бумоло, берущая начало под древним Артрамским ледником. Последний сияет снежной белизной сразу за черной промзоной многонационального поселения.

Каждый пенсионер города посещал шахматный павильон в парке культуры и отдыха имени легендарного матадора Родригеса, заколовшего собственноручно 49 быков – убить больше при жизни не удалось никому.

Совсем недавно это мирное местечко содрогнуло небывалое даже для Ильяпы событие. Началось все с того, что любители интеллектуальной игры заметили нестандартное поведение двух завсегдатаев – Переса и Гомеса. Они по-шпионски шушукались, чертили схемы и графики, тихо, но жарко спорили...

Заинтригованные поклонники Фишера и Каспарова потребовали от друзей голый правды. И (о, кошмар!) ильяпские васюковцы узнали грубую истину: 14 февраля, в День всех влюбленных, Артрамский ледник резко растает в результате внезапного потепления. Бумоло, конечно, выйдет далеко из берегов и снесет родной городок Ильяпу с насиженного места прямо в Тихий океан, как какую-нибудь глупую курицу!

– А что ученые? – спросил один хладнокровный шахматист, закуривая сигарету со стороны фильтра.

– Ученые никогда ничего не знают! – заявил напористый Гомес. – Но без паники! Все под контролем.

– Да! – поддакнул более важный Перес. – Мы разработали два выхода из патового положения. Сейчас мэрия рассматривает оба варианта на предмет себестоимости.

Разумеется, пришлось самым дальновидным умам города поведать все до конца и во всех подробностях.

Вариант Гомеса. Надо заложить в ледник 10 тонн тринитротолуола и одновременно взорвать. В таком случае над Ильяпой пройдет всего лишь сильный ливень с форелью, что радует. Слабым местом проекта было то, что вместе с рыбой могли прилететь тяжелые осколки льда, что будет равносильно ковровой бомбардировке.

Идея Переса. Произвести злополучный взрыв надо именно в тот момент, когда бурные воды хлынут вниз. Тогда город просто окатят мелкие брызги, но их будет столько, что Всемирный потоп покажется мелкой проделкой водной стихии.

– Где же выход? – выкатил на лоб глаза мужик, уже дожевывая сигарету.

– Ну, ты и пень! – пожурил приятеля Гомес.

– Над нашим городом надо срочно построить островерхую крышу, – показал чертеж Перес. – Вода сбежит по скатам, и все дела. Строительные материалы уже выделены. Сбор 25 января на площади Независимости.

– Собирайте всех, кого сможете. Всех, кому небезразлична судьба нашей родной Ильяпы! – бросил пафосный клич разгоряченный Гомес.

25 января огромная площадь была запружена спасателями Отечества. Преобладала молодежь, не желавшая терять свой законный Праздник Святого Валентина. Приглашенный оркестр ремесленного училища грянул «Гимн креольских энтузиастов». Многотысячная толпа запела в общем мистическом порыве...

Этот хорал переполнил чашу терпения полиции, принявшей благородное мероприятие за хулиганскую выходку нового политического движения имени какого-то Вальки или Ваньки, что явно имело прямое отношение к русской мафии. Служба безопасности Диамара похватила подвыпивших буянов как зачинщиков, остальные демонстранты были быстро развеяны по улицам конной гвардией.

После допросов на всех уровнях выяснилась причина грандиозной акции. Людей успокоили и распустили из тюрем по домам. Дескать, бури не будет, в крайнем случае пройдет обычный дождик.

Вы спросите, а что же грозные блюстители сделали с шутниками в особо крупных размерах Пересом и Гомесом? А ничего! Во-первых, те благовременно уехали на экскурсию в Африку, справедливо опасаясь неадекватной реакции земляков, у которых напрочь отсутствует чувство юмора. А во-вторых, нет в УК Диамара статьи, наказывающей кого бы то ни было за массовое одурачивание граждан.

Полезная смерть

Мой друг Олег любил выпить. По этой причине от него ушла жена. Жил он вдвоем с глуховатой пожилой матерью в трехкомнатной квартире.

Однажды после работы Олег сильно назюзюкался с друзьями. Домой пришел на автопилоте. Мать смотрела в гостиной телевизор. Звук на всю катушку. Олег тихо прокрался в свою комнату, поднял диванное сидение, чтобы достать постельные принадлежности... Но тут последние силы его покинули – он упал кулем в диванные недра, а сидение над ним опустилось. Роста Олег был среднего, он прекрасно уместился в диванной коробке и крепко заснул.

Мама, посмотрев кино, заглянула в комнату сына. Никого. Решила, что Олег где-то загулял. Она закрыла на замок входную дверь и легла на кровати в спальне. В квартире воцарилась мертвая тишина.

В два часа ночи Олег проснулся от страшной жажды. Голова раскалывалась, все тело болело, ногу свела судорога и хотелось в туалет. Он открыл глаза – темно. «Где я? – спросил он сам у себя. – Надо срочно опохмелиться или сдохну!»

Олег оперся руками о твердое ложе и попытался сесть. Бах! – ударился он лбом о фанеру. «Что за черт?!» Олег обследовал треморными ладонями окружающее пространство. Сверху крышка, по бокам – доски... «Господи! Да я в гробу! – Его глаза полезли из орбит от ужаса. – Где-то нажрался, отрубился, и меня по ошибке похоронили живьем!»

– Нет! Выпустите меня!! Я живой!!! – В панике заорал Олег и принялся колотить конечностями в верх ящика... Однако тугая на ухо мама ничего не услышала. Ее безмятежный сон мог нарушить только орудейный салют, произведенный прямо в спальне.

Обессилов, Олег горько заплакал в своем «гробу». «Какой страшный конец! – причитал он. – Закопали живьем в тридцать лет!» Наревевшись, он взял себя в руки. «Так, может еще не все потеряно? – В нем шевельнулась слабая надежда. – Сам Сашкин гробешник забивал. Крышку чуть гвоздями прихватил и все... И земля, может, рыхлая – закапывают-то лентяи пьяные абы как, сильно не трамбуют... Ведь если сам не вылезу – амба! Кранты на хрен!!!»

Олег собрался, напрягся, уперся ногами и руками в «крышку» и надавил по-штангистски!.. Тяжелое сидение дивана приподнялось... Олег ринулся в светлую щель, как пробка из шампанского!..

Больно ободрав спину, он вывалился из деревянного заключения на паркетный пол.

– А-А-А!!! – вырвался из травмированного парня душераздирающий крик. – Спасите!! Спасите меня!!!

Мозги лихорадочно сканировали окружающее мутное нечто. Никакого грязного грунта рядом не ощутилось. Олег понял, что он в морге... Дикий вой, сравнимый по децибелам с атомным взрывом, разбудил не только его мать, но и соседей.

Заполошная мать прибежала на зов, включила свет.

– Олежек, что с тобой?!

Чуть не спятивший Олег перестал кататься по полу, уставился на родительницу стеклянным безумным взором... Теперь ему подумалось, что он встретился с мамой в солнечном раю!..

– Ты тоже умерла? – с надрывом спросил Олег и снова заплакал.

Ну, мать, конечно, бросилась к своему чаду, стала гладить его по голове, крепко прижала к себе, как в детстве, и часто заверещала, утешая:

– Никто не умер, сыночек! Все мы живы! Это тебе плохой сон приснился. Ну погляди, это же твоя комната. Узнаешь?

Потихоньку к Олегу вернулось самообладание. Он подполз к тюремному дивану, ощупал его и наконец-то «прозрел» – сообразил в каком «гробу» ночевал...

С тех пор прошло два года. После того ночного кошмара Олег не пьет. Даже пиво. Счастливая жена скоро родит ему наследника!

Итальянский синдром

Несколько любопытных первоапрельских розыгрышей вошли в мировую историю наряду с биографиями монархов и описаниями пунических войн.

Так в одной итальянской газете 1 апреля была напечатана заметка о садах спагетти, открывшихся в местечке Мачипороне. В статье так подробно и живописно описывалась процедура сбора бесплатных макарон с деревьев счастливыми рабочими и ткачихами, что в сонный провинциальный городок ринулись сотни любителей поесть на халяву.

В Англии популярный телеведущий утреннего ток-шоу убедил зрителей, что сегодня пятница, а не суббота, и тысячи одураченных граждан поехали в метро на работу.

В Аргентине по радио было сообщено о великом научном эксперименте. Дескать, наши биологи скрестили курицу и шимпанзе. В результате несколько курпанзе снесли пятнадцать огромных яиц, которые выставлены в орнитологическом музее в Буэнос-Айресе. Любознательный народ так бурно атаковал место необычной выставки, что многих арестовала полиция.

В Португалии 1-го апреля спортивная газета выдала сенсацию: «Сборная Ирана снята с чемпионата мира по футболу по техническим причинам. Благодаря этому решению ФИФА в финальную часть прошла наша команда!» Обезумевшие от радости фанаты три дня бегали по улицам Лиссабона с национальными флагами.

Известный мне первоапрельский розыгрыш из владикавказской действительности тоже довольно интересен. Итак, жила-была красивая девушка Лена на улице Мамсурова. Она помешалась на итальянском «сапоге» и поставила перед собой цель выйти замуж обязательно за макаронника. Она смотрела фильмы с Мастрояни и Стефанией Сандрелли, Альберто Сорди и Челентано, факультативно учила итальянский язык и ела исключительно спагетти в томатном соусе.

Еще Лена была студенткой филфака университета и очень нравилась Славику, студенту сельхозакадемии и заядлому кавээнщику. Друзья ему оперативно объяснили: «Выбрось ее из головы – осетину ловить тут нечего!»

– Нет проблем! – принял вызов находчивый парень. – Представьте меня ей как итальянца, поступившего в наш мединститут. Сегодня 1 апреля, если проколюсь, скажу, что пошутил.

Кореша так и сделали. Лена чуть не умерла от счастья. Еще бы! Она ломала голову над тем, как ей раздобыть достаточно «зеленых», чтобы отправиться на Аппенинский полуостров по турпутевке, а тут вождеденный итальянец сам прибыл к ней во Владик!

Она спросила у Славика на чистом римском диалекте, откуда он приехал и какие у него жизненные планы? На что кавээнщик уверенно залопотал:

– Перке? Бене куатро энцо онданте. Вы, Лена, говорить на древний язык, я с трудом понимать. В Италия давно все другой. Давайте говорить русский. Мне надо тренироваться.

Так была решена языковая проблема. В остальном Славик был полным миланцем: брюнет, загорелый, все вещи импортные. Назвался он в запарке Андреа Боччолли. Однако Лена еще не добралась до изучения имен оперных теноров и проглотила грубую ложь, как любимую макаронину.

И все было у них волшебным и прекрасно. Лже-Андреа гулял с Леной по парку, она кормила его дома итальянскими трубками. Они уже стали обниматься и целоваться...

Но однажды на проспекте пылко влюбленная парочка столкнулась с двоюродным братом Славика Казбеком. Он не был в курсе кардинальной перемены в имидже родственника и радостно заорал на всю пешеходную магистраль:

– Славик! Привет! Куда пропал? А это твоя невеста? Знакомь скорей, и пошли в кафе – приглашаю!

Лена резко выдернула свою руку из ладони спутника и, побледнев от негодования, спросила:

– Что это значит? Почему он назвал тебя Славиком?

Парень растерялся. Зато встрял развеселый Казбек:

– А как я еще должен называть своего брата? Славик, что она говорит? Я ничего не понимаю!

– Каз, я потом все объясню, – наконец к Славику вернулся дар речи. – Лена, извини, я не итальянец. Я пошел на этот обман, чтобы ты меня сразу не отфутболила.

Обиженная в лучших чувствах девушка ничего не хотела слышать – она вскочила в подвернувшийся трамвай и поехала домой переживать крушение заветной мечты.

Однако без остряка Славика она уже долго не протянула. Вскоре они встретились вновь. Лена поставила перед шутником жесткое условие:

– Я выйду за тебя, если ты будешь учить язык Петрарки и Сабрины, и в свадебное путешествие мы поедem на Аппенины!

Теперь Славик нашелся мгновенно:

– А я женюсь на тебе, если ты будешь петь, танцевать и играть в нашей команде КВН!

Через месяц они поженились, а про поездку в Италию было как-то забыто.

Проблема шпионской жизни

Федя, мужчина в расцвете лет и змеиного ума, долгие годы жил как самый натуральный шпион. Он ходил на «производственные совещания» к одной любовнице и уезжал в «командировки» к другой, жившей буквально по соседству.

Но и Джеймс Бонд иногда допускал проколы! Однажды агент «почти 007» тоже промахнулся: Федя перепутал карманы и отдал жене записку вместо полочки.

– О! Тебе оклад повысили! – обрадовалась наивная Федина половина. – Очень кстати, у меня же скоро День рождения!

Федя, конечно, позабыл о существовании такого семейного торжества, и стало ему вдруг совестно, и решил он сделать супруге сюрприз – купить какой-нибудь подарок, благо втайне от семьи он скопил вполне порядочную сумму за годы безупречной трудовой деятельности на компьютере «Ай-Би-Эм».

Сначала он отправился в магазин «Нет проблем». Спальные гарнитуры были сплошь из Италии. Двухспальное ложе, которое ему понравилось, по размерам как раз соответствовало площади Фединой спальни. Покупатель живо представил, как они с женой будут не входить, а впрыгивать и заныривать, будто в бассейн, на мягкий красивый матрас, и отверг рискованную идею, так как супруга была слишком в теле и случайно могла сломать хрупкую иноземную мебель уже с первого захода.

Присмотревшись к стоимости роскошной гарнитуры, Федя отверг идею второй раз. Приобретение такого дорогого товара неизбежно вызвало бы у жены очерняющее кристально чистую репутацию мужа подозрение: «Откуда энти бешенные тугрики?!» По той же причине Федя отказался от покупки плиты «Индезит», холодильника «Бош» и стиральной машины «Сименс».

Проголодавшись в скитаниях по магазинам, рассчитанным как на зло исключительно на арабских шейхов, Федя зашел пообедать в кафе: продать накопленные финансы можно было в любом количестве, лишь бы гурмана не взяли с поличным родственники или знакомые жены. Таковых не обнаружив, Федя смело взял в руки поднос и тут же вывел первый закон для посетителей подобных заведений: как взялся за что-нибудь, так и держись, не то запачкаешься еще больше.

В процессе поглощения баснословно дорогой еды Федя вывел второе правило. Все мы знаем, что существует определенный порядок принятия пищи. То есть сначала принято есть салат, затем первое, второе и так далее. В расчудесном кафе Федя убедился, что сначала надо есть все горячее, пока оно окончательно не замерзло, а потом уже все холодное – тогда ко времени его поедания в нем как раз растают льдинки, образовавшиеся от недельного хранения в холодильнике.

Тем не менее наевшись, Федя направил стопы в универмаг «Детский мир». Возмечтал купить что-нибудь детям. Каково же было его удивление, когда в «Детском мире» он почти ничего детского не обнаружил. Кругом видео, аудио, фото «Кодак», ювелирные изделия, продукты, галантерея, парфюмерия... Купил жене большой зеленый флакон. Приглядевшись, сообразил, что сделал подарок себе: оказалось, это «фор Мэн» – мужской одеколон «Дракар». Федя-то привык, что мужские – это «Шипр» да «Тройной».

Ну, зашел он еще для очистки совести в обувной. Миловидная продавщица объяснила, что у них женские туфли самые гламурные в России – все от «Вичини», «Бублос», «Чатини», «Лориблу».

– Значит, опять итальянские, – обреченно вздохнул Федя, а присмотревшись к узким лодочкам, которые стоили как океанские корабли, додумал: – Да что она на пальцах их будет носить, что ли?!

На этом запас терпения, отпущенный Фединым характером на хождение по учреждениям торговли, иссяк. Подарил он жене скромный букетик ландышей, деньги просадил с любовницами, им же спел искрометные частушки, навеянные коммерческим походом:

– В магазине «Нет проблем» вор украл мой револьвер, и проблемок больше нет – не с чем выйти на проспект.

В магазине «Детский мир» я бумажник уронил. Карапуз поднял его – в нем конечно ничего.

Дома я с тех пор сижу, даже в «хлебный» не хожу. Бегает везде жена – курс кун-фу прошла она.

Париж – Москва

Сцену освещал огромный канделябр, вырезанный из фанеры. Вместо свечей горели электрические лампочки. Сбоку от осветительного прибора стояли трюмо и стул. Сверху свешивались буквы, покрашенные золотой краской. Они образовывали короткое слово «Лувр».

Юная актриса в кринолине, буклях и сдвинутой набекрень короне металась ломая руки между зеркалом и канделябром. В страшном волнении она хваталась то за голову, то за грудь, то поправляла юбку, то – парик.

Заполненный до отказа зал уже сотрясался от хохота.

Справа на сцену прихромал пузатый мушкетер, видимо, Портос.

– Ваше Величество, к вам ваш любовник – герцог Бэкингом! – хрипло гаркнул он и немного подмел пол шляпой.

Королева, крепко зажмурившись, зашаталась от страсти.

Раздался рев мотоцикла, и появился герцог, весь закутанный в черный плащ и в мотошлеме на голове.

– Оставьте нас, – выдавила в полубморке королева.

– Слушаюсь! – рявкнул толстяк.

– Да, милейший, – величаво обратился к нему Бэкингом, – стерегите дверь. Как что-нибудь – сразу по коням!

Мушкетер, склонившись по этикету, попятился, споткнулся и упал.

– Тьфу ты, бегемот! – невысоко оценил его сноровку герцог.

– Ах, сударь, как вы можете подвергать себя такой опасности! – Безутешная королева поднесла к лицу платок и громко сморкнулась.

– Опасность?! Где опасность? – Бэкингом попытался выхватить из ножен шпагу. Она не вышла. Он плюнул от досады и спрятался за спиной Ее Величества. Второпях чмокнул вместо ее руки свою перчатку и плюнул опять. Плащ на нем распахнулся, обнаружился кот за камзолом...

– И-и! – взвизгнула королева. – Что это?

Герцог расплылся в хитрой улыбке, вынул из-за пазухи и установил на стуле большого плюшевого кота.

– Это кот! Я страсть как боюсь мышей вашей некомфортной Франции, поэтому вожу его с собой. Правда, милый котик? Усы у него как у меня!

– Да, поразительное сходство, – насторожилась королева. – Какой подозрительный шум... Ах, ради Бога, встаньте за портьеру!

– Кто? Я? – Герцог рухнул перед ней на одно колено. – Никогда! Я лучше приму смерть у ваших ног!

– Быстрее! Сюда идут!!!

– Ой, мама! И правда: топ-топ-топ... – Бэкингом рванул к занавесу и мигом завернулся в край материи.

На сцену с шумом ввалились король в короне, кардинал в красной тюрбетейке и двое слуг в ку-клус-клановских балахонах с автоматами.

– Людовик, клянусь, он здесь. Приказывай обыскать и порядок! – радостно ударил в ладоши Ришелье. – Будет у Де Брие киллером, а то ему мочилово замутить не с кем.

– Подожди ты! – отмахнулся от него король. – Это правда? – строго спросил он у королевы.

– Да! Я виновата перед вами! – хлопнулась та на колени.

– Скажи, пусть выйдет. Не переворачивать же из-за этого растяпы все вверх дном!

– Сударь! Не оскорбляйте моих чувств! – взвинтилась королева.

– Да, растяпы! – настоял на своем Людовик. – Только ребенок может попасть в сети этих головорезов. Ну, где он? Показывай. У меня времени в обрез – уборочная на носу!

– Вот, – показала королева на кота и залилась плачем. – Он от страха превратился в кота-а-а!

– Людовик, она врет, – вкрадчиво сказал кардинал. – Тут нужен палач.

– Зачем палач? – не въехал король.

– Как зачем? Он сделает медэкспертизу, анализ на ДНК, – выпучил глаза Ришелье.

– А-а, точно. Подать палача сюда! – приказал Людовик и хлопнул в ладоши.

– Да кот я, кот. Мяу-мяу! Что за низкое недоверие! – возмутился Бэкингом.

– Ну, не придурок? Сам себя выдал – коты же не разговаривают! – Королева всплеснула руками от злости.

– Слыхал, Людовик, он там – за портьерой, – шепнул кардинал монарху.

– Не глухой, – недовольно покосился на него король. – Только на кой ляд он мне сдался? Наркоман! Только объедать будет.

– Как на кой? Это же одна боевая сила! Помощь браткам!

– Эх, Ришелье, дремучий ты попина! Глубоко же оторвался ты от нанотехнологий, – выразительно щелкнул король по горлу. – У меня же везде давно бригадный подряд! Уборочная завтра. Пройдемся по фирмачам широким забралом. Бригадами пацанов все бабки уберём. А этого «киселя» только корми наркотой зазря. Прикинь: сколько геры с коксом на него уйдет!

– А если чистильщиком к Де Брие?

– Да он сопливый: от вида крови в обморок упадет! Бери лучше кота – тот хоть мышей ловить будет.

– Взять! – скомандовал кардинал и снова шепнул: – А если он королеву умыкнет?

– А вот об этом помолись. Сколько уже жду, чтобы освободил меня чертов рокер от белоручки! – перекрестился, уходя, Людовик.

За ним проследовали кардинал и слуги с котом в наручниках.

Королева в изнеможении плюхнулась на стул.

– Выходите, герцог, они ушли, – устало промолвила она.

Из-за занавеса выбежал настоящий черный кот и, остановившись в нерешительности, дико вытаращил желтые глаза...

– И-И-И! – завизжала королева в суеверном ужасе и вскочила на сидение стула.

– Извините, дорогая, я вас напугал, – Довольный Бэкингом вышагнул за котом. – Но в вашей деревенской Франции развелось столько мышей, что приходится таскать с собой двух котов – один уже не справляется. Однако теперь, когда остался один, они меня точно сгрызут...

Герцог сел на пол и зарыдал. Королева опустила рядом, стала гладить его по голове.

– Ну, не плачь, Бэкингомчик! Ну, хочешь, я сама стану твоей кошечкой? Разведусь с королем, подарю тебе свои алмазные подвески...

– Хочу!!! – взревел герцог. – Поехали! Поехали быстрее в мою городскую Англию! Там нам за твои побрякушки отваяют мешок героину!

Целуя ручки, он потянул королеву со сцены.

– Э, нет! – вырвалась она. – В город я не поеду!

– Но почему, любимая?

– Я привыкла воздухом дышать, а не смогом.

– Это ерунда – и к смогу привыкнешь. Ну, походишь годик с кислородной подушкой!

– А преступность? А нитраты? А грязные экологические продукты? – загибала она пальцы. – Нет! И не проси. Потом в твоём городе жилье когда купим? А в деревне нам сразу дадут. Да не мелкую комнатку, а коттедж со всеми удобствами!

– Да? Тогда остаемся! – Он с большой страстью заключил ее в объятия. – Этот Лондон у меня в печенках!

– И-и! – снова пискнула она.

– А, ч-черт! Не бойся, это не кот. – Он достал из-за пазухи противогаз, небрежно его отшвырнул. – Теперь он не нужен!

Они опять обнялись и застыли в долгом поцелуе. Зал взорвался смехом, криками, аплодисментами...

– Даешь свадьбу!!! – протрубил кто-то густым басом...

Среди плоских зеленых полей деревня смотрелась как остров в безбрежном океане или осколок города, заброшенный сюда расшалившимся великаном. Трехэтажные панельные дома и раскидистые липы парка совершенно заслоняли собой коттеджи с приусадебными участками и старое село.

Молодые люди, игравшие вчера в клубе роли герцога и королевы, ехали на дребезжащем автобусе, который медленно, но верно удалялся от населенного пункта Маслово.

– А хорошо мы отыграли на выпускном, да? – не без кокетства и с приличной дозой самодовольства заявила она.

– М-да, неплохо, – вспоминая спектакль, надменно усмехнулся он. – Только ты вы конце так сильно в меня всосалась... Я думал, со сцены скочимся...

– А что ты думаешь насчет институтика? Поступим? – Она водрузила на нос узкие блестящие анτισолнечные очки. От этого маленького жеста просквозило гордой самоуверенностью.

– Подготовились мы отлично. Поступим без проблем. – Он тоже величественно обочкарился. Видимо, для них обоих вчерашняя лихая сценка продолжалась в жизни. В пыльном «пазике» подсказывали на ухабах не два абитуриента, а современные породистые отпрыски монархических династий.

– Вот тут начнется самая трудная часть нашего плана. Цель – зацепиться за Москву, – продолжил он чопорную речь. – Я присматриваю для тебя хорошего парня, ты – девчонку для меня. Каждый становится близким другом выбранного объекта, чтобы досканально его изучить и дать отбой в случае наличия вредных привычек, отсутствия жилищных условий и т.п.

– Это да... Но что же мы в Москве совсем не будем встречаться? Это же огромный городишко! – Она повернула к нему лицо, не меняя высокой вздернутости подбородка.

– Тем не менее, лучше не рисковать. Встречаться будем здесь, в Маслово, на каникулах, хорошо? – Он ей нежно улыбнулся и положил хозяйски ладонь на голую ногу возле кромки короткой юбочки.

– Убери! Ты меня заводишь! – Она резко отвернулась к окну, сразу позабыв о своей «голубой крови», напрочь потеряв топ-модельную осанку, безвольно опустив плечи и уставясь немигающим взором в зеленое мелькание за испачканным стеклом. Она вдруг поняла: в ее будущем, еще вчера казавшимся таким прекрасным, что-то совсем не так, как ей бы хотелось...

– Что? Бунт? Вас придется познакомить поближе с асфальтом! – шутливо проблеял парень, пытаясь развеять грусть-тоску подруги.

Та игру не приняла.

– Посмотрю я, мля, как ты будешь подметать тот асфальт! – презрительно залепила она ему и шустро пересела на другое сидение, к косматой тетке, обремененной пухлыми сумками.

Вот так легко умирает влюбленность у амбициозных и устремленных. Лопается, как мыльный пузырь, и все – ничего исправить уже нельзя.

Номенклатурная жена

Совхоз «Наш путь» раньше был колхозом «Путь к коммунизму». На собрании в Доме культуры деревни Голимое труженик фермы Анашкин вынес предложение переименовать хозяйство в «Путь к капитализму».

– Надеть плыть в темпе времени! – аргументировал мужик.

Директор отверг смелую идею.

– Будем зваться «Наш путь». У нас пока только рынок. А всякого там «изма» скорей всего Кремль не допустит!

Поле за селом называли «болотом». Сейчас народная мудрость получила яркое подтверждение: полузагруженный сеном грузовик увяз в нем по самые рессоры.

Бригада заготовителей, повтыкав в землю вилы и грабли, устроилась на вешалах, приспособлениях наподобие шведской стенки, предназначенных для просушки сена. Перед ними хлюпал по залитой водой отаве моложавый бригадир Войтович, раззадоренный присутствием прекрасных горожанок.

– Эй, парень! Закрой рот! – продемонстрировал он свой зычный командирский голос. – Разбудите его, а то у нас один случай недавно был. Тетка пасла коров и заснула, а ей в рот гадюка заползла. Что делать? Она же если внутри укусит – все, кранты! Так ее, змеюку, под рентгеном снотворный укололи, а потом уже вытащили.

Тут бригадир заметил вдалеке человеческий силуэт.

– А чей это там шлямпонпон фиалетовый? Вот шахтер, а! Под землей найдет! – чертыхнулся он. – Директор, знаете? И уже без сапог – где-то потерял. Он на год десять пар берет и все планомерно теряет. Ноги взопреют, скинет он обувку, чтоб босиком побегать и ... как будто забудет, где оставил. Фиглярит для популярности. Такие тити-мити...

Придав лицу кое-какое озабоченное выражение, бригадир двинулся навстречу высокому начальству.

Директор действительно шел босиком. У него были заостренные черты лица холерика и пролысина блестела, как японская сабля.

– Ну шо? Заготовку срываем, да? – сразу преступил он к распеканию подошедшего Войтовича. – Машины в болото загоняем, тракторы по сухому катаются!

– Что диспетчерская дала, то и гоняем, – возразил бригадир.

– Но ты-то знал, что она здесь сядет!

– Это распоряжение агронома.

– Он мог и не знать, что на поле столько воды.

– Ага, он дождя не видел и вчера родился!

Они уже шли в хорошем темпе мимо другого распаханного поля. В низине еле виднелись робкие ростки, а на возвышенном участке стояли довольно крепкие всходы картофеля.

– Вот и это поле, помнишь? – остановился директор. – Если бы тебя вовремя не тормознули, ты бы засеял его, утопил, и ничего бы на нем не было!

– Это еще посмотрим, как она до заморозков позреет.

– Тут локти кусаешь, а ты? Сделать невозможное, чтоб совесть была спокойна – вот как надо! А тебе наплевать, шо у машины будет полдня простоя!

– Я вас просил меня снять, – тихо сказал обиженный Войтович.

– Да я бы давно тебя снял, да Мария у тебя с норовом! А она ж председатель администрации! Префект!! – Директор вздернул вверх указательный палец. – Сам поразмысли, что лучше – поссориться с ней или иметь неквалифицированного бригадира?

– От бригадира вреда меньше, – подумав, согласился Войтович.

– Шо б ты понимал! Для нормальной работы мне нужно ее полное «добро» во всем! В каком-нибудь вопросе не сдвинется, встанет на инструкции – все: мороки больше, чем десять твоих каш расхлебать.

– А что, если я прямо преступление совершу?

– Под суд захотел?

– Ну, нет. Запланируем какой грешок до полной дискредитации.

– Огонь на себя?.. Это ж и люди, и она на всю жизнь запомнит...

– Это хорошо бы.

– Только семью не разрушать и устранение безобразия за твой счет.

– Хоть в двойном размере! – воодушевился бригадир. – И я перехожу в мастерские – там с моим техникумом мне самое место!

– Ладно, придумаем тебе провинность... примерно на строгий выговор. А раскаяние? Его ж сыграть надо.

– А что мне играть? Я от любого волнения краснею.

– Тоже верно. – Директор вскочил в ожидавшие его на повороте дороги сапоги заспешил к горчичному «газику» у обочины.

– Такие тити-мити! – Очень довольный Войтович сдвинул на затылок кепку и отправился назад к симпатичным студенткам.

Рядом с черноручьевской фермой возвышались два продолговатых холма. Один был зеленый. На него высыпали подвозимое на грузовиках и прицепах сено. По нему разъезжал туда и обратно тяжелый гусеничный трактор, прессуя сенажную массу. Другой бугор, только что закрытый темно-бурым торфом, слегка дымился. Сельхозработники еще копались по краям этой горы.

По разбитому проселку, похожему на трассу автокросса, к силосным ямам быстро пробрался заляпанный грязью «газик». Из машины выпрыгнул директор, поздоровался с трудящимися и припал к бурому холму. Пожилые рабочие сгрудились вокруг начальства, а директор взял лопату и снял несколько кусков торфа. Обнаружилась полиэтиленовая пленка. Директор надавил на нее пальцем, она легко разошлась.

– Где Войтович? – не оборачиваясь, грозно спросил начальник.
– Здесь я, здесь я! – уже спешил к собранию бригадир.
– Почему пленка старая, да еще в один слой? Вы понимаете, шо в то время, когда совхозу так важна каждая тонна силоса, вы по своей халатности уничтожаете 10 тонн на одной этой яме!!

– Когда песком засыпали, всегда в один слой ложили, – возразил директору мужик с прилипшей к губе папироской.

– Вот именно! – Директор сделал жест: папа римский приветствует христиан с балкона Ватиканского дворца. – Смерзшийся песок ломами, как камень, разбивали. Вам труд облегчают – выполняй элементарную технологию и все! Вот теперь давайте, снимайте торф и закладывайте двумя пленками.

– Бесплатно, что ли? – закашлялся от возмущения курильщик.

– Платно. Из бригадирского кармана. Качество я проверю, – закончил директор и увлек в сторону недостаточно поникшего Войтовича. – Шо ж ты не краснеешь, не оправдываешься? Можно подумать, у тебя именины. Так что, глаза вниз и иди в контору, скажи: я тебя снял. Будет приказ по совхозу. Ну, а сегодня – будет тебе пенделей от Марины!

– Спасибо вам, Леонидыч! – сердечно поблагодарил разгильдяй.

– Ох, Коля, не хотел бы я быть на твоём месте... Так, поехал. Не пуха! – Директор подмигнул, как «пахан» подельнику, сел в «газик», и машинка бойко запрыгала по проселку.

Закат уже окрасил белую стену здания конторы в малиновый цвет. Войтович величаво восседал на скамейке возле входа.

Из дверей конторы вышли две дамы: Мария, супруга провинившегося, и секретарша Таня. Первая – хорошо сложенная женщина в строгом костюме, с презрительной миной на красивом лице. Вторая – стройная девушка в хлопчатобумажном мини-платьице.

Бригадир на скамейке сразу подобрался и потерял в представительности.

– Ну, что присудил гуманный суд? – с иронией спросил он.

– Выговор, – холодно ответила Мария.

– Строгий или с занесением?

– С вынесением тела. Жалко, что не твоего, а завскладом.

– Ну, а ему-то за что?

– За экономию новой пленки, чтоб на складе не придерживал! – услужливо ответила Таня.

– Ну да, конечно, – обреченно вздохнув, Войтович полез в карман за папиросами. – Еще директору надо бы ... За недалёковидность. Тити-мити...

Хитрый план с переходом в мастерские провалился. Он был безжалостно загублен упрямецем Марией, упорно проталкивающей простоватого мужа в совхозную элиту.

Да, оставалось только курнуть с горя...

Герои спорта

Все изменилось в одночасье. Пришла правительственная телеграмма, в которой говорилось, что команда «Топаз» должна заменить сборную на чемпионате Европы. Штаб футбольного клуба в составе тренера Пьева, врача Кольнутых и экстрасенса Свистуна засел в кабинете спортивной базы, дабы установить функциональную подготовку игроков.

Первым на ковер перед синклитом вступил защитник зубодробильного вида Забоев.

Пьев строго спросил:

– Ты зачем вчера их «девятку» сбил?

– Не сбивал я, – заблеял Забоев. – Он сам упал.

– Ты что, за идиота меня считаешь?! – разгневался Пьев.

– Конечно, нет! Что вы! – замахал ручищами защитник. – Но я могу и ошибаться.

– Наглый тип – надо гнать, – резюмировал Пьев.

– А, по-моему, человек-трейлер нам нужен, – безапелляционно заявил Свистун.

– К тому же они там все мелкие – от одного взгляда на Забою посдыхают, – заметил Кольнутых и поставил «плюс».

Форвард Ленский с перевязанным горлом сразу засипел:

– Доктор, когда же я поправлюсь? Я так весь чемпионат пропущу!

– Черт его знает, – пожал плечами Кольнутых.

– А что означает в моем диагнозе «Ч.Е.З.»?

– Черт его знает!

– Отчисляем? – спросил Пьев.

– Возьмем, – возразил Свистун. – Он же не шейей играть будет. А на уколах он у меня пулей забегает!

Двухметровый вратарь Филимон плакал навзрыд.

– Что случилось, страж ты наш золотой? – с тревогой спросил Кольнутых.

– С женой прощался...

– Ну, это пройдет – там их полно, – умильно улыбнулся Свистун.

– Не пройдет! – еще сильнее брызнул слезой гигант. – У нас дома есть собачка кокер. И вдруг потерялась. День ищем, два... Наконец находим. Спит себе под кроватью в третьей комнате для гостей. Я горничной как дал в ухо: «Это так ты полы моешь!» А жена обиделась: все-таки уборщица ей дальняя родня.

– Европейцы не любят рукоприкладства по отношению к дамам, – дипломатично сказал Свистун.

– А мы его на все время в номере запираем, а на игру выпускать, – нашелся Пьев.

За окном неожиданно раздался страшный шум.

– Валерий Семеныч, ты где? Тут прокуратура к тебе!! Га-га-га!! – глумливо проорал снаружи пьяный голос. – Ну, матерись быстрее, а то я в этой темнотище дверь никак не найду.

– Ну, этого уж точно к чертям! – грохнул кулаком по столу Свистун.

– О, спасибочки, нашел, – что-то тяжелое упало в коридоре.

– А ты потише! – шикнул на Свистуна Пьев. – Это ж наш бомбардир – ты же за него голы забивать не будешь, – и зычно добавил: – А ты, Попов, где свалился, там и спи – силы к завтрашнему матчу береги!

– Есть, мистер тренер! – молодежато ответил Попов и захрапел.

Хавбек Куськин вошел и сразу открыл рот – в пылу борьбы тульский стоппер выбил ему два зуба.

– Боже мой! – воскликнул Кольнутых. – Какой туннель... Какой туннель...

– А зачем вы это повторили? – спросил любознательный Куськин.

– Повторение – мать лечения!

– А-а, понятно...

Однако постепенно спортивная база погрузилась в тишину. Только в одном углу шушукались Ленский с Филимоном.

– А помнишь, как ты топиться пошел? – спросил первый.

– Ага. Я тогда пять банок пропустил.

– А я тебе говорю: «Да ты с ума сошел – в самом лучшем костюме!»

– Да, спас ты меня тогда.

– Да, не я, а костюм.

– А у тебя был примерно такой же напряженный момент? Пан или пропал?

– А как же... Постой, когда же это было? А во! Это было, когда я только что женившись, вошел в квартиру и не вытер ноги о тряпку... Переступил и сразу получил сковородой в пятак!

И вот в этот, можно сказать, умиротворенный момент стены сонного помещения вдруг содрогнулись от нечеловеческого крика ужаса и боли. Через три секунды все обитатели базы сгрудились вокруг возлежавшего на ковровой дорожке голеодора Попова.

– Ой, Валерий Семенович, – залепетал тот, вцепившись в надежную руку тренера, – приснился мне страшный сон. Будто выиграли мы этот чемпионат и получили хорошие бабки...

– Ну и что же здесь плохого?

– А то! Закопал я их в огороде. А потом решил отметить победу, а проклятые евры как сквозь землю провалились. Короче, всю поляну перекопал...

– Ну, а нашел хоть? – с надрывом спросил чувствительный Филимон.

– Оказалось, жена нашла. А мне спецом не говорила, пока всю сельхозработу не закончу.

– Во стерва! – обличил коварство женщин холостяк Ленский.

– Стервее не бывает, – согласился Попов, повернулся на другой бок и снова захрапел.

А с чемпионатом ребята пролетели. Утром выяснилось, что историческую телеграмму сотворил сумасшедший болельщик «Топаза», сбежавший из местной психушки.

Любовь по расчету

Лаура была красивой студенткой. Однокурсники ее не интересовали – мелочь всякая: пижоны и бестолочи. Она хотела познакомиться с мужчиной постарше, лет тридцати. Ей было все равно, какая у него профессия. Главное, чтобы красивый, на иномарке, элегантно одетый. Короче, чтобы девчонки завидовали. Замуж она не спешила – это успеется после вуза. А пока можно и погулять.

Лаура, вообще-то, хотела выйти замуж за иностранца. В Москве жила ее любимая тетя. Лаура будет знать в совершенстве английский и французский. Переберется в Первопрестольную. Там устроится переводчицей в какую-нибудь дочернюю фирму – и здравствуй, Париж! Или Лондон! Выходить замуж в Америку она не хотела – боялась: дурак Обама провоцирует арабов – они будут мстить, пока там все не передохнут.

Короче, здесь и сейчас у нее был запланирован флирт с состоятельным молодым человеком для развлечения и удовлетворения любопытства. После непродолжительных поисков подходящий кадр наконец-то объявился. На свадьбе подруги ее пригласил на танец некто Артур. Интеллигентный, далеко не бедный, упакованный кореш жениха. Лет ему где-то 33. Начальник отдела в банке – бесконечно перспективный спонсор. Домой Лауру он отвез на своем «лексусе». Назначил ей свидание. Сходили в ресторан. Через какое-то время она с ним переспала и разболтанно заявила, что детей не планирует. Артур был счастлив – первая телка, которая от него ничего не хотела, с которой можно было просто расслабиться. Так пролетел год.

И вдруг Артур уехал в командировку. Лаура сидела дома одна. Она впервые задумалась о своей жизни всерьез. Ей уже 22. Через год она закончит универ. Но почему-то прежние планы насчет иностранца ее больше не прельщали. Ей было очень хорошо с Артуром. А эти иностранцы иногда попадают довольно гадкие. До свадьбы забрасывают подарками, возят по заграницам – всякая пыль в глаза! А после – сажают на цепь в кухне, как собаку. Вот, любимая, твое место на всю оставшуюся тюремную жизнь!

Но ведь Лаура сама ему твердила, что не собирается его связывать. Скажи она Артуру сейчас: я, мол, передумала, хочу за тебя замуж, как он себя поведет? Ему это не понравится. Он считает себя еще слишком молодым для женитьбы. Вот лет эдак в 45...

Лаура и подумать не могла, что у Артура в Москве образовалась другая женщина. В столице он попал на банкет, где его присмотрела дочь одного московского банкира. Холодный, аналитический ум клерка тут же заработал. Правда, за плечами у Ирины было уже два развода. Но зато ее папан намекнул Артуру: если ты с дочкой распишешься, я тебя очень даже недурственно пристрою. Впрочем, папаша не торопил: «Главное, чтобы вы спелись». Через месяц у потенциального жениха отпуск. Ирина и Артур проведут его, конечно, вместе.

А во Владике парняга решил с размахом догулять месяц с ничего не подозревающей Лаурой. Совесть его была чиста. Сама же говорила: ей от него ничего не надо!

После приезда бойфренда Лаура ночевала у Артура в квартире. Проснулась среди ночи, пошла в туалет, спросонья зацепилась за что-то твердое в кармане его пальто на вешалке. Что это? Может, пистолет? Вдруг Артур попал в темную историю? Лаура испугалась, засунула руку в карман, достала портрет Иры в рамочке, об угол которой она и тяпнулась. На обороте надпись: «До встречи через месяц в Хургаде! Люблю, целую!» И дата египетской увертюры.

«Ага, значит, мне остался месяц красивой жизни, а потом катись на все четыре стороны. И молчит!» – Лаура от расстройства выпила стакан коньяку. Ей стало смертельно жалко красивую себя. Почему ему всё? Бабу! Москву! Хургаду!

Она уже забыла, что когда-то сама хотела слинять по-английски в ту же Москву. И вот от алкоголя на нее напала жажда деятельности – что-то надо предпринять покруче! Лаура сразу вспомнила про своего дядю, который зампред правительства. Она про него Артуру никогда не рассказывала. А могла бы. Лаура опустила фото Иры назад в карман и легла рядом со спящим и уже ненавистным ей мужчиной.

Через пару дней она сказала предателю:

– У моей двоюродной сестры сегодня день рождения. Ты не сходишь со мной?

– От чего же не сходить? – проявил галантность Артур.

Вечером с цветами и роскошным подарком они пришли в огромный дом. А там – кого только нет! Вся «королевская рать»! Артур ахнул. И засомневался: «Может, лучше на Лаурке? Она такая красивая и молодая, не то что эта Ира – московская шлюшка. Она, наверное, и кололась, и пьет как лошадь. А с чистой, любящей и глубоко понимающей меня Лаурой открываются блестящие перспективы!»

Пока парень маялся в раздумьях, Лаура времени не теряла: сдала экстерном экзамены за весь последний курс.

Пришел срок ехать в Хургаду. Лаура случайно подслушала его разговор с московской пассией. Артур сказал Ире, что ехать сейчас никак не может, наплел что-то про работу. А сам неожиданно в тот же эпохальный день предложил Лауре руку и сердце.

– Хорошо, я согласна, – Она тепло улыбнулась соискателю. – Завтра представлю тебя всем своим. Мы действительно очень подходим друг другу – проживем вместе сто тысяч лет!

Наконец, слушая бухающий мотор в груди, Артур с огромным букетом роз поднялся к двери в квартиру любимой девушки. А ее удивленная мама, приняв пахучий презент, сказала:

– Спасибо. Какая прелесть! А Лаурочки нет дома. Она буквально в час дня улетела в Москву!..

Сладкая парочка

Разразилась в городе весна. Погода наладилась. Солистки на концертах запели: «Я у твоих ног!»

Зая и Мадя были подружками, влюбленными в однокурсника Блу.

– Знаешь, Зая, – сказала Мадя. – Одна голова – хорошо, а две – уже уродство. Давай разбежимся на время охмурения Блу.

– Давай, – согласилась Зая. – Я его заарканю, ты не в обиде, и наоборот. Идет?

– О-кей!

И товарки ударили по пломбиру с клубникой в кафе «Баскин Роббинс».

Мадя вооружилась пособиями по части флирта. Зая решила идти напролом, слушая только свою интуицию.

Мадя прочитала: «Красивое лицо – это не только прямые черты, умелый макияж, стильная прическа. Настоящий магнит – ваша улыбка».

Она подошла к Блу на улице и растянула рот до ушей, как Даун.

– Ой, Мадя! – испугался Блу. – Тебе, что, кирпич на голову упал?!

И убежал.

Но недалеко. Его поймала в вузовском коридоре Зая и пригласила на пикник. И все у них было уже хорошо. Кругом буйно зазеленевшая природа в районе озера за городом... И вдруг Зая как подскочит!

– Вау! Блу, тут трава мокрая – я простужусь!

– Да нет, Зая, – стал успокаивать ее обольститель, уже собравшийся перевести милашку в горизонтальное положение. – Трава вовсе не сырая, просто ты села в салат под майонезом.

– Ах, это же моя любимая юбка! – совсем расстроилась Зая и полетела застирывать драгоценную одежду.

Мадя прочитала: «Красота глаз воспета многими поэтами. Но важнее всего их выражение, важнее сам взгляд: прямой, доверчивый, полный интереса. Как бы спрашивающий: а что будет дальше? Это взгляд ребенка, ожидающего радости».

Она нашла Блу в библиотеке и выпучила на него свои лазерные буркалы, как гипнотезер Вольф Мессинг.

– Ой, Мадя, ты на меня так страшно смотришь! У меня насморк начинается!! – возопил несчастный парень и побежал в туалет промывать переставший дышать нос.

После водной процедуры Блу столкнулся с Заей. Она с ходу взяла его в оборот и пригласила в гости. Родителей дома не было. Зая угостила кандидата в мужья пирогом собственного изготовления. И все у них было уже совсем хорошо: диван мягкий, музыка тихая... Как вдруг Блу вздумалось пошутить:

– Слушай, Зая, а ты не поделишься ли со мной рецептом этого пирога? Я думаю, твой метод произвел бы революцию в цементной промышленности.

Юная кулинарка юмора не поняла, сильно оскорбилась и выгнала остряка вон:

– Иди-ка ты к Маде! Она тебе так наготовит, что воще помрешь!

Время было вечернее. Дел у Блу никаких – он взял да и действительно зашел ко второй соискательнице мужских ласк.

Мадя его не ждала и ничего в своих книжках не вычитала. Вот сидят они на стульях и не знают, что кому делать. Наконец Блу, как смелый и опытный ловелас, решил проявить инициативу.

– Мадя, у тебя же скоро день рожденья. Что тебе подарить?

– Что хочешь, – ответила она.

– Во! У маман в магазине есть пальто кашемировое. Пойдет?

– А цвет какой?

– Цвет супер – коррида!

– А он на солнце не полиняет?

– Какой там! Три года на витрине висит – и хоть бы что! Ни грамма не выцвел!

– Ладно, тебе пора. – Мадя сразу потускнела.

Девушка почему-то надулась и проводила тайно любимого до двери.

В общем, на следующий день встретились Зая с Мадей перед университетом. Подружки три дня не виделись, бесконечно соскучились, начали щебетать обо всех знакомых... Дошла очередь и до Блу...

– Ты знаешь, я его тебе уступаю, – заявила вдруг Мадя, гордо задрав носик.

– Ты – мне?! – Зая чуть не задохнулась от негодования. Подумаешь, щедрая какая! И тоже решительно объявила:

– Тогда и мне он тоже не нужен!

– Ну и класс! Будем опять вместе, да?

– Будем! Плевать мы хотели на всяких дураков!

– Да! Пошли они все!

– Нет, просто теперь снимем двоих дуплетом!

– О-кей!

И счастливые кокетки ударили по банке кока-колы с пирожными прямо на скамейке у ларька.

Новый Апокалипсис

рассказ участника событий

Наша секретная фабрика по обогащению урана стоит в центре города, рядом с универмагом «Детский мир» и отелем «Гранд Палас». Поэтому цэрэушные спутники пока не обнаружили ее из космоса. А чтобы шпионы не засекали нас с земли, на фасаде висит вывеска «Симфонический оркестр министерства лесной промышленности», а из окон постоянно громко звучит «Кончерто грессе» Антонио Вивальди.

Однажды директор Ракетов вызывает меня – завлаба Окосеева и начстартом Кольнутых, угощает нас кокаином с ректификатом и бодренько говорит:

– В связи с проблемкой в мировой политической обстановке нам надо сварганить одну бомбочку сверх плана. Какие будут предложения?

Я стакан тяпнул, порошка в нос затянул. Мозги аж задымились! А пройдоха и зубр Кольнутых попросил героину на всю смену.

– Сделаем, – говорим, – какой базар? Только надо ведро клея «Супермомент» и трусов свинцовых побольше, ведь от повышения производительности увеличится радиация.

– Все получите, – пообещал Ракетов.

Приклеили мы наших сотрудников к рабочим местам, чтоб за водкой в ларек не бегали, и сделали два кило урана сверх нормы. А «геру», конечно, зажали на черный день.

Ракетов поблагодарил за службу и как брякнет:

– А теперь полетите с этой бомбой в Реостатию и подарите ее местному руководству.

Мы прямо взвыли сиренами:

– Господин директор! Там же война!! Нас могут убить!!!

– Ну, там еще неизвестно, – философски протянул Ракетов, – а здесь точно – за измену Родине.

Делать нечего, приняли мы по дозе «белой смерти» для смелости и полетели. В самолете под ягодицы каски подложили, чтоб пули отскакивали. Тут наш лайнер как перевернулся вверх колесами. Мы с Кольнутых на потолок посыпались, а стюардесса вышла как ни в чем не бывало и говорит:

– Успокойтесь, это у пилота ноги затекли. Сейчас кровь прильет обратно к голове, и дальше полетим, как обычно.

Действительно, вскоре перевернулись. Только каски больно шваркнули по макушкам. А стюардесса опять выходит и говорит:

– Здесь сесть мы не можем – полоса дырявая. Прыгайте с парашютами.

Мы с Кольнутых бомбу под подмышками зажали и сиганули в ночь. Опустились, конечно, прямо в лагерь десантников дяди Сэма. Но те приняли нас за своих, ведь мы упали с неба, да еще с бомбой и в карманах полно наркоты. Натуральные «зеленые береты»! Разбираться вообще было некогда – всех погнали на построение.

– Кто хочет на фронт, два шага вперед! – гаркнул генерал.

Из строя только мы вдвоем с Кольнутых и вышли – нам же нужно было попасть в стан их противников.

– Остальные поползут на брюхе! – объявил янки-комбриг, а нас посадил в вертолет «Чинук».

Летчик Боб оказался русским парнем из Брайтон-Бич. Обрадовался он, что столкнулся с земляками у черта на куличках. Долбанули мы все за встречу по кубику «геры» с виски, и Боб загадывает загадку:

– Два конца, два кольца. Что это такое?

Кольнутых под сильным кайфом сразу блеснул интеллектом:

– Это два мужика на велосипеде!

– Нет! Ножницы!

– Ножницы на велосипеде? Обалдеть!

Так весело долетели мы до дворца диктатора. Боб нас высадил, сказал: «Через час заберу». И смылся. А нас, конечно, аборигены взяли в плен. Но сатрап их усатый разобрался в чем дело – он в «Лулумбе» нашей учился. Короче, президент Агдам слезно поблагодарил за атомный подарок и призадумался.

– Как же я вас назад отправлю? – говорит. – Авиации-то у меня нету, а в машину америкашки обязательно крылатой ракетой попадут. Они крыльями машут, хвостами крутят – ювелирно точные!

А я набрался наглости и спрашиваю:

– Господин Президент, представьте себе, что вы оказались один на один с врагом. Какой маневр вы предпримите?

– Бабки – вперед, сам – назад! – подумав, ответил он.

– Вот и мы также!

Короче, дали нам по «лимону» фальшивых гринов и выпустили с оркестром на свободу. А тут и Боб на своем геликоптере притарахтел. Отметим мы снова randevu в облаках как положено – бурбоном со «снежком», взяли направление на Россию, и Боб опять спрашивает:

– А каким путем в театре постепенно тушат свет?

Кольнутых – глаза на лбу – как крикнет:

– Я врубился! Просто за занавесом сидит бухой мужик и очень долго закусывает проводами! Думает – макароны!

– Нет! Посредством реостата.

И здесь меня осенило!

– Послушай, Боб, а в какой мы были стране? В Реостатии? – спросил чуть живой.

– Нет. Мы улепетываем из Разутии, – счастливо сообщил Боб.

– Кольнутых! – ошалело воскликнул я. – Мы же страны перепутали! Кругом Штаты воюют, вот и сбились с курса. Что же делать?

– А ничего, – рассмеялся наш самый главный умник. – Я все равно взрыватель отдать забыл!

В поисках идеала

В Сахаре проживают туареги. Здесь матери насильно откармливают своих дочерей, так как полнота в этой стране ассоциируется с плодородием. Если у девушки при наклоне вперед будет меньше 12 складок, ее никто не возьмет замуж.

Обитательницам острова Борнео с юных лет начинают оттягивать мочки ушей, подвешивая к ним специальные бронзовые гирьки. В пору расцвета женской привлекательности мочки ушей достигают желаемой длины – до плеч.

Женщин Мьянмы (Бирмы) прозвали «жирафами». Медные кольца, число которых растет год от года, вытягивают шеи их обладательниц до 50 сантиметров!

Кирилл никакой экзотической красоты не искал, он страстно хотел познакомиться с девушкой типа Летиции Касты или Николь Кидман. На худой конец – с кем-нибудь наподобие Линды Евангелисты или Изабель Аджани. Неслабые запросы, не так ли?

Наконец ему повезло – на концерте рок-группы «Коллапс» он успешно подъехал к девчонке, которая в профиль была похожа на Деми Мур, а в фас – на Джулию Робертс. Звали ее Лейла.

– Лейла, когда мы увидимся, услышимся? Давай завтра вечером размагнитимся в «Амбассадоре», – предложил Кирилл, готовый на любые расходы, лишь бы его избранница прониклась к нему живым сильным чувством.

– Нет, завтра – четверг, я занята. С тобой я смогу встречаться по средам и пятницам, – прикинув что-то в уме, сказала симпатичное создание.

– Но почему именно по средам и пятницам? – недоуменно спросил Кирилл.

– Потому что по остальным дням у меня всякие занятия. В женском клубе, в фитнес-зале, и еще я учусь игре на гитаре, занята по самые уши, – разъяснила ситуацию Лейла.

– И в воскресенье ты тоже занята? – не отставал он.

– Воскресенье – это святое, это выходной. Должна же я хоть раз в неделю спокойно поваляться в ванне, сделать маску на физию. Ведь если я через год стану морщиниться, тебе это не понравится, так же Кириллка? – Она соорудила на лице мину Бабы-Яги.

Делать нечего – согласился Кирилл на условия Лейлы. Каждую среду и пятницу ждал он как манны небесной и водил свою девушку в разные «Миражи» и «Грин-сити».

Но однажды во вторник он увидел свою возлюбленную в иномарке рядом с солидным мужиком с бычьей шеей и в страшно цветастой рубашке с золотыми запонками.

В свою законную среду он закатил ей скандал, устроил сцену ревности, набросился с расспросами:

– Что это за тип был с тобой в «мерсе»? По каким дням ты встречаешься с ним?

– По вторникам и четвергам, – Лейла чистосердечно призналась, не чувствуя за собой никакой вины. – А что, собственно, ты хотел? Пашка очень веселый и интересный собеседник, и всегда что-нибудь дарит. Духи там, колготки. Я скажу тебе больше, по понедельникам и субботам я встречаюсь с Михой. Он вообще славный и играет классно аж на трех инструментах!

– А в воскресенье с кем? – с горечью спросил он.

– Воскресенье – это святое! – Она отрицательно замотала красивой головкой. – Потом, с четвергья у меня не получается – в именах начинаю путаться.

Короче, расстался Кирилл с не своей Лейлой Мур-Робертс и пошел искать девушку попроще.

Вечная проблема

Широко известно, что любовь зла. Можно совершенно запросто влюбиться в субъекта, хоть и безрогого, но для родителей неприемлемого по какому-нибудь из параметров. Например, папаше Джульетты Ромео не понравился из-за фамилии. В наше просвещенное время это не повод для самоубийства. Сегодня ты – Козлов, завтра поменял паспорт и стал Березовским. Однако проблема отцов и детей остается злобредной по сей день.

Ира полюбила Вову и радостно заявила родителям:

– Предки, я хочу замуж!

Папа, майор милиции, резонно спросил:

– Он не привлекался?

– Нет, что ты! Он музыкант.

– Это хорошо, – сказала мама, кандидат наук. – И на каком инструменте он музицирует?

– На басухе в банде «Самосвал».

Папа нахмурился:

– Как зовут?

– Вова Хэвиметал!

– Ясно. Значит, наркоман.

– И что это за название для творческого коллектива? – поддержала жена супруга. – И так кругом – «Руки вверх», «Ноги врозь», теперь еще и «Грузовик» на нашу голову!

Таким образом, родительская комиссия легко «прокатила» первого кандидата в мужья.

Через год Ира поступила в институт и влюбилась в Виктора.

– Ну, на этот раз вам не к чему придраться, – с ходу заявила она. – Он не музыкант.

– А кто? – спросил папа с подозрительностью блюстителя порядка.

– Студент, мой однокурсник.

– Негр, что ли?

– Почему? Белый! И живет недалеко.

– Это хорошо, – сладко пропела мама и пробежалась пальчиками по кнопкам калькулятора. – Пять лет твоей учебы обойдутся ему в три тысячи долларов. Если он не иностранец, откуда он возьмет такую солидную сумму?

– Украдет и сядет по неопытности, – констатировал отец.

– Доченька, ну рассуди здраво, зачем нашей приличной интеллигентной семье связываться с потенциальным уголовником? – страдальчески заломила руки мать.

Крыть Ире было нечем. Вторая попытка выйти замуж провалилась.

Наученная слишком горьким опытом, третьего суженого Ира подобрала с учетом антипатий родителей. Он не имел никакого отношения к му-

зыке и образованию, а вот большие деньги у него водились. Плюс Ира сначала с ним расписалась, а потом уже представила законного супруга семейству.

Делать нечего, собрались за праздничным столом для знакомства все заинтересованные лица.

– Как вас зовут? – начал, как обычно, папа.

– А вы угадайте, – предложил веселый молодой человек. – Первая часть моего имени – название колбасной фирмы, а вторая – прибор для просмотра кина.

– Не знаем.

– Да-видик! – счастливо сообщил зять.

– Это хорошо, – зловеще протянула мама, а папа с горя хлопнул стопку и налил еще.

– А кем вы работаете? – через силу улыбнулась мать.

– Я – бизнесмен!

– О! Вы, наверное, много учились?

– Зачем? Я сам учу. Взял вчера одного – безмозгляк! Я ему объясняю: «Спрашивают у тебя: почему дом? Ты говоришь: 150 штук Бакинских. Покупатель не шугнулся. Добавляешь: это за квадратуру, газон – еще 10 тыщ. Он снова не дрогнул. Говоришь: за каждый из двух, а сад – еще двадцать. Если тот опять молчит, заканчиваешь: это не считая бассейна!»

– Ловко! – одобрил папа. – Вот закончит наша Ира институт, будет у вас бухгалтером.

– Зачем институт? – удивился Давидик. – Она у вас с таким товарным фэйсом! Я ее как только за кассу посадил – мужики сразу сдачу перестали считать!

– Докатились! – Безутешная мать схватилась за голову. – Дочь не-учем помрет!

– Зато на Канарах! – лихо подмигнул ей зятек.

Брачный экстрим

Не знаю, как у кого это бывает, но у меня открылись глаза на Марину только после свадьбы. До женитьбы она мне казалась заботливой, умной, красивой, верной, хозяйственной. Как будто я встречался сразу с пятью девушками в одной. Конечно, это здорово подогревало, и желание пройти с ней остаток жизненного пути росло и крепло.

Однако после загса ее словно подменили. Видно, Марина решила, что дело сделано и стараться быть хорошей в дальнейшем – необязательно.

Первый тревожный звонок прогремел ночью. Зная, что мне рано утром идти на работу, она безжалостно разбудила меня ровно в три часа.

– Эдик, проснись! Слышишь скрип? Это привидение ходит!

Я страшно разозлился на такую нечуткость, но взял себя в руки и спокойно сказал:

– Знаешь, я мог бы выдать ему кеды, но это лучше сделать утром, потому что если мы станем ловить домового сейчас, то разбудим соседей и будет скандал.

– Ладно, я заткну уши, – согласилась она.

Но для меня это было слабым утешением – я засомневался в правильности своего выбора. К тому же вдруг припомнил, как иногда меня ставили в тупик ее неадекватные реакции на самые простые вещи. Например, однажды я подумал: «Как было бы хорошо, если бы в нашей квартире жила какая-нибудь живая тварь, а мы бы за ней ухаживали, как активисты «Гринпис». Это так благородно и улучшает нравственный климат в семье!»

– Скажи, Марина, а ты любишь кошечек? – мечтательно спросил я, рисуя пасторальные картины в мозгу.

– Бесконечно, милый! – восторженно ответила она. – В форме копилки или мягких игрушек они мне очень нравятся. Но в живом состоянии эти звери сильно опасны: шерсть лезет, гадят где попало и заражают нас птичьим гриппом!

– Дорогая, птичий грипп бывает только у птиц, – мягко возразил я.

– И у котов! – грубо гаркнула она. – Они же их жрут без кетчупа! И еще про блох я забыла. А ведь они сосут кровь – значит СПИД-носцы!!

Как видите, тут было о чем подумать, несмотря на спальное время.

Второй звонок звякнул в выходной день. Мы пошли на прогулку. На подходе к Тургеневскому скверу Марина спросила:

– Эдик, а кому это памятник тут стоит?

От неожиданности я чуть не попал под машину, но виду не подал и деликатно объяснил:

– Это бюст Тургенева.

– А, это тот, который «Чайку» написал! – вспомнила она после пятиминутных умственных усилий.

– Да нет, «Чайку» написал Чехов, а Тургенев написал «Дворянское гнездо».

– А почему тогда он без очков?

– А у него зрение хорошее было...

– Надо же! Нигде нет справедливости! – раздраженно передернулась Марина. – Чехов одну «Чайку» накарябал и зрение испортил, а этот – целое «гнездо», и хоть бы что! Нет! Нет правды в мире!

Теперь я надолго напряг свое серое вещество. Стало совершенно ясно, что Марина незнакома с классиками. Чтобы прочитать всех, ей потре-

бовалась бы уйма времени, а когда же она тогда будет готовить, стирать, убирать квартиру? Вопрос был очень нешуточный, ведь с ней элементарно нельзя было пойти в гости – таких дремучих жен среди моих друзей не водилось, и, конечно, на нее бы смотрели, как на всадника без головы, а на меня – как на глупую лошадь!

И последний коварный удар по нервам я получил опять ночью, в минуту ее тяжелого приступа откровенности.

– А знаешь, Эдик, – тихо сказала она, прижавшись своей горячей щекой к моей холодной, – раньше я была очень-очень красивой!

– Да ты и сейчас вроде ничего, – сказал я успокоительным врачевательным тоном.

– Да нет, ты должен знать, – продолжила исповедоваться она. – Раньше я была куда красивей, но в роддоме меня подменили. А настоящую Марину продали бездетным американцам за большие бабки!

От такой новости я чуть не упал с кровати, но вцепился двумя руками в матрас и лихорадочно заворочал мыслишками: «Так, все понятно, она чокнутая и вполне может прирезать меня во время секса, как Шарон Стоун Майкла Дугласа в «Основном инстинкте». Что же делать? Надо срочно бежать!»

– Дорогая, я забыл выбросить мусор. Пойду-ка я его вынесу, – еле выговорил я предательски задрожавшим голосом.

– Да пусть стоит. Утром я сама вынесу. – Ласково сказала она. – Главное, ты все теперь обо мне знаешь, и уже ничто не помешает нашему счастью. Никто не сможет очернить меня в твоих глазах!

– Конечно, любимая! – вывернулся я из ее цепких объятий и встал. – Подожди минутку. К утру на кухне от мусора будет плохо пахнуть. Я быстро: одна нога там, другая – сям.

– Только быстрее! Я так хочу тебя!! – В порыве страсти она протянула ко мне баскетбольные ручки.

Мне показалось, что в одной длани блеснул острый клинок...

Домой к маме я так и пришел: в трусах и с мусорным ведром.

– Что случилось, Эдик?! – Моя трепетная родительница сильно поразилась ночному визиту. – Ты поругался с Мариной? Но этого не может быть! Она же из такой прекрасной семьи! Они же интеллигенты в пятом поколении!

– Но шестого не будет! – злорадно заявил я. Затем сказались нервное напряжение последних дней. Оно высекло из моих глаз скупые мужские слезы, и я выкрикнул, теряя сознание:

– Мама, они нас подло обманули! Моя Марина давно живет в Штатах! А эта – она не та!! Она – Шэрон Стоун со стилетом для колки льда!!!

Потом наступило приятное забытье. А очнулся я уже в психдоме. Рядом сидел румяный добрый доктор.

– Проснулись, Эдуард Петрович? Это хорошо, – соловушкой прокурлыкал он. – Вот вам таблеточки. Выпейте одну, а если опять проснетесь, то еще две.

Женский допинг

Итак, чемпионат мира по футболу был уже не за горами. Руководители Российского футбольного союза ломали головы над тем, что еще придумать такого эффективного, что при нулевых финансовых затратах укрепилось бы дух отечественных сборников.

Как всегда выход из трудного положения нашел Президент РФС, старый лис Колесиков. На очередном секретном совещании он высказал свое оригинальное предложение: «Надо договориться с женами эквилибристов мяча, чтобы те, опять-таки под грифом «секретно», как бы случайно внедрились в головы супругов полезные для Отчизны постулаты, и тогда зомбированные игроки непременно приведут российскую сборную к победе!»

Придумано-сделано. Под всякими благовидными предложениями с лучшими половинами голкиперов, защитников, полузащитников и нападающих встретились функционеры высокого ведомства и поставили перед дамами деликатные задания Родины.

Елена решила поднять настроение хавбека Романа романтическими воспоминаниями:

– Ромаша, а ты помнишь, как ты меня украл?

– Конечно, помню. Ты обвилась вокруг меня удавом, так что не было никакой возможности освободиться. Пришлось вести машину с тобой на шее.

– А помнишь, какую страшную погоню за нами устроили мои родители?

– Конечно, помню. Всю резину на колесах стерли, а все-таки догнали, – здесь Роман страдальчески вздохнул, – И теперь живут у нас, да еще колеса новые им пришлось купить.

– А забей ты за это япошкам пару голиков! – перешла к внушению по Кашпировскому Елена.

– Я им за это не только забью, но и головы поотрываю!! – зло пообещал вообще-то добродушный Роман.

– Нет, второго пункта не надо! – психоаналитик Елена смекнула, что за головы могут лишиться премии. – Хватит двух голиков.

– Ладно, Лен, ты права – не будем обижать лилипутов.

– Молодец! Правильно и благородно! Я тебе испеку в дорогу твои любимые чохохбили из китайских угрей.

– Любимая! – прижался к супруге здоровяк-спортсмен. – Но только пусть твои предки катятся жить к себе!

– Хорошо-хорошо! Как забьешь – так и покатаются!

Вратарь Филимон всегда очень сильно волновался перед игрой и потому плохо спал, а уж перед мундиалем... И говорить нечего! Еще затемно взял он сигареты «Честерфилд», собаку волосатой породы кокер-спаниэль и пошел во двор из двадцати соток, чтобы хоть немного не думать, о том десятке мячей, который ему нашвыряют безжалостные бельгийцы, немцы, нигерийцы и еще черт знает кто. Вообще он очень крепко надеялся, что до французов и англичан дело не дойдет.

Вернувшись в спальню, он обнаружил свою кровать неубранной и чуть не заплакал от любви к жене Галине. Она была стойким борцом с любым беспорядком и мгновенно застилала его постель при любой маломальской отлучке.

– Любимая, ты это сделала для меня? – задохнулся от счастья Филимон.

– Да, милый, я встала на горло собственной песне! – всхлипнула Галия. Было понятно и в темноте, как тяжело ей дался этот подвиг.

– Ну, теперь на мундиале я тоже буду стоять как скала! – воскликнул двухметровый гигант. – А сейчас спать и копить силы!

– Минутку, Филимоша, – тихо обратилась к нему жена. – Пожалуйста, сними с меня наручники. Надеть-надела, а вот снять – никак!

Супруга знаменитого нападающего Попова прекрасно знала, что кроме футбола у Дениса есть только еще одна страсть – женщины. Самой Жанне разговор на эту тему был, естественно, неприятен, но чтобы поднять моральный дух бомбардира, она решила лишний раз подчеркнуть тот факт, что он самый неотразимый мужчина и Казанова, что без «виагры» нынче редкость и все такое в том же ключе.

Поглаживая его богатырскую грудь в синяках, Жанна промурлыкала:

– Дениска, я знаю, до меня у тебя были другие женщины. А вот скажи честно, с кем-то из них тебе было так же хорошо, как со мной?

Форвард помрачнел грибом атомного взрыва и задумался... Прошел час, второй... Жанне очень хотелось спать, и она поспешила дать задний ход:

– Дениска, ну прости, я не хотела тебя загрузить, затруднить... Я же пошутила!

– Да нет, ничего, Жанночка. Я вспоминаю... Понимаешь, какое дело, я же начал ЭТИМ баловаться еще с шестого класса. Вашего брата, то есть баб, перепробовал фуеву тучу... А тут надо еще все параметры раскадровать: как кто делал минет, как подмахивала, каким был запах тела, не храпела ли, сколько поз камасутры было освоено, как раздевалась, соблазняла,

ублажала... Опять же в каких местах был экзотический секс: в лесу под деревом, в музее Пушкина, в поле на траве, в туалете поезда, в кинозале на последнем ряду... Короче, понимаешь, такое не каждому компу под силу...

Жанна обиделась и отрубилась в сон.

А он вспоминал остаток ночи, все утро, пока ел, а жена собирала его сумки...

Жанна уже хотела позвонить Колесикову и объяснить ситуацию: мол, Попова надо из сборной исключить. Какой толк от форварда-компьютера, думающего не о том, как забить мяч, а без конца вспоминающего «где? когда? с кем? сколько раз? и как ЭТО было замечательно!»

Самолюбие Жанночки сильно страдало.

Но хитрый лис Колесиков приехал сам и с порога заявил:

– Денис, больше не мучайся! Все твои амурные дела есть у меня на ди-ви-ди-дисках. Все заснято скрытой камерой с детской поры, как только ты попал в шестом классе в поле зрения футбольных селекционеров. Компактов ровно 3461 штука. Чтобы их просмотреть, понадобится три года, если спать по 5 часов в сутки. Как видишь, до Жанночки ты ударно потрудился, после чемпионата можешь изучать свою порнуху сколько душе угодно!

– Спасибо! – поразился громила-голеодор. – Вы прямо камень с меня сняли!

– Это моя работа, – скромно потупил взор президент РФС.

– Через мой труп! – злобно прошипела Жанна и растянула кукольное лицо в сладенькой улыбочке: – С Богом, родные мои! Не пуха вам да не триппера!

Она перекрестила на дорожку главную мощь российского футбола.

– К черту! – хором ухнули функционер и форвард, катясь вниз по лестнице к шестидверному «мерседесу».

Теперь в успехе сборной на чемпионате мира можно было не сомневаться.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Идиллия

В Израиле многое поражает форестьера. А если путешественник из России, то его удивлениям нет числа. В первый же вечер по приезде в Тель-Авив я с другом Тимуром посетил кафе на набережной. Вообще, на земле обетованной уличная жизнь оживляется ближе к ночи, когда спадает дневная жара.

Столики на тротуаре, посидельщики пьют пиво, джин с тоником, кое-кто по-русски накачивается водкой или виски. Тимур преспокойно заказывает себе бутылку «Пльзенского», а у меня, извините, язва. Я безнадежно вздыхаю, представляя то, что сейчас будет. Я говорю. Сексапильная халдейка в фратучке заливается диким хохотом и задорно орет:

– Вы, что, не видите куда пришли?! Это кабак для взрослых крутых мачо и буйных путан, а не для грудных недоносков!!

Тем не менее, краснея и пряча глаза, я тихо прошу:

– Мне, пожалуйста, если можно, стакан молока...

Бодрый ответ вышколенной официантки потряс меня, как гром с градом:

– А какого молока вы желаете? Обычного, с повышенной жирностью или соевого? Теплого или холодного?

Разве где-то в России такое возможно? Да нигде вы не найдете ночного распивочного заведения, в котором бы вам раздобыли хоть ложку молока, да еще такого и сякого!

Религия

Храм Гроба Господня на Голгофе, Стена Плача – остаток от Храма Давида, построенного современниками Спасителя более 20 веков назад. Огромный монолит под стеклом и с трещиной посередине, в которую центурионы Пилата вставили когда-то давно сакраментальный Крест. Камень можно потрогать рукой через специальное отверстие. Бесплатно. Также свободно я проник в пещеру, в которую Иисус был отнесен после казни. Молодым везде у нас дорога, а здесь все доступно абсолютно всем!

Немудрено, что в Израиле полно сверхрелигиозных иудеев. Их очень легко отличить от остальных нормальных евреев. В сорокаградусный полдень ортодокса видно за версту, как негра: строгий черный костюм, шляпа, пейсы, борода, ботинки. Ботинки, а не сандалии! Нос постоянно уткнут в молитвенник. Дети тоже чинно топают, трепыхая пейсами. Молодые люди женятся только на представителях фарисейской касты, поэтому любопытное сообщество потихоньку вырождается.

И не только поэтому. Интимная деталь. Мне по секрету рассказали, что стопроцентные иудейки надевают на ночь длинные балахоны, извините, с круглой дырой в известном месте, так как тела мужа и жены по железным канонам талмуда не должны соприкасаться никогда! Это очень страшный грех.

Но ортодоксы пока еще сильны. Клерикальная партия в Кнессете много лет вполне серьезно добивается принятия закона о запрещении работы аэропорта имени Бен Гуриона по субботам.

Культ святой субботы доведен до абсурда. Начинается синекурный денек почему-то в пятницу в 19.15. Сутки напролет в подъездах горит свет. В субботу-безделицу даже пальцем дотронуться до кнопки – кощунство! В субботу почти никто не трудится. Общественный транспорт отдыхает, такси мало. Старый фанатик в черном стетсоне исправно налагает проклятия на проезжающие мимо «Форд-фокусы» и «Бентли».

Мани

Из Иерусалима я отправился в Эйлат, это еврейский центр высокого туризма, омываемый Красным морем. Население Моздока и Эйлата примерно одинаковое – около 65 тыс. человек. Но на этом их сходство резко заканчивается. Вечнозеленый Эйлат посещают за год 10 млн пижонов из всех стран мира. В пограничном же Моздоке иностранного туриста можно увидеть только во сне.

Эйлат – блестяще организованная машина турбизнеса, которая не останавливается ни на минуту. Если ты прожженный игрок – вечером к пристани причаливают корабли-казино. Покупаешь фишек на сто шекелей и предаешься азартной страсти до утра. Почему лудоманы предпочитают играть в море? Это чисто еврейский фокус – плавучие казино не облагаются налогом. Недаром говорят: иудеи – самые древние коммерсанты на земле!

Я сходил днем в синагогу, а вечером направил стопы в ночной клуб. Время функционирования монстра развлечения – с двенадцати ночи до пяти утра. Пять баров, ресторан со стрипом, дискотека. На входе команда скалоподобных секьюрити. С навахами не пускают. Ножики и «магнумы» гости послушно сдают в камеру хранения.

В тот раз в клуб набилось больше тысячи любителей потанцевать. Дансинг гремел децибелами и бил по глазам вспышками стробоскопа. Вдруг от скачек-плясок всех отвлекло скандальное происшествие. Пьяный французский еврей стал поливать танцующих пенящимся шампанским. К нему подбежал охранник и выхватил бутылку. Французский подданный ловко плюнул в физиономию громилы и бросился наутек. Минут пять доблестные стражи порядка отлавливали резвого нарушителя. Наконец скрутили ему длани, вытолкнули из клуба на теплый воздух.

Однако и тут француз Трахтунберг не уgomонился. Он принялся швырять камни в стеклянный фасад здания. Правда, выбирал «пули» поменьше, чтобы стеклышко не разбилось. Вмешалась полиция. Я снова был безмерно удивлен – фараоны приняли сторону нарушителя в последовавшей разборке.

– Я приезжаю в Эйлат из Парижа, чтобы оставить вам свои бабки, хотя мог бы шикарно провести время в Ницце. Также поступают евреи из Штатов, Германии, Африки. А тут, на родине, за невинную шутку меня выдворяют с дискотеки! – кипятился бухарик.

Коп вместо того, чтобы отправить дебошира в вытрезвитель, как это сделали бы у нас, дружески похлопал его по плечу и любезно распахнул перед ним дверцу джипа:

– Дружище, мы подбросим вас до другого клуба. Там вы вдоволь напрыгаетесь и повеселитесь!

Экономия

По соседству с шестиэтажкой, где я остановился, стояла красивая белокаменная вилла. За кованой чугунной оградой голые по пояс работяги заканчивали строительство бассейна, обкладывали мраморными плитами парапет.

Вдруг к воротам подкатил полицейский фургон. Из машины выскочили спецназовцы с дубинками. Они живо затолкали в «обезьянник» пролетарскую четверку. Из дворца вышел величавый иудей в кипе. Он пожал руку начальнику, и «воронок» умчался.

– За что их забрали? – недоуменно спросил я у хозяина квартиры.

– Это Абрам сдал румын копам, чтобы денег за работу не платить. Сэкономил 25 тысяч шекелей.

– Но так же нечестно! – возмутился я.

– Все честные ходят с протянутой рукой, – выдал азбучную истину старик. – Конечно, он их обманул. Зато сохранил свой капитал, а значит, поступил мудро!

– Но эти румыны могут вернуться и дать ему в морду!

– Э, кавкази, их через два часа выкинут из страны как раз за нарушение закона. Они нелегалы – им работать нельзя. У нас не то, что у вас, в России, все законы соблюдаются строго с выгодой для населения!

Бессребреник

По утрам я любовался морем. Как-то стоял на дощатом мостике, смотрел в прозрачную лазурную воду. Внезапно сердце замерло – из морской глубины прямо на меня неслась темная торпеда!

Я еле успел отшатнуться, а рядом на мостик шлепнулся грациозный двухметровый дельфин. Он радостно заверещал, дружелюбно захлопал плавниками. Я растроганно погладил крутой лоб умного животного.

– Вот, наверное, единственный житель Эйлата, которому наплевать на все баксы мира, – возникла грустная мысль.

– Азохэйвей! (Счастливо!) – я помахал рукой существу, не отягощенному заботами о наживе, и пошел собираться в путь, домой.

Высунувшись из блестящих, словно лаковых, волн, дельфин еще долго что-то чирикал мне в след...

Лебединый танец

Нешадно палили неоновые лампы. Человеческий поток обтекал стеллажи и прилавки огромного универсама. В общем круговращении участвовал маленький худой старик Сергей: на голове распушились седенькие волосики, светлые глаза недовольно рассматривали ассортимент, и костюм на нем был выцветший, и рубашка застегнута на верхнюю пуговицу.

В одной руке он держал листок со списком, другой – толкал металлическую тачку на колесиках. В ней уже лежали несколько свертков и батон свежего хлеба.

В отделе молочных продуктов Сергей остановился и заглянул в бумажку, как музыкант в ноты. Лицо скривилось. Он брезгливо провел взглядом по витрине-холодильнику с сырными кругами.

– Сыра дырявого ей захотелось, – тихо забрюзжал старик. – Черта лысого тебе, а не сыра! Знает, что я терпеть его не могу, – лишь бы свинью подложить.

Тут он увидел заплесневелые развалины рокфора.

– А-а, вот, – повеселел покупатель. – Мы тебе тоже с копытами подсунем – хапнем зеленого да вонючего – больше не захочется!

И еще один сверток опустился в лоток.

Несмотря на дневное время, в комнате было сумрачно – тюлевая занавеска прикрывала окно. Обстановка была из разных эпох: рядом с полированным столом и трехстворчатым шкафом соседствовали две железные кровати с подушечными горами и древний диван с пуфиками.

На диване с ногами сидела румяная старушка Клава: седые волосы подстрижены коротко – каре по последней моде, одета в яркий халат и тапочки с помпончиками. Она споро довязывала полку свитера и поглядыва-

ла через очки в окно. За окном зеленый бугристый пустырь упирался в березовую рощу.

«Только за смертью посылать, – с досадой подумала Клава. – Ходит воробьев считает, а тут сиди и гадай: не то под «мерседон» попал, не то стаканит где».

– Ох, – тяжело вздохнула она и снова подумала: «Пойти, что ли, воду поставить? Придет, а у меня кипяток готов».

Пожилая женщина отложила вязание, кряхтя, боком спустилась с дивана и вышла из комнаты.

Щурясь от солнца, висевшего под углом напротив, Сергей шел по улице микрорайона. Шел он медленно, полная объемистая сумка оттягивала руку.

Вокруг высоко вздымались жилые башни и «китайские стены», по широкой мостовой с непрерывным грохотом проносились чадящие грузовики и стремительные легковушки. Сергей отворачивал от них лицо и еле слышно ворчал:

– Ишь, разлетались! Того и гляди – колесуют. Нет бы и этих под землю, как метро, и дышать было бы чем, и пройти без страха за ребра...

Он остановился, поставил сумку на пыльный асфальт, потер лоб.

– Уф-ф, – перевел дыхание. – ну и вредина у меня Клава. Мало того, что от чужих терпишь, так и своя!... Вот обязательно нужно весь гамазин домой припереть!

Тонкий и маленький, над большой сумкой, он был похож на птичку, стерегущую гнездо с яйцами.

К потолку белой кафельной кухни взлетела струйка пара. На плите попыхивала кастрюля. В окружении пластикового кухонного гарнитура здесь стоял генералом щедро отлакированный старосветский буфет.

Клава сидела на стуле, уставившись в окно. Во всю обозримую перспективу двор был почти пуст. Только на детской игровой площадке веселилась группа тинэйджеров. Клава встала и прижалась щекой к стеклу – картина от этого не изменилась.

«Дуй ветер, – тащи крышу! – воскликнула она про себя. – Совсем безголовым стал! Не в ту сторону, что ли, пошел?»

За ее спиной зашумела конфорка. Клава рванулась к плите, и тут ее осенило: «Значит... Ну точно, в другую сторону – поле да лес... Как я сразу не дотумкала? Опять сел с Ивашевым и Васькой по столу стучать. В чужом дворе, чтобы не достала!»

Размышляя таким образом, она взялась за раскаленные ушки и переставила кастрюлю на конфорку без огня. Задубелые пальцы жара не боялись.

– Ну и черт с тобой! – Клава вытерла ладони фартуком. – Останешься без пельменей – только и всего!

Сергей и еще двое пенсионеров сидели за самодельным столом и самозабвенно резались в домино. Рядом на зеленой лужайке резвились дети, по дорожкам катили коляски молодые мамы. Сергей с азартом вlepил костяшку в хвост доминошной змеи и сказал как о давно решенном:

– Щас доиграю партейку и потопаю в больницу – путь с богадельню определяют.

– Вместе с Клавкой? – деловито поинтересовался пенсионер помоложе, толстый самодовольный Васька с усиками под посапывающим носом.

– Зачем вместе, когда я от нее уйду.

– А, еще передумашь! – ляснул по столу второй игрок, совсем дряхлый Ивашов, но подвижный такой дедок с красным пухлым шнобелем.

– Пятьдесят лет передумывал – хватит!

– Неужто так надоело?

– Во! – Сергей провел ребром ладони по шее. – Ездит как на лошади, и пилит с утра до вечера. Яичницу с помидорами, видишь ли, я делать не буду – врачи с перцем не позволяют! Тогда какая мне разница? В богадельне тоже все диетическое, а жить веселее!

– А говорят, теперь в дом престарелых только разведенных берут, – заметил сопящий Васька. – Придется тебе сначала разводиться. А это три месяца волокиты и денег – 300 рублей.

Сергей вопросительно посмотрел на красноносого Ивашова. Тот утвердительно кивнул:

– Он знает. Три раза разводился.

– Надо будет – разведусь! – ударил Сергей последним «камнем».

– А если она замуж выйдет? – не унимался сапун. – Теперь это модно. Сходит в клуб знакомств, и поезд уехал!

Сергей встал, взялся за ручки сумки.

– Если в моде такие, как ты, я не против – пусть и на ней кто-нибудь поедит!

– Сергей, а может быть, ты ее вместо себя определишь? – засуетился Ивашов. – Играть ведь будет не с кем.

– Ничо! Вон молодь пепсиковая на подходе! – Сергей мотнул головой в сторону малышей на качелях.

На солнцепеке возле подъезда сидела сутулая армянка. Она качала детскую коляску и монотонно напевала:

– Ай-я-яй. Ай-я-яй. Спи, Анжелка, засыпай.

Скрюченная, с горбатым носом и выбившимися из-под платка прядками волос, она улыбалась кукольному ребенку.

Из подъезда вышла Клава. Она была без очков, в желтой кофте и синем платье, в руке – пластмассовое мусорное ведро. Сощуриив глаза, она сфокусировала зрение на добренькой ведьме.

– Оля, ты моего не видала?

– Что? Опять у него левый рейс? – засмеялась та.

– Ох! Надо было тебе его сплавить. Счас мне бы было смешно, а тебе – грустно.

– А помнишь, вцепилась, как в сто рублей!

– Да-а, – Клава села рядом с Олей, – был когда-то мужик! А потом ранение, болезни... Казалось, на старости вроде поласковой будет. Куда там! Бочком-молчком. Выйдет плюнуть – на день сдует!

– Это потому, что друг от друга отдыхать надо: неделю в месяц, месяц – в год. Вот я со своим день не побуду – весь вечер прохожу не дает!

– А я решила совсем уйти, – полились слезы по щекам Клавы, – не любит он меня...

– Какая любовь в наше долголетия, Клав?! – обняла ее Оля.

– Не уважает... К дочке поеду... Она давно зовет... Так ему и скажи, что поехала к дочке. Я потом еще позвоню.

– Как же ты вот так сразу? – забеспокоилась Оля.

– Не сразу... Год собиралась – два часа ехать.

– На самолете?

– Какой там. Электричкой.

– Тю! Пешком бы прогулялась.

Клава поднялась со скамейки, вытерла платком влагу на лице.

– Так скажешь ему?

– Все скажу. Смотри, как бы он тебя не перегнал!

Клава взяла ведро и пошла дальше.

– А зачем твоей дочке мусор? – крикнула Оля.

– Это не дочке. Это я ему. А то зарастет тут мхом, – откликнулась Клава и стукнула ногой по железному баку. Оттуда с визгом сиганули две кошки.

Сергей тащился с затаренной сумкой мимо бесконечного панельного дома. Он разговаривал сам с собой вслух и не замечал, что прохожие обращают на него повышенное внимание.

– То ей было жарко, то холодно. То надо было одеться теплей, то снять лишнее. То ветер, то сквозняк, то много солнца, то воздух не такой. То в театр с ней сходи, то на танцы! Тьфу!.. Всю жизнь она заботилась только о себе, а я был при ней малым на побегушках...

Клава также шла по тротуару мимо серой стены в оконных квадратах, с нишами лоджий и карманами балконов. Она сжимала в руках дамскую сумочку и ворчала про себя: «Света божьего не видела: убирай за ним, готовь да лечи. И благодарности ни на копеечку!»

На углу они столкнулись нос к носу. Близорукая Клава не сразу сообразила, кто это перед ней возник. Сергей сориентировался мгновенно и предпринял попытку обхода. Неуклюжий, с тяжелой сумкой, он огибал жену слишком медленно. Клава успела надеть очки и заметить мужа.

– Сергей, ты, что ли?! – обескуражено вскрикнула она ему в ухо.

– Ну что? – нехотя обернулся он, как будто его оторвали от важного занятия.

– Как что? Свой дом прошел! Меня не узнаешь!

– Я в больницу спешу.

– Заболел?

– Нет, к престарелым определяюсь.

– А как же я?

– А ты замуж выйдешь. Девушка ты еще молодая – вон без очков ходишь, чтобы красивее. С квартирой! Сходишь в клуб знакомств, и на поезд!

– Побойся Бога, Сергей!

– Бога нет. Бояться некого.

– А зачем тебе в больнице кошелка?

– Есть буду. Пока на довольствие не поставят.

– Да ты за месяц столько не съешь! Давай, я лучше Ленке отвезу. – Клава потянула сумку к себе. – Я как раз к ней еду.

– К Ленке?! – Сергей из последних сил рванул сумку назад. – Не дам! Насчет нее у меня всегда были сомнения.

– Как тебе не стыдно! – снова потянула она.

– Мне? – уперся старик. – Это ей должно быть стыдно! Рядом живет – год не было.

Тут он отпустил сумочные ручки, закрыл глаза и приложил ладонь к груди.

– Что? Заколело? – встревожилась Клава.

Сумка раздора плюхнулась на асфальт. Клава с трудом перемахнула через нее и обхватила супруга за спину.

– Счас таблетку, и все пройдет.

– Еще рано. – Он открыл глаза.

– Что? Таблетку?

– Чтобы все прошло.

– Ну, давай просто отдохнем. – Она повела его к скамье возле автобусной остановки.

– Давай, – обреченно вздохнул он и едко хмыкнул: – Дохтор-мохтор, понимаешь!

Кроны берез развивались, как зеленые знамена. Над оградой из металлических копий блестел свежей краской голубой щит. «Парк культуры и отдыха» – было выведено на нем красными буквами.

На парковой танцплощадке шел урок бального танца. Двигаясь по кругу, пожилые мужчины и женщины разучивали несложные па, или просто их вспоминали. Круговым движением руководила бодрая, подтянутая старушка. Ее хрипловатый голос передавался через микрофон мощным динамикам и безжалостно заглушал мелодичный вальс Штрауса.

– И раз-два-три!.. Вы повернулись только на 90 градусов, на 180 не хватило силенок. Вот теперь произошло. Еще разочек... Партнер, не тащите даму, она сама пойдет... И раз-два-три. Дорожка вперед, правый поворот...

Сияя глазами и улыбаясь друг другу, несколько угловато-комично танцевало возрастное поколение. У Клавы и Сергея получалось очень даже неплохо.

– Ну что, сделаешь мне теперь яичницу с перцем? – спрашивал он и глядел фатом.

– Да уж, перца я тебе задам! – смеялась она и ловко отдергивала ноги из-под его норовящих наступить туфель.

И вдруг произошло чудо! С пожилой пары слетели все отметины долгой чреды лет: разгладились морщины, приобрели былую роскошь прически, юным счастьем загорелись глаза...

Двадцатилетние Сергей и Клава легко кружились в своем первом танце. На нем был новенький костюм со значком «ОСОАВИАХИМа» на лацкане пиджака, на ней – яркое атласное платье: алые розы на синем фоне...

Померещится же такое! Да еще сразу двоим...

ПРОГРЕССИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Лучше маленький подарок, чем большое спасибо. А еще лучше тот презент, который человеку в радость, то есть нужен ему позарез! Но самый высший пилотаж – это подобрать полезный сувенир, еще и подходящий для шуточной церемонии его вручения под искристое шампанское!

Рассеянной подруге

Оля мне часто жаловалась: «У меня топографический идиотизм. В районе БАМа я потерялась уже три раза. Зайду куда-нибудь и потом не могу сообразить, как же мне выбраться отсюда к маршрутке? А у прохожих спрашивать боязно – подумают, звезданутая!»

В День геолога я преподнес ей часы – рацию. Легкий и компактный прибор будет позволять мне общаться с заблудшей в ситуациях, когда обычная мобильная связь недоступна.

Теперь я даже могу отпускать ее в туристические походы. Как только Оля потеряется где-нибудь в горах, наручный передатчик сообщит ее координаты милиции, «скорой помощи» и поисковому отряду МЧС.

Коллегам по фирме

Для сотрудников нашей скромной компании я набрал электронных танцующих животных, которых перевручал им всем в Дни рождения. Мне как-то подумалось, вот бы и на работе все мои насупленные коллеги стали бы такими же славными зверюшками! Отрывки из песен я подобрал соответствующие.

Представляете, подхожу я к генеральному директору, жму ему лапу, то есть холеную руку... И ставлю на стол льва – царя зверей. Тот скачет и задорно рычит куплет: «Сегодня игры экстремальные, я линзы одеваю дальние, сквозь стены вижу я её мою и парня, что поет ей «ай лав ю».

Замдиректору пробасил прелестный пухлый медвежонок: «Если вы яствами увлечены, ешьте побольше рыбьей икры. От ожиренья она не спасет – похолодеет сильно расчет».

Вредной секретарше с когтями-ногтями мурлыкнула черная пантера: «Улетают прочь года, в прошлом всё как в клумбе мило. Только вот зачем всегда я как флюгер флирт крутила?»

Моему непосредственному начальнику отдела провизжала рыжая мартышка: «Травка с пивом! Счастье – дни! Блин! Как тормозят мозги».

Не знаю почему, но в оголтелую пляску никто почему-то не пустился. Однако я не теряю надежды – возможно, все-таки, получив своих веселых мохнатых монстриков, они станут когда-нибудь добрей!

Вспыльчивому другу

Олег – чуть его заденут, сразу взрывается! Однажды он признался: «Не знаю, что делать! Хоть иди к психотерапевту. Наверняка заболеваю маниакально-депрессивным психозом». Ему в Международный день здравоохранения я притащил напольную боксерскую грушу, чтобы он пришел в норму к празднованию Нового года. Сейчас мой забияка-другок срывает свою немереную злость на окружающих на этом чудесном спортивном снаряде, выполненном в ослепительно ярком цвете «коррида».

Груша отлично снимает стресс, извлекает из Олега дурную агрессию. По-моему, за неделю боксерских упражнений у него даже появилась героинская атлетическая осанка!

Любимому Джеку

Я – собачник. У меня есть пес породы доберман-пинчер. Джек все понимает, только сказать раньше не мог. Теперь может. Я подарил ему синхронного переводчика собачьего лая.

Микрофон, прикрепленный к ошейнику, улавливает твяканье и передает его на основное устройство. Встроенный компьютер, проанализировав тембр, ритм, частоту, интонацию и многие другие характеристики брехания, выводит на экран перевод, отражающий эмоции и желания собаки.

Я с Джеком теперь подолгу беседую, так как живем мы сейчас в Год собаки и прислушиваться к мнению питомцев на четырех кисточках неизмеримо полезно.

Дорогой теще

Моя теща страсть как любит подглядывать за соседями, подслушивать, кто о чем кому говорит. На католическое Рождество я сделал ей приятное – подарил прибор ночного видения с параболическим микрофоном и пневматическую винтовку, стреляющую сухим горохом.

До недавнего времени технологии подсматривания в замочные скважины и улавливания звуков на расстоянии были доступны только спецслужбам типа «Альфы». Слава Богу, теперь обломилось этого счастья и нашим доморощенным ищейкам!

Инфракрасное излучение позволяет все видеть даже в кромешной темноте! Прибор имеет пятикратное увеличение изображения и способен улавливать самый тихий звук на расстоянии до двухсот метров. Из винта попадание в филейную часть объекта гарантируется японской фирмой «Харакири» с трехсот метров. Короче, Марию Михайловну от праздничного набора за уши не оторвешь! И все довольны: мы с женой хихикаем, мать супруги шпионит с размахом «Агента 007»!

Так что, дарите всегда подарки со смыслом, хватит покупать «бабе цветы, детям – мороженое».

ДА ПОШЕЛ Я... В БАНЮ!

Клуб nudистов

Внешне баня не изменилась с доперестроечных времен. Однако, зайдя внутрь, посетитель наталкивается на нынешнюю капиталистическую действительность – стоимость помывки в общем отделении подскочила до 30 рублей, часовое пребывание в сауне обойдется компании из двух мальчиков и двух девочек в 250 «деревянных», из восьми загрязненных господ – в 350 рэ. Ну что ж, вполне приемлемый для чистюль финансовый рэкет.

Какой же высокий сервис окружит меня за те мелкие купюры в кубическом заведении? Я купил билет в кассе и пошел мыться в бане, дабы ответить на данный вопрос века. Было воскресенье, и уже почти все железные шкафчики заполнились одеждой баноманов. В отремонтированной раздевалке стояли экологически чистые деревянные скамейки, на них чинно восседали красные распаренные мужики – все как полагается.

Я отметил ряд положительных изменений, произошедших в общем отделении с последнего моего посещения бани лет семь назад. Во-первых, шкафы закрывались банщиком на ключ, и не надо было поминутно забегать в раздевалку, чтобы убеждаться в целостности штанов и денег в карманах, как когда-то. Во-вторых, кругом сиял свежeweымытый пол, стены радовали взор голубой краской, на большом панно для слабозрячих были крупно расписаны правила пользования банным учреждением.

Запрещалось распивать спиртные напитки, сбривать волосяной покров, приходить, не вылечившись от коварных заразных кожных заболеваний и т. д.

Сразу подчеркну, что действительно маргинальных лиц с пятнистыми дерматитами и язвенными бубонами я не обнаружил. А вот бутылочное пиво голозадые атлеты поглощали с большим энтузиазмом, но, конечно, в меру, пристойно беседуя на разные интересные темы. Как говорится в народе: «Год не пей, два не пей, а в баньке – дай, Господи!»

Вообще-то сие учреждение – это не только пункт обмывания тела мылом и шампунями, это еще самый настоящий мужской клуб. Скоро я определил присутствие нескольких устойчивых объединений завсегдаев, весело хохмивших друг с другом. И мужчин можно было понять – это в Лондоне сэры посиживают в каком-нибудь элитном клубе выпускников

Оксфорда, а у нас сидят в бане всего за три червонца и высокомерно плюют на все Кембриджи вместе взятые!

Шоу-бизнес в ванне

Отхлебнув для приличия пенного алкоголя с бывшим соседом по улице, я ринулся в банные недра. И сразу повстречал наших воротил шоу-бизнеса в ванне с хвойным экстрактом. Первый – худой, как рыбий скелет, лысоватый аранжировщик. Подпольная кличка Хэвик. Второй – экзотический кадр, натуральный негр, приехавший к нам учиться из Камеруна, да забросивший медицину к чертям собачьим после женитьбы на симпатичной россиянке Лауре Басаевой.

Благодаря своей звучной фамилии она пользовалась уважением местных хулиганов, которые обеспечивали порядок на поп-тусовках. Впрочем, вывеска «черной жемчужины» была еще более ошеломляющей – Эдвард Макаке. Он упросил друзей не вспоминать вторую часть роскошного имени и готов был поить острословов за свой счет. Те широко пользовались возможностью халявы со стороны сильно скаредного в прочих обстоятельствах африканца.

Итак, встреча в большой кафельной ванне (четыре на четыре метра) произошла с триумфальными криками и вручением мне банки пива «Хольстен». Оказалось, шоу-мэны бились над конференсом к очередному концерту и, уже выбившись из всяких мозговых сил, попросили у меня интеллектуальной помощи, подсунув ко рту диктофон.

– Ты же знаешь нашего стриптизера Саню и танцовщицу Вику. Они будут бацать в шкурах пляску первобытных людей. Нагороди подводку, пожалуйста, – простонал Хэвик. – У нас уже тыквы дымятся.

– Да-да, дым столбами! – подтвердил проволочноволосый Эдвард.

– Под «Хольстен» я вам хоть двадцать подводок наболбочу! – раздобрев в теплой зеленой воде и приняв пузырчатую влагу внутрь, пообещал я.

– Давай! Я врубаю! – на черном приборчике зажегся огонек.

Ни с того ни с сего я поехал нести последний вздор, выплескиваемый из темных глубин подсознания под напором алкогольных паров:

– А ну, настроили прожекторы и локаторы на волну «Ужас-плюс – песни минус». И вспомнили хай подлого Бармалея: «Нет страшней на свете гадких джунглей этих, не ходите, дети, в Африку гулять!» Но начхали на базар марвихи два наших горных йети и кувыркнулись в отбросную Африку. Маслины на лбу от Малибу! Найт-лайф – запредел! Крысофобии даже натерпелись! Щас посканируете, в какую вакханальную оупен-эйр превратилась их туристическая туса! Все, жму на кнопку – получите! Та-нец дикий Сани с Викой!

– Очень хорош! – ослепил меня белыми зубами черный Эдвард.

– Виктор, давай еще одну замочи! – взмолился Хэвик, извлекая из-за спины вторую банку пивка. – Нет! Ты сосредотачивайся, я сам открою. Упс! Некст нумер – песня группы «Икс-файл». Ну, ты ее слышал... про провода!

– Ага, – что-то смутно припомнил я и снова включил поток хмельного сознания: – А сейчас все будут в отпаде! Джентльмены, пристегните покрепче своих герлз к груди. На арену выползает глушилка «Икс-файл». Гопники из академии драйва и джангла. Для товарищей из района открываю смысл сингла: нимфетки топ-лесс носят по электрическим проводам, путь их далек – категорически куда-то на север, но им до лампы градусы ниже нуля, ибо в конце они неизбежно попадают в дарк-рум и пьют эспрессо с чесноком! Встречайте секретные материалы про нашу рейв-культуру!

Все!

– Конгениально! – Хэвик в обвальном потрясении зашлепал ладошкой по воде! – Вик, еще вступление ко всему кордебалету, а?

– У тебя пиво кончилось. – Я надулся римским патрицием. – Ведешь в кабак? Тогда – с нашим удовольствием.

– Ведешь – ведешь! – заверил завзятый лгун Эдвард.

– Кабак вперед, – выпятил я надменно губы, как это делал Муссолини, выступая перед итальянскими народными массами.

– Договорились! Мы сегодня все равно играем в «Париже», приходи по вечеру, – совратительно разулыбался Хэвик.

– Ладно, заряжай, – смилостивился я, дохлебывая остатки пива.

– Концерт посвящается дамкам и все такое, – дал краткую вводную музыкант.

– Начало надо больше лирика, – добавил Эдвард.

– Лирики-мурики лопают брюлики, – схохмил я для настройки, и искрометная речь полилась из моих посинелых уст:

– Сегодня празднуем, друзья,
Мы праздник женщин от бедра,
Старлетов тоже самых разных,
Прекрасных и как взрыв опасных,
Любимых так себе, родных,
А также жен совсем чужих...
Для вас на все готов в угоду,
И вот перехожу на оду.
О вы, чей лик ласкает взор,
Чей нежен милый разговор,
О очи, губы, бюсты, плечи,
О поцелуи в тихий вечер...
С ума сойти! Довольно слов!
Быстрее уйдем в астрал, в любовь!

В концерт сегодняшний крутой!
Ура, братва! К чертям все прятки!
Мы начинаем! Выше пятки!

Пар тоже развязывает языки

Хэвик опять замолотил в экстазе по водной поверхности.

– Ты – гуру конференса! – от бурных чувств он пошел ко дну.

– Все, я в парную, – выбрался я из короба ванной по специальной лесенке. – Задубел совсем.

– Приходи в «Париж», Витя! – протрубил мне в спину негр из Камеруна.

– Обязательно! – брякнул я и вскочил в туманную парилку.

Здесь прямо пахло дубовыми досками, гурман банного дела плескал квасок на горячие камни, и я остро ощущал, как вместе с потом из кожных пор выходит самая микроскопическая грязь.

Говорунов в парной тоже было предостаточно! Рассевшись на полатах и мазохистски шлепая по спинам вениками, любители высокой температуры обсуждали многие злободневные вопросы: увеличение телефонных тарифов, политику Главы республики, горькую судьбу футбольного клуба...

Я тоже блеснул эрудицией, показал, что не лаптем щи хлебаю, поведал о недавно проведенном чемпионате мира по сауне, в котором всех мужиков победила одна фантастическая финка. Женщина сумела высидеть в температуре 135 градусов больше 13 минут!

Да, сам я выскочил из парной, уже почти теряя сознание, и еле отдышался в бассейне, параллельно фиксируя положительные явления банного быта.

Так, вода в микроозере была прозрачной и приятной. В ней не плескались, как когда-то, буйные дети-горлопаны. Все было прилично и благородно. Даже седовласый солидный гражданин с генеральской осанкой сделал мне вежливое замечание:

– Молодой человек, закрывайте за собой воду в душе, когда идете пить пиво.

А в прошлый приход, это лет семь назад, у меня грубо украли мыло вместе с мыльницей.

Итак, подводя черту, можно смело заявить, что наша баня преобразилась в лучшую сторону. Так держать, борцы за стерильность и проповедники банной культуры!

Вышел я из «мужского клуба» помолодевшим, благоухая запахами хвои и шампуня «Хэд энд Шолдерс». Словом, редкое сочетание приятного с полезным было мною достигнуто на все сто процентов! Плюс я заработал шикарный даровой ужин в фешенебельном ресторане. Да, было от чего

воспарить гордой душой и чистым телом! Воодушевленный своей явной репортерской и поэтической победой, я даже решил также описать уют и покой женского отделения, но меня туда почему-то не пустили, несмотря на предъявленное удостоверение.

Пять артефактов

Первый

Древнейшие жители поселились в горной котловине в 22 веке до нашей эры. Некрополь существовал и функционировал в течение более 1500 лет. Это единственный из известных сегодня науке некрополей подобного типа эпохи бронзы-раннего железа не только на Юге, но и во всей России. Совершенно фантастический артефакт!

В 2006 году было раскопано 4 гробницы. В 2007 году археологи обнаружили на этом могильнике более 50 погребений. Оказалось, что могильник идет вверх по склону. Он занимает среднюю террасу реки – причем он идет четырьмя ярусами, четырьмя полками. Каждый ярус оказывается другого времени.

Там был найден уникальный материал – большое количество бронзовых предметов, серебряные вещи (копья, зооморфные привески) периода раннего этапа кобанской культуры 14-13 веков до нашей эры.

Из-под земли в моем воображении медленно появлялся Древний некрополь, со своими площадями, улицами, переулками. Причем каждый ярус был вымощен плоскими черными плитами. То есть в определенном смысле территория могильника представляла собой древний Город мертвых. Там периодически осуществлялись религиозные обряды. Погребенные лежали в вытянутом положении, с очень большим количеством погребального инвентаря. Для потустороннего мира с усопшими в могилы клали специальные предметы, то есть лучшие поделки искусных мастеров, определенный традиционный набор, необходимый, по представлению предков, для жизни в загробном мире. Это оружие для воинов, атрибутика вождей и жрецов, и это – большое количество парадных украшений для женщин. Булавы – символы власти. Кстати, они чем-то похожи на казачьи атаманские булавы 17-18 вв. Также были найдены ритуальные топоры, которые играли свою роль во время жреческих мистерий. Там же из грунта были извлечены жреческие привески в виде крылатого барана (фарна), крылья которого оформлены в виде двух боевых топоров.

Археологи подали документы в ЮНЕСКО для того, чтобы этот памятник и его материалы были признаны национальным достоянием всего

человечества. У них была уверенность в том, что памятник будет признан на международном уровне. По выходу сенсационного материала в центральной прессе случилось неизбежное. В 2009 году некрополь затопили гидростроители, все научные исследования пришлось остановить. В общем, площадь в сто тысяч га интереснейших шурфов настигла холодная участь Атлантиды.

Второй

Нечто любопытное поведал мне директор археологического ведомства: «Каждый год наш институт спасает в среднем от расхищения, от разрушения исторических памятников (ценностей) где-то на 1 млн. долларов США. Мы собрали уникальную коллекцию. Там находятся только особо дорогие вещи из золота, серебра, драгоценных камней. Например, конская сбруя из золотых бляшек, найденная при раскопках древнего городища. В рыночных мировых ценах она оценивается более чем в 2 миллиона долларов США. Это сарматское время, 3 век до н.э. Изделия выполнены в традициях кобанской бронзы – тот же стиль, рисунок, изображения зверей. Это единственный памятник, который ярко свидетельствует о преемственной связи кобанской и сарматской культур. Что я могу сказать о «черных археологах»? Если нам сообщают, что над каким-то курганом «сгущаются тучи», появляются рядом грабители, мы высылаем туда экспедицию. Информацию такого рода мы получаем обычно случайно. Очень много дорогих древних вещей достается рабочим глиняных карьеров, бульдозеристам. Свежий случай. Нашли трудящиеся большой золотой доспех. Экскаваторщик и рабочие вместо того, чтобы сдать раритет нам, распилили его на части. Вот такие времена, как говорит Познер».

После выхода в свет моей статьи, похитителя-неофита замучила совесть. Он раскололся в участке. В результате памятник-доспех не нашелся и в расчлененном виде.

Третий

В «Словаре античности» о Фестском диске написано: «Круглый диск из обожженной глины диаметром 16 см, датируемый 17 веком до н.э. Найден в 1908 году в Фесте (о.Крит). На обеих сторонах посредством штемпеля вдавлены иероглифические знаки, расположенные в форме спирали. ФД рассматривают как предшественника типографского шрифта. Расшифровать текст до сих пор не удалось».

В 2006 году известный профессор Владимир К. доложил мне по секрету следующее: «В 1908 году английский археолог Артур Эванс работал на острове Крит. Он раскапывал большой дворец времен Минойской археологической культуры. Это конец 3 и начало 2 тысячелетия до нашей эры. В ходе раскопок был обнаружен диск диаметром 16 см, покрытый с обеих сторон загадочной письменностью, какими-то непонятными клино-

видными значками. ФД произвел настоящую сенсацию в научном мире, потому что было ясно, это столь древняя письменность, о существовании которой никто не подозревал. В Месопотамии была обнаружена некая знаковая система, даже более ранняя, но что здесь, на много западнее, в центре Средиземного моря родилась культура с письменностью – это стало поразительным открытием. ФД вошел во все учебники по археологии и истории, мгновенно стал знаменитым и был единственным вплоть до 1998 года. Я приехал из Минеральных Вод в Павлодольск. Мой ученик и коллега Виталий Т., тоже доктор наук, показывает мне здесь керамический черепок: в сырую глину врезаны по кругу какие-то значки. Я спрашиваю: откуда? Обломок принес работник музея Эдуард Ч. Он принес фрагмент на экспертизу: посмотрите, что это такое? Я сказал Виталию: «Диск похож на Фестский, надо с ним позаниматься». Виталий удивился: «Как мог попасть в Павлик черепок с Крита?» И рассказал о том, как был найден Павлодольский диск (ПД). По словам Ч., мальчик подобрал черепок среди мусора в старом доме и принес в музей. Я стал изучать ПД, сфотографировал его, отправил письмо в Грецию другу Арису Пуляносу (мы вместе учились в Москве в аспирантуре). Через полгода я получил толстенную бандероль. Сборник научных статей «Антропос» (Человек). В нем была опубликована статья греческого ученого, специалиста по крито-микенской письменности Эфи Полиянки. Эфи писала: «Кавказская находка несомненно подлинная. Надпись, если она даже не принадлежит Криту, она точно относится к Эгейскому бассейну, где это письмо получило свое развитие и широкое распространение. Что касается хронологической датировки, то она относится примерно к 18-17 веку до н.э. Описанный керамический осколок, согласно профессору К. из России, найденный в кавказском регионе, по своим главным характеристикам идентичен известному глиняному диску из Критского Феста. Очень важен тот факт, что в надписях на обоих дисках была использована одна и та же иероглифическая система. Два письма имеют разное содержание, но язык несомненно один и тот же. Возраст керамического осколка может быть высчитан методом архиметрии».

«Я осмелел и следующую статью о ПД отправил в Париж, – продолжил повествование Владимир К., – где она была напечатана в журнале. Завязалась переписка с французским исследователем Филиппом Планьо́лем. Посыпались звонки из Канады, Франции, городов России. Весь научный мир заинтересовался нашим ПД. Стало очевидно, что в археологической науке произошло грандиозное событие: до сих пор был известен один ФД, а теперь нашелся его аналог! Однако люди науки еще не знали, что в 2001 году ПД бесследно исчез. Когда мне снова понадобился наш фрагмент диска, я пошел за ним в музей. Т. сказал Ч., что этот кусок глины дороже золота, что это самый ценный экспонат. И музейный сотрудник пропал в неизвестном направлении вместе с тем экспонатом! Вот что написал я Планьо́лю в октябре 2002 года: «Мое молчание затянулось, потому что я

пытался найти интересующий вас обломок и иероглифической надписью из Павлодольска. К большому сожалению, наш фрагмент не дошел до музея и попал в частные руки, после чего его следы теряются. В том же 2002 году произошел со мной еще один знаменательный эпизод. Иду по коридору и встречаю некоего Азима Джиграти (заместителя директора археологического ведомства). Он мне говорит: «Владимир Александрович, вот вы шумите по поводу этого несчастного обломка диска. Вы это делаете зря. Дело в том, что его вылепил я (Джиграти жил тогда в Баку). Вышел на берег Каспийского моря и мне в голову пришла такая фантазия». И баловник Джиграти пошел восвояси. Я вернулся вот в эту комнату озадаченный. Как же так? Ведь Джиграти должен был тогда знать крито-микенский алфавит, а его не знает никто из живущих на Земле. Допустим, он смотрел на ФД и переносил значки на свой – копировал. Но Полиянаки пишет, что на Павлодольском диске есть такие знаки, которых нет на ФД. К тому же я держал ПД в руках, он производил впечатление архаики: окатанные края бывают только у керамики, которая долго лежит в земле. Зачем же тогда Джиграти вешал мне «лапшу на уши»? Значит, кто-то ему приказал: «Пойди и скажи что-нибудь К., чтобы он заткнулся». Директриса музея тоже не провела расследование неспроста. Никто не искал исчезнувший ПД. В чем тут дело? Я понял, что в Павлике существует археологическая мафия, которая работает на международный рынок. За наш обломок на аукционе древностей в Лондоне могли вполне отвалить и миллион долларов! В Америке тоже богатые музеи. Такие деньги за кусок глины! Кто-то, видимо, построил себе виллу. Я не могу это утверждать, но вдруг мои умозаключения верны? Ч. увольняется из музея и пропадает вместе с диском. Директриса покрывает его. Ей кто-то прямо сказал: «Хочешь работать директором – спусти дело на тормозах!» А чтобы помалкивал я, на меня напустили Джиграти с дурацкой выдумкой. Он же археолог, профессионал, а подумал, что я поверю в ту «утку». Концы не сходились. А вскоре Т. сбила машина, и последний честный свидетель был потерян. Несмотря на то, что статьи с фотографиями ПД были опубликованы в Греции, Франции и России, все остановилось».

Статья вышла в интернет-газете Института по исследованию вопросов войны и мира (Лондон, Пикадилли роуд). Я заметил за собой слежку и стал носить броник под пиджаком.

Четвертый

Случайно о проблеме несанкционированных раскопок мне поведал сотрудник Центра по охране памятников. Рассказ оказался совершенно криминальным. В августе в НПЦ пришел научный сотрудник археологического ведомства Михаил М. с категоричным утверждением: «Если не взять под контроль курганы, то грабители поставят раскопки на конвейер». Проблема возникла на месте древнего захоронения между селениями Фос-

та и Карн. Здесь расположено несколько курганов эпохи ранней бронзы. Охранники исторических ценностей выехали в селение Фоста, где познакомились с Альбертом Х. (фамилию не указываю по понятным причинам). Он живет неподалеку от кургана и любит за сельской околицей поохотиться на перепелок. Месяц назад Альберт столкнулся в поле с двумя неизвестными, обвешанными на манер агентов ФБР компактными рациями иностранного образца. Амуницию шедших от кургана довершало помповое ружье. Увидев охотника, пришельцы резко свернули в сторону, чтобы с ним разойтись. Альберт Х. организовал погоню за подозрительной парой. В результате решительных действий местных жителей тандем был схвачен и сопровожден в райотдел милиции. Туда же, в дежурную часть, сдали серебряную чашу и кинжал, инкрустированный драгоценными камнями, как доказательство принадлежности задержанных вовсе не к сборной республики по спортивному ориентированию. Однако вскоре к райотделу подъехал какой-то гражданин, пообщался с милиционерами и те, согласно его требованию, отвезли «любителей старины» на... то же место, где их взяли с поличным. Это было сделано с максимальной четкостью: не успели «спецы» по частным раскопкам выйти из полицейской машины, как их приняла на борт «шестерка» и умчала разбойников вместе с рациями, помповым ружьем, древними чашей и кинжалом. Сотрудники Центра осмотрели разграбленный курган. О том, что наука лишилась в этот раз больших музейных редкостей, говорила бутылка шампанского, которую гробокопатели перед уходом поставили на край многоступенчатого шестиметрового колодца. Кругом следы могильного варварства: груды камней, кубометры земли, разбросанные человеческие кости и осколки глиняной посуды. Действовали грабители рационально. Вклинились посередине и методом стесывания быстро зацепили так называемые впускные ходы. Недели три они хозяйничали на кургане. В случае необходимости копатели могли связаться по рации с охраной, которая, вооруженная до зубов, неотлучно колесила в окрестностях на «шестерке».

После выхода сенсации в журнале «Аврал» на меня было совершено натуральное покушение. Пуля снайпера опалила лицо в районе лба. Киллер хотел вынести из черепа пытливым мозг. Я стал носить светлый парик и темные очки. Для конспирации. Как Рихард Зорге.

Пятый

«300 лямов в еврах стоят украшения сарматской жрицы! – горячо прошептал уже знакомый вам персонаж Джиграти, поймав меня на проспекте. – Приходите. Я вам такое расскажу! Закачаетесь!»

Вскоре замдиректора археологического ведомства продолжил тему: «В начале 80-х мы раскопали сотни курганов. Я являюсь автором открытия наиболее ценной находки того времени – погребения сарматской жрицы. Это произошло в 1983 году. Курган высотой 8 метров находился на берегу

реки. Он был возведен в эпоху неолита, то есть 3 тысячи лет назад. Вообще древний курган – это как современное кладбище, там присутствуют захоронения разных веков. В них хоронили всех умерших в данной местности, и курганы вырастали. Это сарматское погребение. Там были могилы 3,2,1 веков до н.э., сопровождавшиеся очень интересными ювелирными изделиями. Но наиболее выдающимся было погребение сарматской жрицы. Это была пожилая женщина (за 60 лет), страшно горбатая, для горба в ее гробу было сделано специальное отверстие, рост 180 см., хромая, мощные кости. Погребение относилось к рубежу тысячелетия, то есть дама была ровесницей Христа и, судя по всему, – проповедницей. В этом захоронении было найдено более 1000 золотых вещей. На руках массивные золотые браслеты, причем они не надевались, а накручивались, наматывались на длани – это было настоящее мягкое золото. Длина – больше 13 метров, на них изображались стада баранов, вес – 10 кг и 800 граммов. На груди – великолепная застежка в виде рогатых львов-грифонов. Широкие височные кольца. Кулон с мой кулак потрясающей красоты. И огромное количество разнообразных золотых украшений. Сама жрица была несколько раз обернута в огромную тяжелую золотую парчу. Стоимость всего перечисленного тогда была приравнена к 11 мзлэ-нэ рублей (автомобиль «Жигули» стоил 6 тысяч рублей). Сейчас в одном зарубежном музее я видел похожий кулон древнего стекла. Он был собран из осколков (склеен). На ценнике стояла цифра \$ 12.000 000. Конечно, данный исторический памятник вообще бесценный. В настоящее время сокровища сарматской жрицы хранятся в сейфе банка Platinum24 вместе с другими реликвиями».

Каково же было мое потрясение, когда на третий день после размещения статьи в сети я узнал, что надежнейший банк Platinum24 ограбили неизвестные в докторских масках. Они не стали взламывать сейф. Просто зацепили тросами ящик из легированной стали и выдрали его вместе с куском стены из помещения под охранной сигнализацией. Отлично сработала лебедка джипа «лендровер».

Финал

Давно замечено, что гиперценные и древние произведения рук человеческих обладают некой таинственной притягательностью и приносят своим обладателям неисчислимые беды. Граф Орлов купил в Амстердаме на аукционе бриллиантовое кольцо за фантастическую для того времени сумму в 400 тысяч золотых рублей. Фаворит подарил баснословно дорогое украшение императрице Екатерине Второй и был тут же лишен всех привилегий и выслан из Санкт-Петербурга в ледяную Сибирь.

Все люди, державшие в руках Павлодольский аналог Фестского диска, жестоко поплатились за это. У музейного труженика Эдуарда Ч., принесшего невинный черепок на экспертизу, погибли дети. Ученого Виталия Т., в кабинете которого долго пылился раритетный фрагмент, задавила на-

смерть легковушка. Интервьюера Владимира К. вскоре после проведенной им экспертизы разбил инсульт. С тех пор правая рука профессора висит плетью.

Для меня самым поучительным знаменем явилось покушение. Оно внушило мне полезное правило: от легендарных сокровищ лучше держаться подальше и любоваться ими в музеях. Причем руками лучше не трогать!

Кстати, я – журналист, акула пера, корреспондент газеты «Пульс дня». ФИО раскрыть не могу: вынужденно шифруюсь. А фамилию редакторши, так и быть, засвечу – Дышлова. Подпольная погребуха у неё «Лишь бы чего не вышло». Очень верная, как оказалось, позиция!

Короче, я приказал жене трубку стационара не снимать.

– Будем заметать следы! Дескать, нас круглосуточно нет дома по причине отъезда в отпуск, – разъяснил популярно.

– А свет вечером со двора видно, – возразила она.

– Лампы горят спецом – чтоб воры подумали, что мы дома, и не включили налет! – огрызнулся я.

– Да врубилась, не дура! – Супруга обиделась и в пику мне ответила на звонок.

Тут же пришлось собирать вещи. Ведь вызвали меня не куда-нибудь, а в Следственный комитет. Попрощался я с женой. Та, понятное дело, в слезы. 20 штук ежемесячно – мимо носа. Жалко!

По дороге вспомнил рекомендацию шпиону из романа Тома Клэнси: «Чтобы не случилось, помни, главное – стрелку перевести». Какую и куда, сообразить я не успел. Перекрестился на купол часовни у здания МВД и вошел в комитет. У нас в Павлике все силовые конторы расположены на улице Пушкина. Рядышком. Как дыни на одной грядке. Удобно. Все душевные господа сразу под рукой. Для проведения урожайной посадки.

Возле турникета в стеклянном скворечнике сидели два сержанта. Спортивные парни. Борец и Каратист. Спросили документ. Я отдал.

– Колющие, режущие есть? – грубо поинтересовался служивый со сломанными ушами.

– Нет, откуда? – Я замахал конечностями, как мельница.

– Надо бы обыскать, – Коп с натруженной ладонью дернулся встать.

– Оставь, оно тебе надо? Контур все покажет.

– Я, что, подозреваюсь в терроризме? – Во мне проснулся не ко времени репортер. – Стар я уже по горам бегать. Мне 56 лет.

– Они и в 67 бывают, – хмуро сообщил Борец.

– Вам на пятый этаж, – послал меня Каратист.

– А в какой кабинет?

– Вы поднимитесь и ждите.

Изрядно запыхавшись, я добрался до последнего этажа. В пустом коридоре на полу был коричневый линолеум, стены покрашены розовой водоземлюсионкой. «Понятно, с такого покрытия кровь легко смывать». Мое

прозрение сразу подтвердилось. Из какого-то офиса стал ясно доноситься монотонный мужской скулѐж. Конечно, не после угощения слишком горячим чаем. Неприятная слуховая галлюцинация растянулась на целый час. «Психологическая обработка, – смикитил я. – А следак всё видит. Камера где-то спрятана».

– Заходите, садитесь. Побеседуем. – Следователь Гадаев был предельно вежлив.

«Контраст по сравнению с сержантами. Эффективный прием: злые внизу – добрый наверху».

Улыбчивый юноша в щеголеватом камуфляже сел за раскрытый лэптоп.

– Уважаемый, объясните, пожалуйста, ситуацию. Как только вы напишите там про какой-то... факт. Так его похитят или затопят. Что можете пояснить следствию?

– Ничего. В статьях везде прямая речь. Говорят участники событий. С них и спрос.

– Да. Но подпись ваша. Сначала придется ответить вам. Что не понятно?

– Понятно. Я не при делах.

– А кто?

– Точно не знаю. Внешне похож Джиграти.

– Почему?

– Бородища у него, как у Хаттабыча.

– Отлично. Распишитесь.

Уходил я из комитета не спеша. Деловитым шагом. Как Штирлиц. В вечернем парке не выдержал: раскинул широко руки, вдохнул прохлады по диафрагму... Свобода!

Гадаев долго резал трусцой вокруг ксерокса. Собирался с мыслями перед судьбоносным шагом. Затем остановился, крепко зажмурился, нажал кнопку громкой связи и гаркнул по-военному:

– Товарищ полковник, подозреваемый по делу «Платинум» обнаружен!

– Молодец, Гадаев! Кто? – строго спросил начальник.

– Замдиректора Джиграти.

– Да ты чо?

– Точно! Он на Хаттаба похож.

– Родственник?

– Так точно! И в США часто шныряет.

– О! Здесь гешефтом пахнет!

– Еще каким!

– Так! Бери его теплым – и в холодную!

– Есть!

– Немедленно выезжай! Через 20 минут чтоб доложил!

– А если пробка?
– Штопор с собой возьми, дурак! Всему вас учить надо. А воще прально! Для смелости надо! Ну, с Богом! Наливай, Ируня!
И, весело матюкнувшись, полковник отключился.
– Вперед за кассой черного маклера! С банком пролетим – так кто виноват? Журналист нагадил! Главное – стрелку перевести!!! – подвел черту в построениях, близких Теории вероятности, предприимчивый следователь.
Окрыленный Гадаев помчался выполнять категоричный приказ. Уже на ступеньках резко тормознул. Стукнул себе кулаком в темя. Вернулся пулей. Выхватил маникюрный набор из ящика стола. «Пока доедем, дырок в погонах для звезд насверлю!»

Этот креативный Вовочка

1.

Утром семья собралась вместе за завтраком. Внешний облик Вовы был очень приятный: ниже среднего роста, симпатичный, гладко причесанный...

Папа сидел на кухне с газетой. Мама готовила бутерброды. Вова потянулся за едой. Хрясь по руке!

– Умойся сначала! – грянула команда.

Вова шмыг в ванную, помочил под струей один палец. Прыг в кухню, снова потянулся за сочным беконом.

– Погуляй с Анжеликой!

Вова вылетел с собакой на лестничную площадку, задрал ей лапу, вернулся в квартиру, цапнул наконец бутерброд. Но из-за спешки уронил, поднял, подсунул папе. Тот, увлеченный статьей, сжевал.

Отец закончил знакомство с прессой. Отложил в сторону «комсомолку».

– Вова, время еще есть, ну-ка займемся математикой. Вот к примеру, ты знаешь, сколько сосед наш Карпов, Пашкин пахан, зарабатывает?

– Знаю. Семнадцать штук. Он коп в ментуре.

– А мать?

– А мать – продавчиха. Ей аж двадцать платят.

– Так. И сколько у них вместе получается?

– Сто тыщ.

– Во! Считать не умеешь. Сегодня точно двойку схлопочешь!

– Двойку так двойку... Зато они живут как люди, и Пашка весь в «гуччу» упакован!

– Марш в школу! Говнюк еще родителя учить! – Отец метнул в сына пластмассовую чашку.

Вова легко увернулся. Рэнц – исчез.

– Да-а, в наше время мальчики еще умели краснеть, – мечтательно протянула мама.

– Ага! Представляю, что ты им втирала! – Вова крикнул из коридора.

Мимо него вжикнула тарелка. Предки заверещали:

– Ну, наглец! Паразит! погоди!

Вова в костюмчике прополз по-пластунски до двери. Надел ранец, съехал по перилам, выскочил из подъезда.

На улице пожилая туристка сказала подругам:

– Сударыни, устами младенца глаголет истина. Мальчик, – обратилась она к Вове, – скажите на милость, правду ли говорят, что здесь очень плохая экология из-за химического завода?

– Да что вы! Ареал отличный! – заверил Вова. – Когда я здесь появился, у меня не было ни волос на голове, ни зубов. А сейчас – посмотрите-ка!

Он показал лопаты резцов.

– Хм, а позвольте спросить, давно ли вы живете в Павлодольске?

– Уже да. Прилично. 10 лет. Вот как раз мой роддом. – Вова сделал жест Ильича и продекламировал с выражением: – Я родился слишком рано – до лафы маткапитала!

Старушки испуганно отшатнулись.

– Атас! Хулиган! Тревога! – Возрастные туристки попрыгали в минивэн. «Микрик» резво умчался.

Вова подул на палец, как на разгоряченное дуло кольца. Сунул воображаемый шпалер в карман. Повернул за угол... И замер... К нему приближалась по тротуару прекрасная Ира. В руках – кейс и нотная папка...

Вова расцвел от счастья.

– Ир, угощаю! – Он протянул конфету «Аленку».

– Привет, ВольдемАр! – Ира бросила лакомство в рот. – О! Вкусно!

А ты?

– Мужикам есть сладкое не идет. – Вова проглотил слюну.

– Вааще мама говорит, от сладкого зубы выпадают.

– А беззубая женщина лучше.

– Фу! Не красиво.

– Зато не кусается.

– Сам козел!

Ира обиделась и убежала.

2.

Дальше путь Иры пролегал через парк. После дождя тропа была грязной. Злая на Вову, девочка спешно семенила к уже видной за деревьями школьной домине...

И вдруг сзади раздался грубый рык:

– А ну стоп, шкура! Стоять, бояться и молчать!

– Ой...

Ира испуганно замерла на месте.

– Рожу по швам! Не оборачиваться! Только рыпнись у меня! Убью!!!
Долбать мой лысый череп!

– А я ничё... Я стою... – Ира проблеяла, не смея оглянуться.

– А терь лечь на все четыре!

– Пустите, дядечка, я же еще маленькая, – взмолилась девочка.

– Лечь, шкура! Пристрелю к чертям собачьим!!!

Делать нечего – Ира плюхнулась в грязь на локти и колени.

– И с Богом! Поползли!

Ира, натужно сопя, преодолела метров десять в глинистой жиже. Невидимый мучитель вдруг смилостивился:

– Ну, хватит землю пачкать. Сгрёб кости и греми отсюда!

За рыком вступило мелодичное женское сопрано:

– Майкл Бертон вспотел от ужаса. Он понял – это конец... Дорогие слушатели, продолжение триллера «Гроб из Чикаго» слушайте...

Ира затравлено оглянулась. Возле клена стоял Вова с плеером в вытянутой руке. Он вырубил запись mp3 и деланно удивился:

– Ир, куда эт ты ползёшь, как голый в баню?

Он спрятал гаджет и проворно оббежал её стороной.

– А ваще да, на урок не опоздай, а то Ленпална заругает!

– Ну, шибздик! Ну, шкет! – Замызганная Ира трахнула в сердцах кулачком по тропе. Комок грязи ляпнул ей в глаз. Она поднялась, размазала глину по ангельскому лицу, проскрипела сквозь зубы: – Ох, вспотеешь ты у меня от ужаса!.. Урод!.. Выжимать придётся...

3.

Пройти по школьному коридору было не просто. Сбивая с ног, стремительно носились дети. Из классных дверей вылетали ранцы. Одна выстрелила даже стулом. Он с треском рассыпался от столкновения со стеной.

У двери 3«в» была космическая тишина. Ира, боясь диверсии, осторожно заглянула в приоткрытую створку...

В классе все ребята увлеченно слушали Вову. Они плотно сгрудились вокруг учительского стола. Потому что Вова сидел на стуле. А предмет мебели стоял на столе.

– Лежит обезьяна на берегу, пузо под солнце подставила, воду прутиком гоняет, – вкрадчиво вещал юный сказитель. – А тут мимо плывет наша классная Ленпална стилем по-собачьи и спрашивает: «А что это ты тут делаешь?» Обезьяна зыркнула туды-сюды: никто не подслушает? «Ладно, – говорит, – давай стольник. Тебе одной скажу по большому секрету!» Ленпална дала. «Так что ж ты делаешь?» «Воду прутиком гоняю! Не видишь, что ли?» «Ну, и дура!» – обиделась Ленпална. «Дура – не дура, а не училка какая-нибудь – штуку в час всегда имею!»

Проказники громко расхохотались. Зазвенел звонок. Ученики разлетелись по местам. Последним бежал Вова. Ира коварно подставила ему ножку. Но ловкач не упал. Он зацепился ступней за предательскую ногу и сильно дернул. В результате растянулась Ира. Все опять покатались со смеху. Ира, вскочив, показала Вове кулак. На большее она не решилась.

А в онемевший класс вошла Ленпална...

– Хай, тинейджерс! – поздоровалась она.

Идеальные голливудские зубы блеснули, как фотовспышка! Дети ничего не ответили. Они потеряли дар речи. Только челюсти щелкнули от удивления. Мальчуганы, забыв где они находятся, восторженно простонали: – Вау! Ничё себе гирла!..

Сегодня Ленпална была не строгой учительницей. Она вдруг освоила броский имидж недораздетой соблазнительной манекенщицы...

– Дети, сегодня у нас на уроке присутствует член попечительского совета, щедрый спонсор нашей школы Олег Петрович!

Спонсор величаво вошел. Это был вылитый Джонни Депп. В костюме от Армани, запонки и пуговицы в брюликах от Тиффани. Благоухал джентльмен туалетной водой Antonio Banderas...

– А-а-а! Во мэняра!.. – задохнулись от изумления девочки.

– Здравствуйте, молодежь! – Депп сел за последний стол рядом с Вовой.

– Здрасти-здрасти...

Класс прошелестел, как лес листьями...

– Соберитесь! Раскачиваться не будем. Сразу к делу! Проверка айкью. Кто назовет имена деятелей, прославивших нашу страну на весь мир?

Никто не шелохнулся. Мальчишки вожаденно поедали глазами учительницу, девчонки – члена совета. Один Вова, осатанев от сильного одеколонного запаха последнего, очень резко зажал нос пальцами. Получилось, поднял руку.

– Вова, ты хочешь ответить?

Вовочка нехотя встал и прогундосил:

– Кудрин Строптивный, Жирик Драчливый, Рогозин Нескучный, Навальный Непослушный.

– Садись. Он у нас немного шутник, – Ленпална тепло улыбнулась спонсору.

Депп махнул успокаивающе ручкой и вытянул губы, как для поцелуя.

– А теперь тест на абстрактность мышления. Скажите, о чем кто думает, когда видит обыкновенный кирпич? Сердюков!

– Я думаю о неприступности наших границ!

– Хорошо. Алишер!

– Я думаю, что когда вырасту, куплю себе виллу с конюшней и бассейном в Испании.

– Ну что ж, очень полезная для здоровья мысль.

Вова опять зажал нос.

– Вовочка!

– Я думаю о вас! – отчеканил он.

– Почему?

– А я все время о женщинах думаю.

– Молодец! – похвалил Депп. Затем, спохватившись, подскочил. – Э-э, в смысле, все молодцы, но извините, Елена Павловна, пора на стрелку акционеров...

Спонсор поспешно вышел.

– Приготовьте на проверку домашнее задание! – Классная выпорхнула в коридор вслед за гостем.

Депп за дверью сразу её обнял, прижался щекой к щеке...

– Видел? Я прямо не могу больше работать, – возмущенно затараторила она. – Курят, пьют, нюхают, матерятся! Один даже сказал, что хочет меня... – Последнее слово Ленпална шепнула ему в ухо.

– Кто? – страстно целуя шею, спросил Депп.

– Что? Кто? – Она тоже завелась, задышала, как паровоз.

– Кто сказал?

– Вовочка... Ах...

– Ох... Как я его понимаю!..

Рэнц – в коридоре материализовался любопытный ученик.

– Вовочка! – Она испуганно отшатнулась от кавалера. Одёрнула задравшуюся юбку.

– Олег Петрович, а что это вы тут делаете с нашей Ленпалной? – Вова задал вопрос на засыпку.

– Ничего! Я одежду на ней поправлял.

– Можно мне в туалет?

– Можно. И побыстрей!

– Да расслабьтесь, – Вова сказал покровительственным тоном, – я же не Мамонтов с НТВ.

И убежал.

4.

После уроков дети хлынули потоком из школы. Вова шел рядом с Алишером.

– Босс, подвези до хлебного, а то опаздываю – на перерыв закроется, – попросил он.

– Да? А кто меня Крокодилем обозвал?

– Ира! Я только повторил. Нечайно. Маму не видать!

– Ну поехали, раз нечаяно.

Ира догнала ребят.

– Алишерчик, до музыкалки не подбросишь?

– Нам в другую сторону. – Вова ответил за соученика. – Бензина можешь понюхать – веселей дотопаешь!

– А вот и нет, – подло хихикнул толстый богатей, – желанье дамы для меня закон.

Мальчик и девочка влезли в салон подждавшего на улице «форда» и укатили.

– Облом! Олигарх за леди наплевал на Федю!

Вова почесал затылок и помчался по проезжей части на скейтборде. По дороге весело запел:

– Под поэтом серый камень, был бы легче, стибрили. Серый камень так не тянет, как иксы да игрики!

5.

К своему подъезду Вова подлетел на всех парах, обкусывая корочку с батона.

На скамейке у входа сидели престарелые соседки. Одна неожиданно подскочила и заорала дурным голосом:

– Этому уже нет названия! Это неопишуемая наглость! Опять ваша собака носилась без присмотра и опять съела моего попугая!

Рэнц – Вова проскочил пулей в дверь.

– Спасибо, Дарьфилимонна, за предупреждение! Я скажу маме, чтоб она её сегодня не кормила! – Конец фразы он выпалил уже из лифта.

Дома Вова прошел на кухню. Там сидели за бутылкой папа и его друг – дядя Толя. Мужчины были уже изрядно под хмельком.

– Вова, иди отсюда! Мы тут курим! Дыхнёшь – умрёшь! – гаркнул осоловелый отец.

– Да пусть посидит. Это же наша смена! – Дядя Толя бухнул в стакан пепси-колы. – Дуй, шпион!

– А наш класс вчера был на стройке. На экскурсии, – сказал Вова.

– А, Ленпална водила, да? – спросил отец.

– Ага, она. У нас в классе еще дочка её учится – Ира.

– Хорошая у него учительница! Вот такая бикса! Да я тебе показывал, Толь!

– А, помню-помню. Классная баба! Ну и как прошла экскурсия?

– Быстро, – ответил Вовочка. – Ленпална раздала нам каски и говорит: «Дети, наденьте каски. А то был такой случай. Мальчик и девочка пошли на стройку. Девочка была в каске, а мальчик нет. Им на головы упало по кирпичу. Мальчик умер, а девочка рассмеялась и убежала». Я сказал: «Да, точно, её еще в психдом упекли». Тут меня Ленпална почему-то домой отправила. Говорит: «Чеши быстрее! Видеть тебя не могу!» А я ей говорю: «Да при чём тут я? Мне папа про неё рассказал. Он на той стройке работает. И те кирпичи случайно у него из рук и выскочили!»

– Так, Вова, иди делай уроки! – Папа треснул кулаком по столу. А дядя Толя захохотал и вдруг осекся. Сказал обеспокоенно:

– А что это ваша Анжелика так недобро на меня смотрит?

– Не обращайтесь внимания, дядь Толя, – поспешил успокоить его Вова. – Наша бульдожка всегда так смотрит на того, кто ест из её тарелки.

– Вова, всё! Достал! – рявкнул отец. – Иди по-хорошему!

– Ну, иду-иду. Только пусть дядя Толя даст пистолетом поиграть.

– Да, дай ты ему, а то не отвяжется. Только проверь – патрона не осталось.

– Конечно, береженого Бог бережет. – Дядя Толя достал из кобуры ПМ, вынул обойму. – Ну, держи, вояка!

– Спасибо! Ой, дядь Толя, вы не заметили, у вас в водке паук плавает!

– Ничё! Он много не выпьет! – заорал отец. – Катись!

– Ура! Это вы продаете славянский шкаф? – Вооруженный пацан умчался в квартирные дали.

6.

Смеркалось. Ира и Ленпална чинно шли мимо Вовиного дома. Обсуждали премьеру «Аиды» Джузеппе Верди в оперном театре...

Рэнц – Вова выпрыгнул из кустов живой изгороди. Он встал в трех метрах от дам, широко расставив ноги. Двумя руками держал пистолет – дуло было недвусмысленно направлено в грудь Ленпалны.

– Стоять! Руки вверх! – приказал бандит. – Пушка настоящая – кто сдвинется – шарахну! И запросто. Все равно не посадят – я маленький ещё.

– Ой, МА, я боюсь! – Ира прижалась к матери.

Ленпална медленно растопырила пятерни, как психотерапевт, и залепетала дрожащим голосом:

– Вовочка, ты что... нас... меня... не узнаешь? Я твоя классная руководительница...

– Вот именно узнаю, – злорадно заявил мальчик. – Только так вас можно заставить услышать ПРАВДУ! Вот вам агентурные вести про «кучерявых» дружков, лопайте неслабую инфу для размышлений. Компания вашего хахаля Олега Петровича сдала в эксплуатацию туннель. В доку-

ментах протяженность 190 метров, в натуре – 120. За пропавшие «лимоны» скоро сядет ваш любовник... А папаша Алишера тоже залетел под дело! Как варенье из буфета, спёр он бабки из бюджета. ФСБ взяла вдруг след, и ему настал пипец!

Тут сзади из подъезда вывалились папа и дядя Толя.

– Атас! – Вова оперативно нырнул в кусты.

Капитан ОМОНа дядя Толя рванул за ним. Отец остановился перед испуганными мамой и дочкой.

– Извините, немного не доглядели, – Он покаялся, приложив ладонь к торсу. – Но щас, конечно, мерзавец будет достойно наказан!

– Да уж пора принять меры! – гневно воскликнула Ленпална.

– Да вы руки-то опустите, – напомнил папа Вовы.

– Совсем развинтился ваш сынок! Вчера на уроке муху на столе нарисовал. Я руку об неё отбила! Сегодня вообще чуть не пристрелил!!!

– Добрый вечер! – Дядя Толя вежливо кивнул. Он вел за ухо обезоруженного гангстера.

– Ну пусти! Ну что я такого сделал? – конючил Вова. – Подумаешь, в маньяка поиграть нельзя... Пусти, садюга!

– Слышали? Грубые слова стал допускать! – заметила классная. – Налицо чье-то тлетворное влияние.

Папа Вовы обиделся и стал рубить воздух ребром ладони:

– Если вы, ЕлЁна Пална, думаете, что я ругаюсь матом, то я должен со всей ответственностью заявить: у нас и в семье, и в бригаде культура на высшем уровне! Вот вчера Мосёл, то есть Петр Иванович, уронил мне на голову молоток со второго этажа. И что же я? Ты, говорю, Петр, здесь не прав!

– Да я вовсе не хотела...

– Вот так, Ёлы-Палы!..

– Ну, простите...

– До свидания.

Папа сорванца удалился в дом величавой походкой.

– Строитель какой-то, а строит из себя аристократа, – фыркнула Ира. Она пришла в себя после экстремального испытания для нервов.

– А зря ты так огульно клеймишь хороших людей, – Ленпална вдруг возразила дочке. – Я бы на твоём месте присмотрелась к Вове. Парень он, оказывается, вовсе не глупый. Тут перспектива у нас может получиться. И фамилия у него звучная – Панов...

– Ну, МА-а, ты же сама говорила: нечего нищету разводить! – удивилась девочка.

А Ленпална встала в третью позицию и вонзила в небо палец:

– Ира, запомни, только тупые не меняют свои мнения!

– Но он же мелкий!

– Не в росте счастье, а в мозгах!

7.

Следующим утром Вова подкараулил Иру на улице. Подбежал сзади. Посмотрел с мольбой во взгляде снизу вверх.

– Ир, извини, я вчера неудачно пошутил.

– Отстань!

– Ну, давай портфель потащу.

– Тарань. – Ира самодовольно улыбнулась.

Вова скривился от книжной ноши.

– Давай, я еще папку понесу.

– Да ничё, она легкая.

– Жаль, а то б я и её понес, – Вова сокрушенно кивнул.

– Музыка – это святое. Её нельзя лапать всяким.

– А где ты любовника потеряла? – Он вежливо спросил.

– Кого-кого?

– Алишера, кого ж ещё? Хотя да! Совсем забыл. В любви, как в школе, самое интересное – перемена. Да?

– Два! А на три – сопли подотри!

– Да ладно, не грейся. Конфетку хошь?

– Жуй сам свою дрянь!

– «Мишка на Севере»! Это тебе не «Альпенгольд» вшивый!

– Да? – Она скосила глаза. – Тогда беру.

Ира моментально развернула и бросила конфету в рот.

– Что, вкусно? – Он поинтересовался.

– Вкусно, вкусно! – прошамкала девочка.

– Странно. А в «ящике» хай подняли: на кондитерской фабрике в шоколаде радиацию нашли!

Ира резко остановилась. Выплюнула коричневый комок. Размахнулась рукой с папкой...

Рэнц – Вова растворился в воздухе. На асфальте стоял один её дипломат.

Ира повертела головой и мстительно прошипела:

– Ничё, микроб гриппозный, попадешься ещё мне!

Но по-настоящему девочка не разозлилась. «Втюрился – сто процентов! Ма чётко срисовала, – удовлетворенно подумала юная охотница. – Ох, морока с ними, с Букварями... – Она тяжело вздохнула. – Но ничё, опять прибежит. Попал на крючок Вован-Дурачок!»

Она стала беззаботно помахивать кейсом и папкой в такт шагам.

ФРАЗЫ

Любая женщина – это мина под мужиком с неизвестной датой взрыва.

Ешьте, братки, часто, но много,
Ибо когда вас ограбят жестоко,
От смерти спасет жировая прослойка.

В Москве люди очень быстро растут. В 13 лет она рассекала по Тверской со спонсором и выговаривала уже 20 букв алфавита!

Мышь от голода прогрызла дыру в стене и ... наелась.

Белоснежка и семь негров.

Любовь – это системная ошибка. Женщины отличаются одна от другой только размерами «лапши», которую они вешают на уши мужчин.

Если она не права – быстро проси прощения.

Русская диета. Есть надо один раз в день. С утра до вечера. Без перерыва.

Если в ночи к вам подкрался маньяк,
На номере мужа включите мобильник.
В голос кричите, как горный ишак!
Может в супруге проснется насильник?

Ходила девочка в кабак
С веселыми парнями.
Однажды те напились так,
Что после все заснули...

Каждый, носящий штаны, куда больше раскошелливается на юбки.

На медицину Катя страшно зла –
Опять у кадра медсестра жена.

Ешьте, дети, «Геркулес».
Морда будет – расступись!

Красоту спасет мир во время секса.

Первый закон совместимости. Мозгов у неё было немного, зато ровно столько, сколько ему всегда не хватало.

– Это вы жених?

– Нет, я срезался на вступительном испытании.

Одна голова хорошо, а две – уже наливай!

Глотнул портвейна таракан,
Никак не выйдет сквозь стакан.

Русские медленно запрягают, а потом вообще никуда не едут. На социалистическую разминку перед феодализмом ушло 70 лет.

Любимая – фея,
Но жизнь – лотерея.
Готов будь Никита
Отведать копыта.

Если гора не идёт к Магомету, он просто вынужден конкретно пройти по неуступчивой возвышенности!

Нет жарче занятий,
Чем с девушкой сексом.
Нет крепче лобзаний,
Чем в бане со «швепсом».

Если слуга Дьявола приглашает «заходите», то скоро о Вас скажут «он от нас ушел».

Она ложилась с мужиком только в одном случае. Когда ела шоколад «Альпенгольд».

Здравствуй, дедушка Мороз!
Отдавай оленей
И подарки, что привез,
И цепочку с шеи!

В отделе Никола
майора обидел.
А пить надо дома –
в привязанном виде.

Женился друг на фермерше,
Любил он пожевать,
Потом колбас батонами
В зубах поковырять.

Сердюков на Останкинской башне
Встал к окну, не надев парашют.
Ветер рвал на груди всю рубашку:
Лучше он, чем зазнобы порвут.

Тонкий нос лучше смотрится, но громче сопит.

СТИХИ

Ощущение

Каждый день спиной ощущаю,
как за мной следят перископы.
И оптические прицелы,
и ночное видение.
Кто-то нас поставил на доску,
как пластмассовые фигуры.
Кто-то нами по жизни движет,
поселившийся в каждый комп.

Нет давно уж красных и белых,
нет краев, областей и республик,
нет ни центра, ни государства,
есть лишь зоны влияния.
Мир распался на тех, кто виден,
и на тех, кто под мраком тайны.
Если ты любопытен слишком,
то подставишь под пулю лоб.

Не секрет – всем только б продаться
за зеленых крутую цифру.
Покупающий призрак знает:
на сегодня по сколько кто.
Прокурора прайс – пресс бабловый,
губернатора – пачка акций,
президенты – те подороже,
сошки мельче – хрустов по сто.

Нынче в моде «Порши» и пьянки,
энергетики, гороскопы,
фильмы ужасов, гей-тусовки.
Так зачем нам вот это всё?
А затем, чтоб дольше не помнить,
что живем мы под знаком бакса,
что профессия века – киллер,
что рулетка – наш рулевой.

Черная дама

Ах, сколько жен чужих повсюду
и аппетитных, и худых,
но никогда я не забуду,
как НЛЮ, одну из них.

Как Джамалунгма неприступна,
горда, как памятник, была.
Не шла – летела, словно в ступе,
вся в черном дамочка-яга!

Насквозь от ведьмы секса волны,
что ни словечко – динамит.
Любой плейбой лишался воли,
лишь только пальчик поманит.

С одним она поразвлекавшись,
брала другого в оборот,
как снежный ком всё разрастался
сердец разбитых хоровод.

Но разгадал я тайну милой,
сквозь уши мир входил в неё,
прекрасные глаза же были
лишь украшением и всё.

Тогда раскрыл я пасти музу,
и грянул гром – ушла она
от упакованного мужа
в сарай паяца-болтуна.

Звезды

В темноте без звезды
Никуда не пройти.
Даже днем без звезды – ерунда.
Счастье трудно найти,
Молит каждый почти:
– Упади ко мне в руки звезда!

Небо шутит порой,
Сыплет звезды рекой,
Но попробуй одну хоть поймать –
У ладоней ковшом
Гаснут все до одной,
Ну а днем их совсем не видать.

Так в погоне пройдут
Много тысяч минут.
И скажу я любимой: – Прощай!
И опять в поздний час
От наивных всех нас
Будет так же далек звездный край.

Весна

Прекрасная панорама:
В зеленых деревьях город,
А выше сияют горы –
Серебряный камень и снег.
А в комнате пара бардов
Горланит чужую песню,
А девочкам интересней
Не «Юриахип», а Цой.

Когда-то всё это было
В стране ужасно далекой,
Оставившей след глубокий
В мозгу... и сердечную боль...
Страна та – любовь до ручки.
В ней лютой зимой потеешь,
Без водки вдруг соловеешь,
Во рту без Сахар песок.

– Проехали, – утешает,
Боясь сумасшествия, разум.
– Руби всю заразу сразу!
Зачем рисковать от добра?
Но песню кричат два барда –
Мелодия хлещет в спину...
Да, снова я всех покину –
Отвальный аккорд уж дан.

Куда-то зачем-то еду,
Как зомби, не зная цели,
Хоть вроде совсем не бездельник,
И вот как выстрел в висок –
Ко мне в купе вводит даму
Колдунья Весна-проводница...
Из яви и сна поезд мчится
«Владикавказ-Любовь»...

Кошмар

Покидаю ярких девчонок –
Каждый шаг, как под острый топор,
Выхожу из приятных потемок
Сам к себе на колючий ковер.

Неприглядная в общем картина:
Ни рубля, ни квартиры, ни зги...
Вижу, глаз на меня положила
Разодетая дама-пузырь.

Всё железной объятия рынка...
Эх, продамся за крышу и стол!
Пусть слюнявит меня до обмылка
Похотливая девушка-слон.

Решено! Я встаю, страсть играю,
Только чувствую: ног ни одной...
Как отрезал и где-то оставил.
Ну и сел... и плюнул слюной.

Кладбище

Фигуры шахматной немоты,
белые вклинились в черные.
Вместо того, чтобы делать ходы,
ставят и ставят новые
старуха, выжившая из ума,
и совсем несмышленный ребенок,
если б не два крыла.

Любовь

Я не долго бываю с тобой –
всего несколько тик и так,
и мгновенья приносят боль,
лишь звеня, как монеты, в часах.
Но потом ими я живу,
словно нищий, нашедший клад:
ничего никогда не куплю,
только слушаю, как звенят.

Песня разведчика

Подлый удар в драке
Бегство, стрельба, борт
Рейс «Амстердам-Прага»
Мимо пока морг

Службы приказ резок
Жжет мне ладонь «глок»
Первым успел срезать
Как мистер Джеймс Бонд

Враг заманил в сети
Но пока жив – бой!
Плюну в лицо смерти
Вырваться – долг мой

Будут болеть раны
Выльется кровь вся
Но хоронить рано
Нужен стране я!

Уикенд

Свет – неоновый сверчок
Но щелчок – и он умолк
Тишина чтоб – свечи
Комнату от темноты
Так освобождаешь ты
Как от платья плечи

Свет – бесформенный лимон
Сжат в ладонях тени
Капля сока в нем – огонь
Бьется сердцем в теле

Вот и комната жива
Тайн мерцающих полна
Говори – ответит
Но шептаться до утра
Не дадут мои уста
Свет потушит ветер

Ночь и день и снова ночь
Мы хоть раз бы сели
Счастлив тот, кто проведет
Уикенд в постели

Свет – неоновый сверчок
Но щелчок – и он умолк...

Метаморфозы

На круиз мужик скопил
Мол, хорош на катере
А корабль вдруг поплыл
Вниз по курсу якоря!

Повезло братану Вовке
Лайнер сел как птичка в поле
Ноги поломались только
Вышел – трапа нету что ли?

Конкурентов всех уел
Гангстер дон Витторио
Но подумать лишь успел:
Жарко в крематории...

Аль-Фаед в себя влюбил
Ди серьезно – по уши
Лимузин в бетон всадил
Вдруг шофер на скорости...

Иисус Христос учил:
Бедный и богач равны
Разные у них харчи
Но калории вредны!

Пользуются дня теплом
Оба без оплаты
Просто водит крѐз авто
А бедняк – лопатой.

Иностранка

Я – Близнец как Мэрилин
Ты – Весы как Мastroяни
Мне по нраву черный свинг
А тебе – пушистый заяц
Я в движенье вечном ртуть
Ты скучаешь за баранкой
Я не дам тебе заснуть
Будешь монстром с иностранкой!

Я последней не была
Я всегда на прима-роли
Ты не твердый как металл
Ты – поющий дрозд не боле
Мне претит такой расклад
Я с утра палящий ветер
И вот вышло как то так
Вместе мы на этом свете

Мы как бабочка и ёж
Хоть на вид крутая пара
Минералочку ты пьешь
Я вискарь тяну из бара
Доза смерти – каждый час
На терпение экзамен
Ясно всё давно для нас -
Ядом мы друг друга жалим!

Значит

Утро. Грязные стаканы.
Сигарета. Марафет.
– Ешьте с хлебом Чудо-Раму, -
Телевизора совет.

Как всегда вокруг всё вроде
Но как взгляд твой даль ясна.
Просветление в природе.
Значит, я люблю тебя.

Полдень. Три сосиски быстро.
Сигарета. Анекдот.
Новости про террориста
И упавший самолет.

Мимо следует девчонка,
Попкой для меня вертя.
Но не действует нисколько.
Значит, я люблю тебя.

Вечер. Шоколад и вермут.
Сигарета. Хорошо.
И жевачкой «Вриглис спермит»
Звонко хлопаем ещё.

Ты смеешься, сочиняешь,
Знаю все твои слова.
Но ты не надоедаешь.
Значит, я люблю тебя.

Ночь. Интимная конфета.
Сигарета. На бочок.
Катастрофа на пол-света –
Оскорбительный намёк.

Вдруг конец земному раю –
Ты уходишь от меня.
Я как птицу отпускаю.
Значит, я люблю тебя.

Дело табак

Сигарета, как самолет,
Скользкий в темной ночи:
Горит бортовой светлячок,
Нет больше огней ничьих.
Я с ней выхожу пока
Из штопоров настроения,
Петель судьбы
И – плюки через левое –
Из падения!
Летим:
А вдруг плюхнемся
В воздушную яму сравнения,
Вот тогда уж покрутимся
В бочках
Стихо-
Творения!
Вылетаем и в СВЕТ, а что?
Там, конечно, ПЭЛ-МЭЛ креативный
И как «боинги» МАЛЬБОРО!
Только ПРИМА моя реактивней.
Правда, есть дефектный пустяк –
Так чадит, что на ПЭЛ
И на КЭМЭЛ вместе
Кашлянёшь разок,
Так простят
ПРИМУ-скрипку в табачном оркестре.
И лишь в черной бездне ночей
Я всё больше боюсь разбиться
О летящую без огней
Мысль о том,
Что тебе не спится...
Ты ведь часто мне говорила:
– Брось, сынок,
Успокой мое сердце!..
Ох, в руке сигарета сгорела,
Это ж надо же так обжечься!
Самолетик детства сгорел.
От усталости мёртв,
Чуть не мимо,
Лишь бы как
Сажусь на постель
С парашютом белого дыма.

Грусть

Рассыпал роту всю «отбой»
По ярусам, как по кормушкам.
Сон
Птахой
Из родных краёв
Стучится к сердцу в грудь-горбушку.
И вдруг блеснуло за окном,
В честь свадьбы хлопнули ракеты,
А месяца скривилась бровь,
Как будто в глаз попали небу.
То свет,
То темнота
И дом
Напротив шахматной доскою.
По клеткам желтых окон в нём
Фигуры за цветов игрою:
– Насквозь Медведицу! Ура!!!
Кровь звезд дымится справа, слева...
Как шахматы без Короля
Моя мечта о Королеве.

Двое

Был ветер – жуть какой!
Чуть-чуть не перевернулись трамваи,
Едва не рушились здания...
Но крепко два МИРА стояли -
Срощенные общими гранями.

Была тишина такая!
Что люди в ушах копались,
Не в силах понять,
что ЭТО –
конечно, не гибель света,
что просто они остались
в безумных МИРАХ тех самых,
когда им вздумалось взять
друг друга
и потерять...

Зато как солнце пальнуло,
Когда их снова столкнуло!

И был еще маленький случай.
Забыв,
Что они дождь и тучи,
Моря и хребты,
И черт знает что,
МИРЫ в саду
Нашли ерунду –
Яблоко сладкое –
И съели
ЕГО!

Никогда

Волна колес набегает
На гладкий рельсовый берег.
Прибой дорог из Америк –
И брызг воробьиная стая
К столбам в провода залетает,
В прическу под нотный стан.
Линейки – ещё не хорал,
Но как композитор звуки
Снимает с них ток состав,
И в горький танец разлуки
Срываются чьи-то руки,
И ноги
Бессильно гнутся,
Так поезд и не догнав...

Частушки хулигана Вовочки

Пушкин пошутить любил
Вот кто другом мне бы был
Пошучу сегодня я
За него и за себя

Алик наш везде-везде
Ездит с папой на «фордЕ»
Но я им балдеть не дал
На скейтборде обогнал

Куськин курит в туалете
Выпускает дым в окно
Чтоб немного закалиться
Перед тем, как пить вино

Комарова строит тело
Тонн 15 «марса» съела
Бочкой «пепси» запила
Чтоб спидуха не взяла

Ира – та принцесса вроде
Юбка коротка по моде
На боках карманчики
В каждом по три мальчика

И директор наш не лапоть –
На Ленпалну кинул глаз
Он духов ей столько дарит
Хоть носи противогаз!

О вреде трезвости

Почему же так жизнь нарочита?
Так мила ты была – вдруг жандарм!
Полки водкой дешевой забиты,
На ликер мой не тянет карман.

Раньше выпил «Мартини» – и к Нонке!
А теперь принял белой стакан,
И уже ты участвуешь в гонке:
Кто поднимет на грудь килограмм!

А не пить если вовсе ни стопки!
Прихожу – трезв, галантен – она:
– Значит, вечно заправлен ты водкой!
Ой, какой же я душой была!

Ответный удар

Под Ла-Маншем в Лондон был твой ход,
И по Ронстон-стриту на Блэк-роуд.
От меня ты выбрала уход.
Чтобы выпить есть, конечно, повод.

Вот судьба – великая игра! -
Близко не лежали преферансы,
Надо сделать снова мне себя
В тесном однокомнатном пространстве.

Или съездить, может, но куда?
Не озолотят любые сити.
Да к тому же, видно, болен я –
Сами лезут мысленные нити!

Сами же сплетаются в узор...
Я для них всего лишь как подрамник...
Взрыв идей! Апдейт шальных цветов!
Вернисаж уж точно будет в Канне.

Ты прочтешь за кофе новость в «Сан»,
Обзовешь себя последней мулей!
Интересно, вспомню я-то сам,
Что не чудо – ей готовил пулю?

Гитара

Изгиб гитары на ремне,
И кисть – паук на струнах тонких -
Плетет причудливую сеть
Из звуков режущих и ломких.
Она уже прошла насквозь,
Дробясь на вены, капилляры,
В нас бьется пламенная кровь
Из кругленькой гитарной раны.

Как мало в мире теплоты,
Встал в горле ком крутых ошибок,
И чтоб с ума вдруг не сойти
Растопим тромб огнем улыбок,
Зажженным от искринок нот,
Пассажей яростным пожаром.
Волнует как любовь аккорд,
Звонящий в такт сердец ударов.

Бессильны страстные слова -
Душа лишь музыке открыта.

Вивальди – светлая мечта,
От Вагнера мы рвемся в битвы.
Не зря в испанских городах
Любимым пели серенады -
Мелодии несет волна
И больше ничего не надо.

Песня о неглавном

Мы о главном подчас забываем
Но на репу не сыплем песок
А садимся в «ниссаны-кашкаи»
И летим куда ветерок

Каждый знает, что это ошибка
Что любви там на ломаный грош
Что не счастье капризное близко
А кислятина с именем Борщ

Подсластивши вином ту пилюлю
Мы вернемся на скучный свой круг
Кроме тех, кто совсем утонули
В море кайфа конкретных услуг

Душу часто мы прячем за шармом
Каждый в страсти находчив и смел
Все хотим, чтоб любили нас даром
А самим – не любить чтоб совсем

Наркотик

Я боялся, когда шел над пропастью.
Только камни порхали с тропы.
Но легко можно справиться с робостью,
Не смотря больше вниз с высоты.

В час, когда ты обессилен,
В океане и в горах
Выручает самый сильный
Наркотик Страх,
Наркотик Страх.

Я боялся, барахтаясь в воздухе.
Парашюта корежил кольцо.
А потом отпустил не из гордости:
Одурманило – ветер в лицо.

Для землян закон обидный –
Непривычно в небесах.
Но спасает самый сильный
Наркотик Страх,
Наркотик Страх.

Я боялся, что хвастаться мужеством.
Даже шпалер в кармане носил.
Понял я, как смешны все те ужасы
В час суда. Бог сурово спросил:

– Вам не страшно врать так сильно?
Передоза – это крах!
Я сказал: – Здесь рай, Мессия.
Стал как мёд
Наркотик Страх.

Буйвидас Виктор Ионович

Наркотик Любовь

сборник юмористических произведений

Vagant 2013

Подписано в печать 28.02.2013.

Компьютерный набор. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. – 15,0. Уч.-изд. л. – 14,8. Электронное издание

Заказ № 74

ООО «Вагант»

450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а

E-mail: vagantsv@gmail.com